

ИЗБОРСКИЙ клуб

русские
стратегии

№ 1(37), 2016

*Русский мир в оптике
мировых каст*

*Элиты и глобальный
миропорядок XXI века*

Успех проекта «Изборского клуба», посвящённый либеральной российской элите (см. журнал «Изборский клуб», № 10, 2015 г.), потребовал продолжения и развития применительно к глобальным элитам современности. В первой части нового проекта «Глобальные элиты и глобальный кризис» вниманию наших читателей предлагается установочный доклад и описание элитных групп важнейших цивилизационно-метарегионов современного мира: США, КНР, Евросоюза, Японии, Исламского мира, Латинской Америки и Индии. Во второй части будут представлены материалы, посвящённые трансграничным элитам: финансовым, политическим, информационным, военным; спецслужбам и т.д.

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Сомнения и надежды
- 6** Группа экспертов под руководством Александра НАГОРНОГО.
Элиты и глобальный мир XXI века
(доклад Изборскому клубу)
ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ (стр. 6)
ЧТО ТАКОЕ ЭЛИТЫ? (стр. 8)
ЧТО ТАКОЕ ГЛОБАЛЬНЫЙ СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС? (стр. 12)
ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС: ВЫХОД ТАМ ЖЕ, ГДЕ БЫЛ ВХОД (стр. 15)
ВЛАСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ: НА ПОРОГЕ ТОТАЛЬНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (стр. 17)
- 26** Александр ДОМРИН.
США: бремя глобального лидерства
- 38** Юрий ТАВРОВСКИЙ.
Отцы и дети
(Китайские элиты вчера, сегодня и завтра)
- 54** А. ЭНВЕРОВ.
Политическая элита Европы
- 62** Александр ПАНОВ.
«Заморозка» Ямато
- 68** Анатолий КОШКИН.
Япония: закат или восход?
- 80** Шамиль СУЛТАНОВ.
Под звездой и полумесяцем
- 94** К югу от США: Латинская Америка вчера, сегодня и завтра
(беседа Александра НАГОРНОГО с учёными Института Латинской Америки Российской академии наук)
- 102** Татьяна ШАУМЯН.
Бутон лотоса
- 108** Библиотекарь
- 109** Стихи Алексея ЯКОВЛЕВА-КОЗЫРЕВА.
«Я снова вышел на дуэль с судьбой»

2

6

26

38

102

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** № 1(37), 2016 год

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора — Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора — Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник — Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка — Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор — Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации — Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 18.02.2016

Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»

Тираж 1200 экз. Заказ № 0253

/ Александр ПРОХАНОВ /

Сомнения и надежды

Изборский клуб — это образование, сообщество и товарищество патристических интеллектуалов, которые сошлись воедино для того, чтобы создать идеологическое поле, в котором рождается новое государство Российское. Это представители разных направлений. Это левые и правые, красные и белые. Это ревнители красной советской империи. Это мечтатели о прошлой романовской империи. Это атеисты и представители церковных кругов — мусульмане и православные. Сюда входит Сергей Юрьевич Глазьев, советник президента Российской Федерации. Сюда входит лауреат Нобелевской премии Жорес Иванович Алферов. Тут известные журналисты — Максим Шевченко и Михаил Леонтьев, известный геополитик генерал Леонид Ивашов и епископ Тихон Шевкунов, всего чуть больше тридцати человек.

Мы собираемся время от времени, обсуждаем актуальные вопросы и спорим на разные темы, пишем доклады, издаем собственные журналы и много путешествуем. Смысл нашей деятельности в том, что мы стремимся набросать эскиз этой идеологической модели. Конечно, идеология государства не создаётся за зелёным ломберным столом или за круглыми столами. Она создается народом на полях сражений, в великих преобразованиях, великих переселениях. Но всё-таки изначально эскизы этой идеологии возможны. И вот, разрабатывая этот эскиз, мы пришли к мысли, что традиционными русскими империями или государствами, или державами, как принято их называть теперь, является образование многонациональное, в которых множество народов, культур, верований, обычаев соединены симфонически, гармонически, образуют удивительное сочетание, удивительный синтез, дающий колоссальное преимущество каждому из составляющих этого множества народов и всей симфонии в целом.

Мы отвергли те либеральные представления, которые господствовали с 1991 года, согласно которым русская история — это сплошной тупик. А русский народ и народы нашей империи — это народы-неудачники. Что вся наша история вымощена плахами и виселицами. Что все наши князья, цари или вожди являются либо садистами, либо «дегенераторами».

Мы раскрыли красоту и величие нашей истории и самого государства Российского, которое обеспечивало нам существование в тяжелейших условиях, которое обеспечивало

нам цветение и победу над чудовищными напастями — будь то вражеское нашествие или внутренние неурядицы.

Если бы Россия была страной бездарных правителей, её бы не было. Мы бы не сложили эту великую империю с двенадцатью часовыми поясами. Были времена, когда во главе России стояли великие воители, великие вожди, великие стратеги. Поэтому нам и удалось создать эту великую империю и выиграть потрясающие войны. Но, в конце концов, ничто не вечно. Гениев и пророков сменяют серости и ничтожества. Так рухнула царская империя, так рухнул великий Советский Союз. Элита, захватившая власть в нашей стране после 1991 года, рассматривает Россию как добычу. Они не рассматривают нас как поле, где должен колоситься урожай. Мы — добыча. Надо рвать, мародёрствовать, сдирать с нас последнюю шкуру. Ведь в России — целый олигархический слой, который богатеет в период наших несчастий. Если предположить, что смысл их управления страной в том, чтобы они грабили и набирали как можно больше, то они управляют блестяще. Они управляют страной, поверженной в 1991 году, так, чтобы набить свои карманы.

Если освободиться от иллюзий, надо перестать говорить о мученической доле дворянства в 1917 году, о мученической доли интеллигенции. Надо понять, что эти слои были ненавистны народу. Народ ненавидел царей, бояр, великих князей, их богатство. Они делали то же самое. Они обирали крестьян, собирали огромное состояние, ездили в Европу, кутили, прожигали жизнь, покупали себе поместья. И всё кончилось трагично. Но сегодняшняя элита забыла об этом. Она не ассоциирует себя с великими князьями, со светлейшими. А где инстинкт самосохранения? Ведь считается, что человек — это очень чуткое существо. Мы же чувствуем какие-то опасности, грозящие нам беды. Мы предчувствуем наступление плохих для нас времён. Есть же симптоматика. Такое чувство, что они этого не ощущают. А может быть, ощущают. Я с некоторыми из них общался, например, во время «оранжевой революции» в Киеве, «болотных» протестов в Москве, когда казалось, что страна вот-вот будет захвачена. Как трепетали эти чиновники, готовые схватить чемоданы и уехать! Слава богу, что Болотную площадь переборолла наша Поклонная гора. Мы тогда вышли и привели туда большое количество людей. Больше, чем на Болотной. И мы вы-

играли. А если бы этого не было? Какое было бы бегство мышей с корабля?

Эту элиту может сменить только президент. Или революция. Но президент не может просто так сказать: ты уходи, ты приходи. Элиту можно сменить в процессе изменения политического курса страны. Допустим, начнёт реализовываться долгожданный, обещанный Путиным рывок. Рывок по модернизации. Этот рывок потребует другой элиты. Той элиты, которая сможет осуществить эту модернизацию. Это технократы, военные, разведчики, патриотические писатели, патриотические деятели церкви. Они впрягутся в страну, и сдвинут её с мёртвой точки, и будет этот рывок. И это будет смена. Конечно, у президента есть обязательства перед элитами, которые привели его к власти, которые поддерживают его сегодня.

Но и у Петра I были обязательства — однако он перешагнул через них. У Ивана Грозного были обязательства. У Сталина были обязательства. Если для тебя судьба Родины выше всего остального, выше твоих родных детей, то ты перешагнёшь через эти личные обязательства. Модернизация страны, в данном случае России, — вещь жестокая. Ты к ней приступаешь, и забываешь о своей родне, себе самом, ночах и днях. Пусть твоё окошко светится днём и ночью в Кремле.

Проблема смены элит при российских модернизациях всегда была очень важна. Более того, модернизация всегда изначально предполагала слой, на который можно опереться. Он вначале бывал очень хрупким. Сама модернизация, подхваченная этим слоем, резко увеличивала его, вербовала людей, готовых воспринять эту модернизацию. Так было всегда в русской истории: от Ивана IV до Сталина. Так должно произойти и теперь. И я думаю, что Путин, если он не блефует и по-настоящему задумал развитие модернизации, должен всерьёз задуматься об элите.

Я вспоминаю, как несколько тысяч молодых людей съехались во Владимирскую губернию, на берега студёных озёр и рек, — для того, чтобы открыть новые смыслы жизни. Так они и назвали свою территорию — «Территория смыслов». Они хотели, чтобы я прочитал им лекцию. Я был поставлен в очень сложное положение, потому что я не философ, не чревоушитель, я — писатель, художник, который прожил долгую жизнь, и видел эту жизнь в её расцветах, в её потрясениях, я прошёл множество войн, я видел великие стройки, я видел крушение красной эры, красной державы,

видел становление нового государства. И вот эти мои открытия и очень индивидуальные специфические личные переживания будут ли им полезны, будут ли им интересны?

Это были молодые люди, которые составляют кадровый резерв российских политических партий: «медведей», коммунистов, эсеров, ЛДПР. И все они хотят понять смыслы. К ним приезжают именитые политики, философы, мудрецы, читают им лекции, говорят о теориях права, о теориях исторического процесса. Они внимают этим лекциям, иногда одобряют, иногда захлопывают непонравившегося им оратора. А потом собираются на симпозиумы, выстраиваются дискуссионные клубы, спорят, ссорятся, предлагают друг другу свои политические проекты. И вот среди этих дискуссий у них есть только одно незыблемое и неколебимое — это Родина, это Россия. Там Россия превыше всего.

Я стал рассказывать им о государстве Российском. Я стал рассказывать им, как это государство возрождается и не спадает, как возникают чёрные дыры и как из этих чёрных дыр опять возникает новая форма нашей русской цивилизации. Настоящее чудо — наблюдать, как эти рождающиеся формы обретают свой плод, красоту, мощь, своих победителей, свои памятники архитектуры, свои научные и литературные школы. Я говорил им о державе как о той форме, в которой всегда существовало и существует государство Российское, где каждый народ, каждый язык, каждая культура, каждая религия драгоценны. Без них немислима держава, и держава эта — симфония всех культур, народов и представлений. Я рассказывал им о том, как падала моя красная советская Родина, и какой ужас я пережил от падения моего государства, моего красного царства. И как постепенно, среди моего отчаяния, среди моего уныния, стал опять брезжить свет нового государства Российского.

Я говорил моим слушателям: не надо отчаиваться, не надо смотреть на сегодняшние недочёты как на что-то незыблемое и порочащее нас, не надо отчаиваться, надо верить, ждать. И все, кто верил и ждал в эти десятилетия, они дождались Крыма. И Крым, как светоносное чудо, явился нам как награда.

Я завершил своё выступление и стал слушать вопросы. Вопросы открытые, резкие, иногда едкие, иногда наивные, иногда верящие, иногда исполненные ожидания и надежды на ответ, на глубокий и осмысленный ответ. Все эти вопросы исходили из молодой среды,

очень свежей, очень искренней, которая является собой прообраз нашей будущей элиты, наших законодателей, законодателей наших дум. Ибо кто эта элита, какая она сложится? Воспримет ли она от нынешней элиты её недостатки, её слабости, станет ли она подчинять своё будущее одним карьерным соображениям, использует ли она свою будущую власть для того, чтобы утвердиться над другими. А если у Родины возникнут трудные времена, если наступит трудный, мучительный период, сохранит ли она верность стране, не изменит ли ей?

Элита, думал я, элита — это та часть народа, которая берёт на себя бремя формулировать для народа его исторический путь, его смыслы, его дерзания. Эта элита способна в период великих перемен, в период великого напряжения возглавить народ в эти перемены,

а в период трагедий народных пойти вместе со своим народом на бой, на муку, на жертву. Мне казалось, что эти люди будут такой элитой. Кем они будут? Я всматривался в их лица. Да, среди них есть те, кто станет лидерами партий, кто станет крупными политиками. Те, кто возглавит, может быть, крупные корпорации, среди них будут новые политические проектанты, новые известные политологи. И, наверное, среди этих людей, уже теперь здесь, в этом зале, есть тот, кто когда-нибудь станет лидером нашего государства. Так или иначе, это лучшие люди, кого собрала сегодня Россия на берега этих студёных рек.

Не я давал им урок, а они мне преподали урок. И я уезжал оттуда, исполненный веры, надежды и благодарности им за этот чудесный час нашего общения.

/ Группа экспертов под руководством Александра НАГОРНОГО /

Элиты и глобальный мир XXI века

Доклад Изборскому клубу

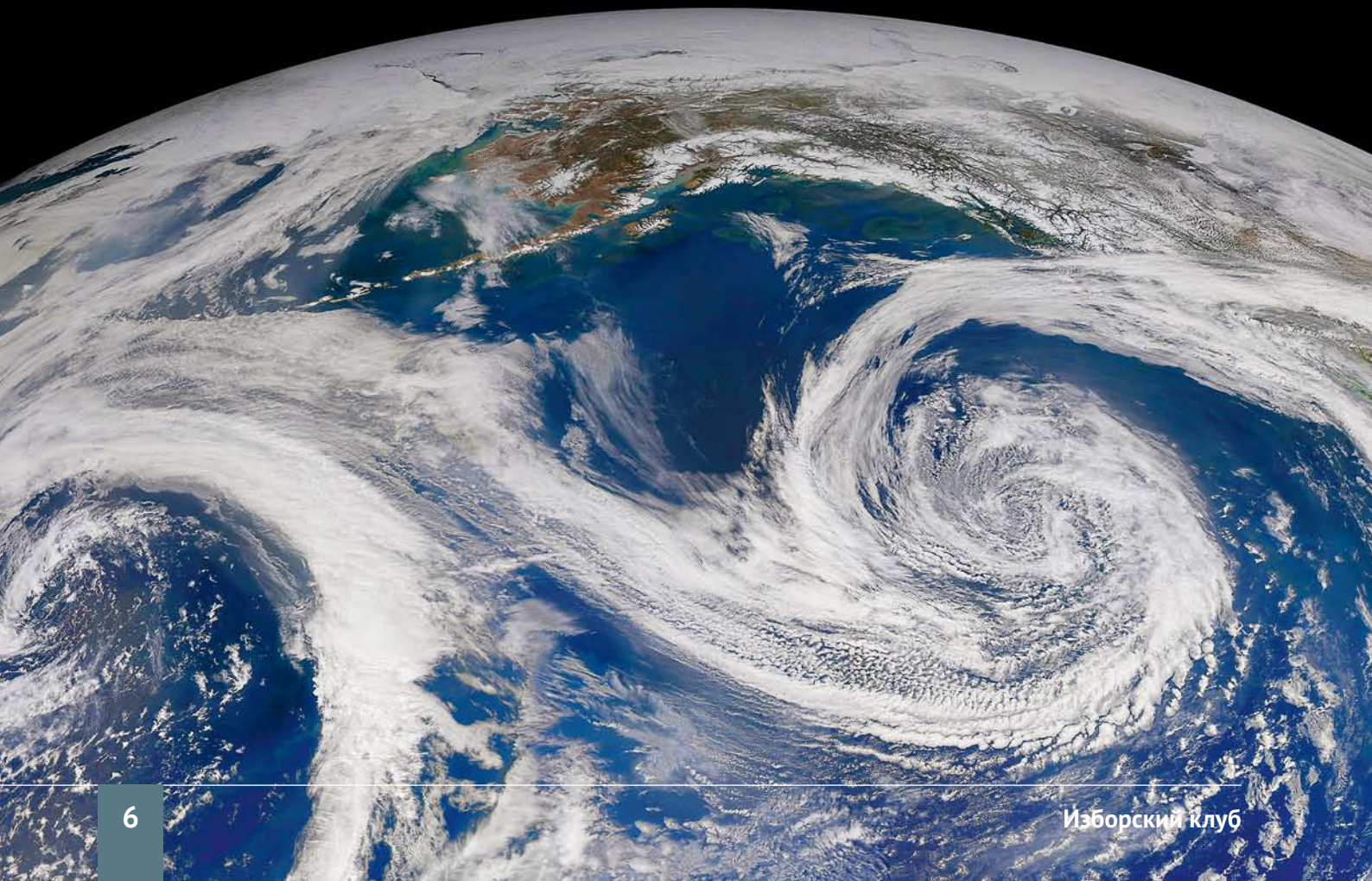
ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Человеческая цивилизация в начале XXI века вплотную подошла к фундаментальному повороту практически во всех сферах своей жизни и деятельности. По многим объективным признакам мир входит в совершенно новую стадию научно-технического

развития, которая на иных основах будет формировать глобальную финансово-экономическую структуру и, соответственно, — мировую экономику как таковую.

В рамках этих важнейших процессов происходит (а возможно — и уже произошёл) своеобразный разрыв, когда экономика и финансы различ-

ных национальных государств набирают силу и получают всё большую автономию на фоне сохранения политического и военно-политического доминирования «коллективного Запада» во главе с США, которое было достигнуто вследствие слома социалистической системы и уничтожения Советского Союза в 1991 г. Вторая

тенденция связана с тем, что появление таких новых центров силы оказывается принципиально несовместимым с однополярным Pax Americana. Процесс перехода к многополярности задаётся такими крупнейшими державами современности, как КНР, Индия, Бразилия, Индонезия, а также Иран и Пакистан. Особую роль играет и Россия, которая, несмотря на крах СССР, сохранила второй, после США, военно-стратегический потенциал.

Данный процесс реализуется в форме крупномасштабного столкновения двух фундаментально разных политических подходов к будущей структуре мира. С одной стороны, это продолжение и укрепление американо-англосаксонской гегемонии с формированием единого мирового правительства, которое сконцентрирует под собой практически все мировые ресурсы и потенциалы. С другой стороны, это утрата США и «коллективным Западом» их глобального лидерства, вызванная внутренней неустойчивостью и бесперспективностью системы однополярного мира.

Если сравнивать нынешнее политическое положение человечества с его состоянием, например, полвека тому назад, то помимо очевидных идейных, политических и социально-экономических изменений, произошедших за это время, следует в первую очередь отметить, что мир накануне 2016 года — вовсе не тот, каким ожидали увидеть его в 1965-м или же 1991 году. В известной мере политическая неопределённость не только не уменьшилась, а радикальным образом возросла, поскольку «темнее всего перед рассветом». Технологический прогресс практически по всем направлениям, характерный для конца XIX — первой половины XX веков меняется на новые направления на определённых фронтах развития при одновременном сохранении и даже усилении темпов продвижения на ряде других: например, в сферах информатики, связи и биотехнологий (в спектре от генной инженерии до медицины).

Более того, нынешний мир оказывается в целом не только менее

развитым, менее справедливым и более конфликтным, чем ожидалось, а во многих отношениях и даже больше, чем было в 1965 году. Он явно утратил надежду на лучшее будущее и находится в состоянии системного цивилизационного кризиса, который касается не каких-то отдельных регионов планеты, а всего человечества в целом.

Почему это произошло? Какую точку бифуркации, где и когда мир «проскочил», сделав неверный выбор? Неизбежна ли грядущая катастрофа, есть ли возможность её избежать, и если есть — то каким образом? Все эти и многие другие вопросы неразрывно связаны с вопросом о том, является ли нынешняя кризисная ситуация следствием состояния мировых национальных и глобальных элит и, как следствие, их незнания действительности (концепция неадекватности) или же, напротив, результатом реализации определённой стратегии действий со стороны некоей части человечества, которой было и остаётся выгодным именно такое развитие событий (концепция заговора), иными словами, в какой мере управляемым и в какой мере стихийным является течение социально-исторических процессов?

Видимо, без ответа на этот вопрос окажется затруднительным, если вообще возможным дать ответ и на все остальные. Целью данного доклада является определение вероятного «пространства поисков» такого ответа.

В культурной традиции человечества хорошо известна притча о зёрнах на шахматной доске. Согласно этой притче, изобретатель шахматной игры в ответ на обещание правителя дать ему любую награду попросил за первую клетку доски заплатить одно зерно пшеницы, за вторую — два, за третью — четыре и т.д., удваивая количество зёрен на каждой следующей клетке. Как оказалось, для вознаграждения мудреца не хватило бы ни запасов правителя, ни собранного за всю историю человечества зерна — его общая масса на 64 клетках должна была составить около 1200 триллионов тонн!

Обычно данную притчу приводят либо как доказательство неисчерпаемости игры в шахматы (что уже не соответствует действительности, поскольку данная игра стала счётной задачей для новейших компьютерных программ), либо в качестве наглядной иллюстрации математического понятия геометрической прогрессии как экспоненциального процесса. Однако из неё следуют и куда менее очевидные выводы, впрочем, тоже давно и безусловно сделанные.

Одним из них является стратегия второй половины шахматной доски, предложенная американским футурологом Рэймондом Курцвейлом (Raymond Kurzweil), основанная на ограничении пространства роста. По его подсчётам, на первые 32 клетки пришлось бы выложить всего 260 тонн пшеницы — тоже немало, больше четырёх железнодорожных вагонов, но вполне посильно даже для незадачливого правителя. Вывод из этого очевидного факта прост: не следует заходить на вторую половину шахматной доски, по возможности ограничивая экспоненциальные процессы во времени и пространстве. Таков парадоксальный вывод, характерный, по всей видимости, интеллектуальной группы американо-англосаксонской элиты.

Видимо, нет смысла указывать на и без того очевидную переключку данной стратегии со знаменитым докладом Римского клуба «Пределы роста», датированного 1972 годом. Приведём другие расчёты, связанные уже не с пшеничными зёрнами, а с деньгами.

Итак, предположим, что две тысячи лет назад, во времена императора Тиберия, некий человек вложил в некий банк один серебряный римский сестерций (примерный эквивалент нынешних 10 долларов США) под 5% годовых. Спрашивается, сколько денег оказалось бы на его счёте сегодня? Наверное, вы уже не удивитесь тому, что в собственности наследников этого человека оказалась бы вся нынешняя Земля. Данная гипотетическая ситуация частично обыграна ещё Гербертом

Уэллсом (Herbert Wells) в его романе «Когда спящий проснётся» (1899).

Уже отсюда ясно, что пространство роста не является бесконечным и ограничено даже не первой половиной шахматной доски мировой истории, а гораздо меньшей её частью.

Отечественный историк Лев Гумилёв отводил этносам и их элитам значительную роль. Он считал главными акторами человеческой истории примерно 750–800 лет жизни: от начала пассионарного толчка до завершения инерционной фазы. Также ни одна правящая династия мира на том или ином отрезке мировой истории в прямой наследственной лестнице не существовала более 700 лет. Между тем подобная теория опровергается и китайской политической цивилизацией, да и многими другими историческими примерами.

Уже из этих положений понятно, что история по каким-то причинам «не заходит на вторую половину доски», и если концепция заговора отвечает действительности, то разве что на весьма недолгих отрезках человеческой истории: так это было в прошлом, так это есть в настоящем и так это, судя по всему, окажется и в будущем — если только на смену homo sapiens не придут какие-то иные разумные общественные существа (роботы, киборги, «электронные личности», генномодифицированные организмы и т.д.). Но в этом случае история просто перестанет быть человеческой историей. Пока же не будем измышлять сущности сверх необходимости.

Из этого общего вывода вытекает более частный, но куда более важный для целей настоящего доклада и последующих исследований вывод: человечество зашло в нынешний кризисный тупик вовсе не только и не столько по чьей-то непреодолимой и злой воле, а вполне объективно, спонтанно и хаотически, как это чаще всего и бывает с большими системами.

Следовательно, и главные задачи, стоящие сегодня перед человечеством, можно сформулировать следующим образом:

- предотвратить глобальную катастрофу;
 - минимизировать текущие потери в ходе глобального кризиса;
 - найти новую «траекторию развития» человеческой цивилизации.
- Вернее, это даже не три разные задачи, а одна триединая задача — проект, для реализации которого пока, очевидно, не существует адекватного субъекта — ни в масштабе всей планеты, ни в масштабе каких-либо государств или межгосударственных объединений.

Может ли такой нынешний субъект, социальный запрос относительно которого уже сформирован, появиться в ближайшем будущем на исторической арене, на «Великой шахматной доске», говоря словами Збигнева Бжезинского (Zbigniew Brzezinski), на пространстве мировой истории?

Ex nihilo nihil («Из ничего ничто [не возникает]») — гласит древний латинский афоризм. Любой, видимо, новый и ранее не существовавший социально-исторический субъект, актор глобальной истории всегда возникает в процессе взаимодействия и развития уже существующих субъектов, изменяя объект — субъект — проектное триединство любого человеческого сообщества. Поэтому важнейшим и первичным условием системно-динамической оценки (по схеме «анализ—синтез—прогноз») является «аудит» существующего положения дел.

С интересующей нас точки зрения субъектами мировой истории в настоящее время выступают два тесно связанных между собой, но принципиально различных класса акторов, которые традиционно определяются как: 1) суверенные государства, а также их объединения и 2) транснациональные корпорации (ТНК). Принято считать, что первые из них возникли на несколько веков или даже тысячелетий раньше, чем вторые. Но ничто не вечно под луной, и при более внимательном рассмотрении оказывается, что, например, те же мировые религии (буддизм, христианство, ислам), да и не совсем мировые (иудаизм, зороастризм, конфуцианство и т.д.)

вовне подпадают под ключевые характеристики транснациональных корпораций, хотя они производили и производят вовсе не продовольствие, автомобили или компьютеры, а системы ценностей, нормы поведения и прочий идеальный продукт.

Более того, рассматривая оба класса этих исторических акторов, мы неизбежно находим сходство их внутреннего системного и структурного устройства, тех связей между их элементами и узлами, которые позволяют говорить об общности, целостности и единстве данных акторов, отделяя их как от других акторов, так и от «вмещающего ландшафта», то есть от взаимодействия с объектным миром.

Важнейшим качеством такого устройства данных человеческих сообществ является анизотропность их внутреннего пространства, их внутрисубъектных взаимодействий и коммуникаций, обычно определяемых термином «иерархия».

Иными словами, в каждом системном субъекте подобного (и даже более низкого) уровня можно выделить своего рода субъект субъекта, внутренний субъект, который управляет внешним субъектом и в современном дискурсе, как правило, описывается термином элиты.

Поэтому нам необходимо определиться, во-первых, с тем, что такое элиты, во-вторых — с тем, что такое глобальный системный кризис, и, в-третьих, — как они соотносятся друг с другом.

ЧТО ТАКОЕ ЭЛИТЫ?

Если обратиться к происхождению данного термина, то он окажется восходящим к латинскому *ēligo, lēgī, lēctum, ege*: 1) выдёргивать, удалять, полоть, вынимать; 2) вырывать с корнем, искоренять; 3) выбирать, избирать; действовать с разбором, быть разборчивым, — родственным таким словам, как «легитимность», «легитимирование», «электорат», «лекция» и многим другим с общим значением избранности, улучшения. В недавнем прошлом данный термин широко

применялся к объектам человеческой деятельности: элитными назывались сорта растений и вин, породы животных, лучшие товары и услуги, etc.

В общественные науки вхождение термина «элита» началось примерно с конца XIX века в связи с триумфальным распространением среди научного сообщества теории биологической эволюции Чарльза Дарвина (Charles Darwin), главные положения которой тут же были перенесены в том числе и на развитие человеческого общества (крайней формой чего явился пресловутый социал-дарвинизм, в рамках которого развивались и первые «теории элит» Гаэтано Моска (Gaetano Mosca), Вильфреда Парето (Vilfredo Pareto) и др. По-видимому, это произошло, прежде всего, благодаря осуществлённому Дарвином «снятию»

вопроса о субъекте самого процесса элитаризации: ведь если законы природы, в том числе законы живой природы, ведут к естественному отбору самых приспособленных к меняющимся условиям выживания и в этом смысле лучших растений и животных, то к аналогичным результатам относительно человеческих сообществ могут и должны вести столь же объективные законы истории. В результате чего внутри таких сообществ с течением времени проявляется и развивается социальное неравенство, аналогичное анизотропии отношений внутри биологических сообществ.

Теории элит оказали гигантское воздействие на социально-политическое развитие человечества в первой половине XX столетия. Во всяком случае, именно партии нового типа

от РСДРП (б) — ВКП (б) до НСДАП, сочетавшие проектность жёсткой нормативной идеологии со столь же жёсткой массовой субъектностью выступали в качестве главных исторических акторов в период между двумя мировыми войнами. Эти партии также можно рассматривать как своего рода транснациональные корпорации с упором на свою суверенную государственную структуру (СССР как родину для трудящихся всего мира у большевиков, Третий рейх — как «родину для арийцев всего мира» у нацистов).

В данной связи следует отдельно и особо подчеркнуть, что популярное ныне во всём мире отождествление сталинского Советского Союза и гитлеровского Третьего рейха как двух тоталитарных диктатур не имеет ничего общего с действительностью:

они были полярно противоположными и по своей идеологии и, соответственно, по своим проектам. С тем же успехом на основании почти полного внешнего сходства можно отождествлять, например, дельфинов с ихтиозаврами, хотя на самом деле эти животные относят-

ся к разным биологическим классам: млекопитающим — в первом случае и пресмыкающимся (рептилиям) — во втором. А сходство между ними вызвано так называемой конвергентной эволюцией, то есть приспособлением к одинаковой среде обитания.

Причём если продолжать данную аналогию, то в условиях крупного машинного производства тоталитарный политический фенотип был одним из наиболее эффективных, но далеко не единственно возможным, — точно так же, как моря и океаны населяют не только организмы рыбообразной формы. Когда крупное машинное производство с социально-экономической точки зрения исчерпало свой внутренний потенциал развития, партии нового типа ушли с первого плана мировой политической арены. А на смену им пришли другие формы организации общества и, соответственно, общественной элиты. Точно так же, как на смену феодальной аристократии в своё время приходила промышленная и финансовая буржуазия (что в общем-то привело не к полному уничтожению первой в качестве элитной части соответствующих обществ, но к её трансформации).

Новый толчок изучению элит как социального феномена дала не столько этология (наука о поведении животных) или психология, сколько кибернетика (термин Норберта Винера (Norbert Wiener), бурное развитие которой в 40–70-е годы прошлого века было вызвано как раз потребностями перехода от крупного машинного к гибкому мелкосерийному производству в рамках всей человеческой цивилизации. Помимо создания роботизированных станков речь шла об автоматическом управлении целыми технологическими линиями, отраслями производства и даже национальными экономиками в целом. В данной связи можно указать, например, на проект общегосударственной автоматизированной системы управления (ОГАС), разработанный советским академиком Виктором Глушковым ещё в 1965 году, но отклонённый советской правящей элитой якобы из-за дороговизны, а на самом деле — из-за опасений относительно собственного статуса в обществе и объёма властных полномочий (что лежало в основе и печально знаменитой кампании начала 50-х годов против кибернетики как лженауки).

Именно развитие кибернетики как науки об общих закономерностях получения, хранения, передачи и преобразования информации внутри сложных систем и между ними привело к созданию нынешней инфосферы современного человечества: и в плане создания её материально-технологической базы (процессоры, оптоволоконные сети, программное обеспечение и т.д.), и в плане изменения коммуникативного наполнения самих человеческих сообществ (что, пожалуй, не менее, а даже более важно, чем объём памяти и быстродействие самих компьютеров).

Точно так же достижения кибернетики были использованы при создании теории больших систем («теории хаоса»), в рамках которой феномен социальной элиты выступает в качестве «аттрактора» (носителя объект-субъект-проектного триединства) такой большой системы, как человеческое сообщество.

Если характеризовать феномен элиты с точки зрения её функционала, то есть тех функций, которые она выполняет в обществе, то они могут быть принципиально выражены одним словом: управление. Управление является особым типом коммуникации между людьми как элементами человеческого сообщества. При этом, вследствие особенностей коммуникативного потенциала вида *Homo sapiens*, максимальное отношение элиты как высшего слоя управления, управления управлением к человеческому сообществу в целом не может превышать 1/57 (1,7%), как управляющего слоя или среднего класса — 1/8 (12,5%), а минимальное пространство — или, привычнее говоря, объём — человеческого сообщества, в котором принципиально может возникнуть элита в качестве особого социального феномена, должно составлять около 900 тысяч человек социально активного населения. Соответственно «элитный минимум» составляет около 16 тысяч человек. Только в этом случае можно говорить об элите как особом социальном феномене внутри большой системы человеческого сообщества.

Опять же эти системные ограничения касаются только человеческих сообществ в их традиционном, чисто человеческом виде.

Элита возникает, самоосознаёт себя, институционализируется и развивается как элита по мере вызревания и совершенствования как минимум трёх своих основных атрибутов или качеств.

Во-первых, своего рода точкой сборки любой элиты является некая особая аксиология, система ценностей, задающих и структурирующих систему действий, этос, и самой элиты как внутреннего субъекта, и её общества в целом как внешнего субъекта, а также их взаимодействие в рамках субъект-объект-проектного единства.

Вариантов подобной аксиологии существует примерно столько же, сколько исторических вариантов человеческих сообществ. Однако их проектным ядром выступают, как правило, всего три основные идеи, в чистом виде или в комбинации между собой: идея порядка (справедливости), идея развития (прогресса) и идея свободы.

При этом в сфере идеологии налицо та же самая ситуация, что и с любым делом, которое, как известно, можно сделать дёшево, качественно и быстро — но только по двум позициям из трёх. Если дёшево и качественно — то не быстро. Если дёшево и быстро — то некачественно. А если качественно и быстро — то не дёшево.

Точно так же идея свободы, например, хорошо совместима и с идеей порядка, и с идеей развития. Но — не с ними обеими сразу. То есть легко совместить идею свободы с идеей порядка — но в ущерб идее развития. Точно так же легко совместить идею свободы с идеей развития — но в ущерб идее порядка. И, разумеется, можно совместить идею порядка с идеей развития — но в ущерб идее свободы. Совместить же три эти идеи сразу: не только на практике, но даже в теории, — не удавалось ещё ни в одном человеческом сообществе: третью лишнюю идею приходилось либо выносить за рамки этого мира и че-

ловеческой жизни (в религиозных концепциях), либо «менять имена» в соответствии с новозом Джорджа Оруэлла (George Orwell), выдавая за проявления идей свободы, прогресса или порядка феномена совершенно иного рода.

Данное ограничение является столь же объективным, сколь объективны, например, законы механики, но, в отличие от них, пока не основанным на какой-либо рациональной гипотезе. При этом лишь весьма ограниченные в своём функционале и лишённые внутреннего аргументала человеческие сообщества и их элиты способны полагать себя умнее и «переводнее» всех, а самые фундаментальные религиозные догматы, проверенные опытом тысячелетий, — напротив, чем-то далёким от современности, отсталым и не имеющим никакого значения. Для остальных же сам факт выхода на эти «дорожные знаки» свидетельствует по крайней мере о том, что здесь и сейчас запросто можно попасть в ДТП — возможно, с катастрофическим и даже со смертельным исходом — и вести себя надо уже по-другому. Как писали братья Стругацкие в романе «Жук в муравейнике»? «Нам разрешается слыть невеждами, мистиками, суеверными дураками. Нам одно не разрешается: недооценить опасность. И если в нашем доме вдруг завоняло серой, мы просто обязаны предположить, что где-то рядом объявился чёрт с рогами, и принять соответствующие меры, вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах».

Как бы то ни было, первая и важнейшая функция элиты — она является носителем особой системы ценностей, определяющей фундаментальные качества данного человеческого сообщества и его взаимодействия с окружающим миром.

Второй важнейшей чертой элиты как внутреннего субъекта человеческого сообщества является то, что она является носителем не только его аксиологии, но и его «проекта», проекции данной аксиологии из прошлого через настоящее в будущее.

И, наоборот, осуществляя связь времён внутри данного сообщества, являясь верхушкой «стоячей волны» (солитона, «монады») данного сообщества, бегущей по «морю истории».

Представители элиты абсолютно убеждены, что они, их сообщество не случайно существуют здесь и сейчас, что у них есть особая, уникальная миссия, которая обязательно должна быть выполнена. Отсюда вытекает внутренняя ответственность элиты за существование своего сообщества перед лицом любых внешних и внутренних угроз, рисков и вызовов. Что, в свою очередь, требует высокого уровня реактивности, прогностичности и энергетики элит: как собственной, так и направленной вовне, в общество и через него — во внешний мир. В этом отношении сходство любых — даже самых различных, прямо противоположных и ведущих между собой войну не на жизнь, а на смерть — элит чрезвычайно велико.

Вот, например «коммунист» Максим Горький:

*А вы на Земле проживёте
как черви слепые живут.*

*Ни сказок про вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!*

Вот — «империалист» Редьярд Киплинг (Rudyard Kipling):

*Несите бремя белых,
сумейте всё стерпеть,
сумейте даже гордость
и стыд преодолеть.*

А вот — «нацист» Ханс Бауман (Hans Baumann):

*Пусть обыватели лают,
Нам слушать их бредни смешно.
Пусть континенты пылают,
А мы победим всё равно.*

В данном отношении важна как внутренняя энергетика элит, так и её способность к повышению уровня и плотности энергетики своих сообществ и управлению этой энергетикой. При этом высшей степенью ответственности и, говоря терминами того же Льва Гумилёва, «пассионарности» элит можно считать её готовность к самопожертвованию во имя своей аксиологии. Это ценностное ядро имеет для мировосприятия действи-

тельной элиты настолько выдающееся, предельное, абсолютное иерархическое значение, по сравнению с которым даже дилемма жизни и смерти отходит на второй план. Как вдохновенно описал эту ситуацию Эзра Паунд (Ezra Pound): «Если ты не готов умереть за свои идеалы, то либо твои идеалы ничего не стоят, либо ты сам ничего не стоишь».

Наконец, третьей важнейшей чертой феномена элиты является обладание объектным управлением общества, реализуемым через отношения власти и собственности, в свою очередь, подверженные как количественным, так и качественным трансформациям вследствие объективных изменений самого общества, других обществ и внешнего мира как вмещающего ландшафта. Подробнее отношения власти и собственности изложены в приложении к настоящему докладу.

Поэтому элиты представляют собой с исторической точки зрения чрезвычайно многообразный и весьма изменчивый феномен. Они могут быть уничтожены вместе с соответствующим человеческим сообществом — например, в результате природных катастроф, конфликтов с другими сообществами. Они могут быть «реформатированы» вследствие тех же конфликтов, внешних и внутренних, если в их результате происходит объединение находившихся в состоянии конфликта сообществ или, наоборот, разъединение ранее целостного сообщества, или же трансформация данного сообщества в силу объективных причин (например — вследствие индустриализации с перераспределением объектного ресурса власти и собственности) и т.д.

Элитные конфликты внутри человеческих сообществ связаны со сменой элит эволюционным либо революционным путём. При этом новые элиты, как правило, не обладают каким-либо одним из ресурсов элит устоявшихся, традиционных: либо системой ценностей, либо проектом, либо властью и собственностью внутри данного общества, а поэтому

выступают в качестве контрэлиты или антиэлиты, восполняющей данный ресурс в режиме конфликта. Одним из проявлений такого режима конфликта элит является и нынешний глобальный системный кризис человеческой цивилизации.

ЧТО ТАКОЕ ГЛОБАЛЬНЫЙ СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС?

О системном кризисе человеческой цивилизации речь идёт уже достаточно давно, чуть ли не сто с лишним лет, с момента начала Первой мировой войны, завершившей «длинный» XIX век (1789—1914) и поставившей жирный крест на идее непрерывного и всестороннего прогресса человечества. Весьма характерно, что само по себе это развитие продолжало оставаться непрерывным и всесторонним ещё добрые полвека, практически до испытания 30 октября 1961 года в СССР «царь-бомбы», получившей неофициальное имя «кузькина мать», и Карибского кризиса 1962 года, когда стало ясно, что третьей мировой войны в термоядерном эквиваленте не переживет ни человечество, ни планета Земля. Именно достигнутая технологически возможность самоуничтожения человеческой цивилизации заставила задуматься не только о мирном сосуществовании двух социально-политических систем, но также — о возможности управления человечеством как единым глобальным сообществом (по крайней мере — в режиме согласования действий наиболее влиятельных и сильных государств, что предусматривалось ещё при создании в 1945 году Организации Объединённых Наций и её Совета Безопасности). От пресловутого «хрущёвского ботинка» на заседании 15-й Генеральной ассамблеи ООН 12 октября 1960 года до подписания Женевского меморандума о взаимопонимании между СССР и США 20 июня 1963 года с восстановлением «горячей линии» между Кремлём и Белым домом прошло меньше трех лет, в которые помимо испытания «царь-бомбы» и Карибского кризиса

уместился также выход человека в космос (полёт Юрия Гагарина 12 апреля 1961 года) и создание межконтинентальных (с дальностью полёта свыше 10 000 км) баллистических ракет.

Однако датой начала эпохи глобализации стоит считать такую «реперную точку», как смыкание первого «мирового кольца» оптико-волоконной связи у Владивостока 30 августа 1994 года. После чего, собственно, все информационные (в том числе и финансовые) потоки приобрели нынешнее глобальное качество: наподобие того, как гелий при температуре 4,2°K приобретает качество сверхпроводимости.

Если в 1995 году Интернетом пользовалось 16 миллионов человек, в 2000-м — 361 миллион, в 2005-м — 1018 миллионов, в 2010-м — 2011 миллионов, к 2013 году — свыше 2,4 миллиарда, а в конце 2015 года их численность достигла 3,5 миллиарда, приблизившись к половине населения Земли. Распространение этого нового типа коммуникации уже привело к образованию нового типа человеческих сообществ, который, по аналогии с «демосом», можно назвать «нетосом» (от английского слова net, «сеть»). Нетос можно определить как новый тип социальности, социальной организации и социальной идентификации, по совокупности своих параметров вполне сопоставимый с идентификацией этнической.

Количество людей, которые проводят в Мировой сети больше половины времени своей жизни (т.е. более 12 часов в сутки), непрерывно растёт. Интернет-зависимостью, по данным психиатров, страдают до 10% её пользователей, то есть сегодня это примерно 350–400 млн человек. И это неудивительно. Ведь Мировая сеть, подобно Солярису Станислава Лема (Stanisław Lem), в любой момент продуцирует образы и модели реальности на любой вкус: от кибер-секса до кибер-спорта, от Wikipedia до WikiLeaks. Шедевры мирового кинематографа и лучшие записи лучших певцов мира, возможность прямого, в режиме реального времени, общения с любым другим

пользователем глобального Интернета, практически весь корпус мировой литературы и виртуальные путешествия по городам мира, разного рода сетевые игры и интернет-шоппинг — всё это не просто реальность. Всё это — реальность уже доступная и достаточно широко распространённая.

И она начинает приобретать неожиданные и даже непредставимые ранее качественные черты.

Хакерские атаки, в которых участвуют тысячи и десятки тысяч «инфицированных» специальными вирусными программами компьютеров по всему миру.

Фишинг и троллинг в социальных сетях, способный привести их жертвы к самым настоящим разорению или самоубийству.

Многомиллионные и даже многомиллиардные махинации с персональными данными держателей электронных банковских карт, участников социальных сетей и т.д.

Флешмобы, от безобидных арт-проектов с несколькими участниками до многотысячных толп на центральных площадях государственных

столиц, свергающих правительства, как это было, например, в ходе множества «цветных революций» от Египта до Украины.

Анонимусы в масках Гая Фокса.

Универсальный язык смайликов и мемов.

От самых популярных сетевых проектов с миллионами пользователей уже не так далеко до создания сетевых квазирелигий...

Разделение жизненного пространства и времени на реал и виртуал, на режимы онлайн и офлайн оказывается вовсе не абсолютным и даже не обязательным. Соответственно, внутри нетоса формируются собственные элиты (топ-блогеры и т.д.), которые, в свою очередь, создают новый властный институт, уже получивший название нетократии.

И это — лишь одно объективное последствие процесса глобализации как проявления роста производительных сил человеческого общества. Разумеется, результативно бороться с ним можно лишь одним-единственным путём: всячески помогая развитию такой глобализации.

Однако наряду с объективным процессом глобализации существует и глобализация как попытка определённых общественно-политических сил Запада, прежде всего в США, монополизировать управление данным процессом в своих интересах и для достижения собственных целей.

Механизмы такой монополизации даже изначально были весьма многочисленными, изощрёнными и системными. В данной связи достаточно упомянуть о том, что всем хорошо известный и ставший символом «глобального человечества» Интернет, изменивший все коммуникативные системы, создавался по заказу Пентагона и до сих пор имеет «закрытый» сверхскоростной сегмент, который может использоваться исключительно военно-политическими структурами США — в то время как «открытый» сегмент Интернета во многом находится под непрерывным мониторингом их серверов, именуемых в просторечии «ботами ЦРУ».

То же самое касается новейших трактовок так называемого авторского права (включая международное авторское право), способствующих монополизации и отчуждению определённых категорий идеального продукта с установлением монопольно высоких цен на них (например, программное обеспечение, аудио- и видеопродукция и т.д.).

«Бегство от кризиса», занявшее весь «короткий» XX век (1914-1991), «век войн и революций», после уничтожения Советского Союза как альтернативного «коллективному Западу» общецивилизационного проекта, стало «бегством к кризису». Первая волна этого кризиса прошла уже в 1997–1998 годах по «периферийным рынкам» Юго-Восточной Азии и России. В 2001 году под прикрытием теракта 11 сентября состоялся фактический государственный переворот в США, а ещё через семь лет, в ночь с 14 на 15 сентября 2008 года, произошло банкротство банка Lehman Brothers,

после которого началась вторая волна финансово-экономического кризиса, затронувшая уже все сегменты мировой экономики.

Заявленный в 1991 году Фрэнсисом Фукуямой «конец истории» в рамках глобального торжества либерального проекта «коллективного Запада» (отражавший его «сделку с дьяволом», описанную в «Фаусте» Гёте: «Остановись, мгновенье!») стал обретать неожиданные и весьма угрожающие черты.

До того о различных аспектах глобального кризиса человеческой цивилизации: демографическом, энергетическом, экологическом, продовольственном и т.п., — специалисты могли рассуждать десятилетиями без всякой реакции или же с весьма избирательной, селективной реакцией (например, печально известная история озоновых дыр, устранившая дешёвые фреоновые технологии охлаждения) со стороны так называемого общественного мнения.

Все вместе и вдруг почувствовали глобальность этого кризиса только после того, как их ударили по карману: долларом, евро, рублём, фунтом стерлингов, йеной или юанем — не важно. И если до того неудачи либерально-рыночных реформ в тех или иных развивающихся странах можно было списывать на те или иные их внутренние несовершенства, не позволяющие воспроизвести либо даже приблизиться к идеалу, воплощённому «коллективным Западом» во главе с США, то после 2008 года стало ясно, что данный идеал принципиально недостижим, что развитые страны первого мира могут оставаться «сияющим градом на холме» только за счёт сверхэксплуатации развивающихся стран, которым в перспективе уготована участь *failed states*, а их населению — «недочеловеков», обслуживающих своей жизнью и смертью процветание пресловутого «золотого миллиарда». Более того, под вопрос было поставлено и само процветание в рамках действующей глобальной либерально-монетаристской финансово-экономической модели, основанной на неограниченном использовании доллара США в качестве средства международных расчётов.

Что, в свою очередь, привело к экспоненциальному росту выраженных в долларовом эквиваленте финансовых инструментов. В 1994 г. мировой валовой продукт составлял, согласно оценкам известного экономиста Ангуса Мэддисона (Angus Maddison), всего 11 трлн долл., а мировая денежная масса (агрегат L) — около 70 трлн долл. В 2005 г. МВВП достиг примерно 30 трлн долл., а совокупная долларовая масса — уже 450 трлн долл. То есть только за период 1994–2005 гг. на каждый доллар стоимости реально произведённого товара или услуг было напечатано 19 «бумажных» долларов. По итогам предкризисного 2007 года Банк международных расчетов (BIS) давал цифры соответственно 32 трлн долл. МВВП и 530 трлн долл. L.

Кризисная волна 2008–2009 гг. привела к незначительной коррекции данного дисбаланса, однако на-

чатая ФРС и другими эмиссионными центрами политика «количественного смягчения» привела к тому, что по итогам 2014 г. МВВП (по паритету покупательной способности) оценивается уже в 108–109 трлн долл., а агрегат L — в заоблачные 3,5–4 квадриллиона (!) долларов.

Каким же образом удалось в объективно ограниченный объём мировой экономики закачать такую гигантскую денежную массу?

В самой простой для понимания форме ответить на этот вопрос можно следующим образом. Начиная с 1971 года, когда была де-факто отменена привязка доллара США к золотому эквиваленту, мировая финансово-экономическая система начала жить в долг у собственного будущего, с помощью фьючерсов и других дериватов активно монетизируя будущие активы: неполученную прибыль, недобытую нефть, непостроенные дома, несобранные автомобили и так далее, — вплоть до несостоявшихся природных катастроф и прочих страховых случаев.

Если лозунг классической рыночной экономики в целом звучал как *Time is money!* («Время — деньги!»), то лозунг так называемой глобализации должен звучать как *Future is money!* («Будущее — деньги!»). Но сегодня этот резерв будущего выбран практически до «горизонта событий», который по определению не может превышать 20–25 лет, то есть времени максимальной социальной активности одного поколения. В бизнесе давно существует показатель «капитализация/прибыль» (P/E), нормальные значения которого, в зависимости от качества актива, определяются в диапазоне от 5 до 10. В настоящее время в целом по миру данный показатель превышает 16, на фондовом рынке США он равен 19,6, а по ряду некоторых венчурных акций уходит за 1000. В результате можно сказать, что лишь 1 из 20–25 номинальных долларов обеспечен реальными активами, и эта «вавилонская башня» не может не рухнуть под собственной тяжестью уже в самое ближайшее время.

Причем грядущая катастрофа будет носить не просто социально-экономический и военно-политический характер, как это было, например, после кризисов конца XIX — начала XX столетий или после Великой депрессии 30-х годов. Для характеристики нынешнего глобального кризиса многие эксперты используют термины «суперпозиция кризисов» или «кризис-матрешка» (Андрей Фурсов). По сути, речь идёт о необходимости смены всего способа бытия, с которым человечество в своей истории сталкивалось всего лишь однажды и очень давно — 10–9 тысяч лет назад, в ходе пресловутой «неолитической революции», когда произошел сначала «точечный», а затем и почти повсеместный переход от охоты и собирательства к земледелию и животноводству.

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС: ВЫХОД ТАМ ЖЕ, ГДЕ БЫЛ ВХОД

Поскольку основная часть денежной массы уже обслуживает будущие сделки, то феномен денег приобретает — или, вернее, высвобождает из материальных и энергетических оболочек — свою внутреннюю информационную природу: поскольку будущее для нас реально ровно настолько, насколько реальна информация о нём. А информация — это идеальный продукт, продукт идеального производства. О существовании такого особого идеального (духовного) производства, кажется, впервые было упомянуто еще в 1848 году в «Манифесте Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса: «На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счёт продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству».

Однако впоследствии актуальный марксизм почти полностью сосредоточился на изучении законов материального, экономического производства, оставив изучение законов производ-

ства идеального «буржуазной» науке и «на потом». Вероятно, в условиях второй половины XIX — начала XX веков, когда материальное производство занимало доминирующее положение в мировой экономике, это было вполне оправданным, хотя и неосознанным шагом. Однако в современных условиях, когда производство так называемых услуг, под которыми понимается, прежде всего, производство идеального продукта, составляет от 60% до 80% экономики самых развитых стран мира, делать вид, будто производство-потребление угля и стали ничем не отличается от производства-потребления информации как минимум странно.

Эпоха преимущественно материального производства, она же «эпоха пирамид», она же «эпоха неолита» в широком смысле завершена. В эту эпоху человечество научилось добывать из земли металлические руды, уголь и «каменное масло» — нефть, научилось плавить и обрабатывать металлы, создало письменность, научилось использовать атомную и термоядерную энергию, вышло в ближайший космос и расшифровало структуру собственного генома. Всё это имеет непосредственное отношение к нашему будущему, но вовсе не определяет его. На наших глазах происходит цивилизационный переход, который, по аналогии с предшествующими эпохами, можно назвать «ноолитической революцией», связанной с переходом от «эпохи неолита» к «эпохе ноолита» — тех «умных камней», которые составляют материальную основу компьютерной цивилизации, цивилизации преимущественно идеального производства и описаны в ветхозаветной книге пророка Даниила как последнее земное царство, «частью из глины, частью из железа».

Нельзя утверждать категорически, однако не исключено, что при этом господствующей общественно-политической формацией на нашей планете окажется вовсе не предсказанный марксистами коммунизм и не предсказанное либералами царство «новых кочевников», а — по диалектической

спирали — старый добрый рабовладельческий строй, только основанный на эксплуатации уже не физических сил человека, что было характерно для классического рабовладения, а на эксплуатации его интеллектуальных и душевных сил, создающих основной объём потребляемых сегодня человеческими сообществами благ. И более того, победа новой цивилизационной матрицы под эгидой идеологии, выработанной в США в конце XX и начале XXI веков означает в конечном итоге движение к уничтожению биологической цивилизации *Homo sapiens* и переход в эпоху «искусственного разума». Таков смысл главной идеологической задачи высшего эшелона американской суперэлиты.

С этой точки зрения в России в ходе потерянного тридцатилетия перестройки и рыночных реформ фактически произошла узурпация политической власти одним слоем производителей идеального продукта, а именно управленческой информации, — тем слоем, который мы сегодня называем бюрократией. Остальные производители идеального: ученые, писатели, художники, учителя, инженеры и т.д., — за редчайшими, единичными исключениями оказались полностью лишены власти и собственности. Что мгновенно сказалось в исторически беспрецедентной деградации всей социально-экономической структуры нашей страны, но одновременно создало объективные условия для нового цивилизационного прорыва.

Уничтожение СССР и возглавляемой им мировой системы социализма было не только, говоря словами Путьна, «крупнейшей геополитической катастрофой XX века» — оно было ещё и крупнейшей проектной катастрофой, «первым толчком» нынешнего глобального системного кризиса. В уничтожении «красного проекта» оказались, в конце концов, заинтересованы не только его стратегические внешние противники, но и его собственная высшая политико-идеологическая элита (Горбачёв, Яковлев, Шеварднадзе, Ельцин и др.), в то время как большая часть элитных слоев КПСС

и партхозаппарата были просто введены в тотальное заблуждение посулами «улучшения» социалистической системы и кардинального роста благосостояния населения. Важно отметить и тот факт, что в процессе дальнейшего уничтожения социалистической системы при Ельцине после 1991 г. были включены гораздо более крупные и объёмные группы советской элиты (красные директора, силовые структуры, региональные управленцы, деятели искусства и культуры). Все они в той или иной мере были вовлечены в раздел и приватизацию собственности, что привело к кардинальной смене их идеологической и политической ориентации.

Судьба СССР прямо указывает на необходимость прекращения узурпации власти и собственности производителями управленческой информации, которой можно достичь только усилиями других производителей идеального продукта, что имеет историческую аналогию в восстаниях плебеев Древнего Рима, по итогам которых они получили гражданские права и свободы, чего не имело ни одно другое рабовладельческое общество того периода и что стало основой «тысячелетнего» *Pax Romana*.

Тем элитам, которые смогут обеспечить в рамках своих сообществ максимальное развитие так называемой свободы творчества, то есть сверхпроизводительного творческого труда широких масс населения нашей страны с созданием необходимого материального и социального обеспечения этого процесса, удастся выйти за рамки нынешнего «ноолитического общества», совершив «ноолитическую революцию», одним из следствий которой станет и форсированный переход к новому глобальному технологическому укладу. Будем надеяться, что подобный переход рано или поздно в формате какого-либо из актуальных человеческих сообществ всё-таки удастся, что человечество не исчезнет с лица Земли и не будет отброшено назад на несколько веков или даже тысячелетий. И в этих условиях «отставание» России может оказаться

не только злом, но благом — потому что цивилизация современного западного типа уже в достаточной мере показала, что является всего лишь «слепым поводом слепых».

Всё ещё актуальное «глобальное лидерство» США и транснациональной финансово-экономической верхушки заключается прежде всего в том, что через финансовое участие и прямое силовое давление они контролируют сегодня около 60% мировых авуаров. И никаких качественных изменений здесь не предвидится, вернее — вероятность такого «превращения Савла в Павла» исчезающе мала.

Именно поэтому «коллективный Запад» во главе с США последние полвека уделяет огромное внимание трансформации и подчинению себе любых глобальных, региональных и национальных элит. В этом плане фундаментальным исключением,

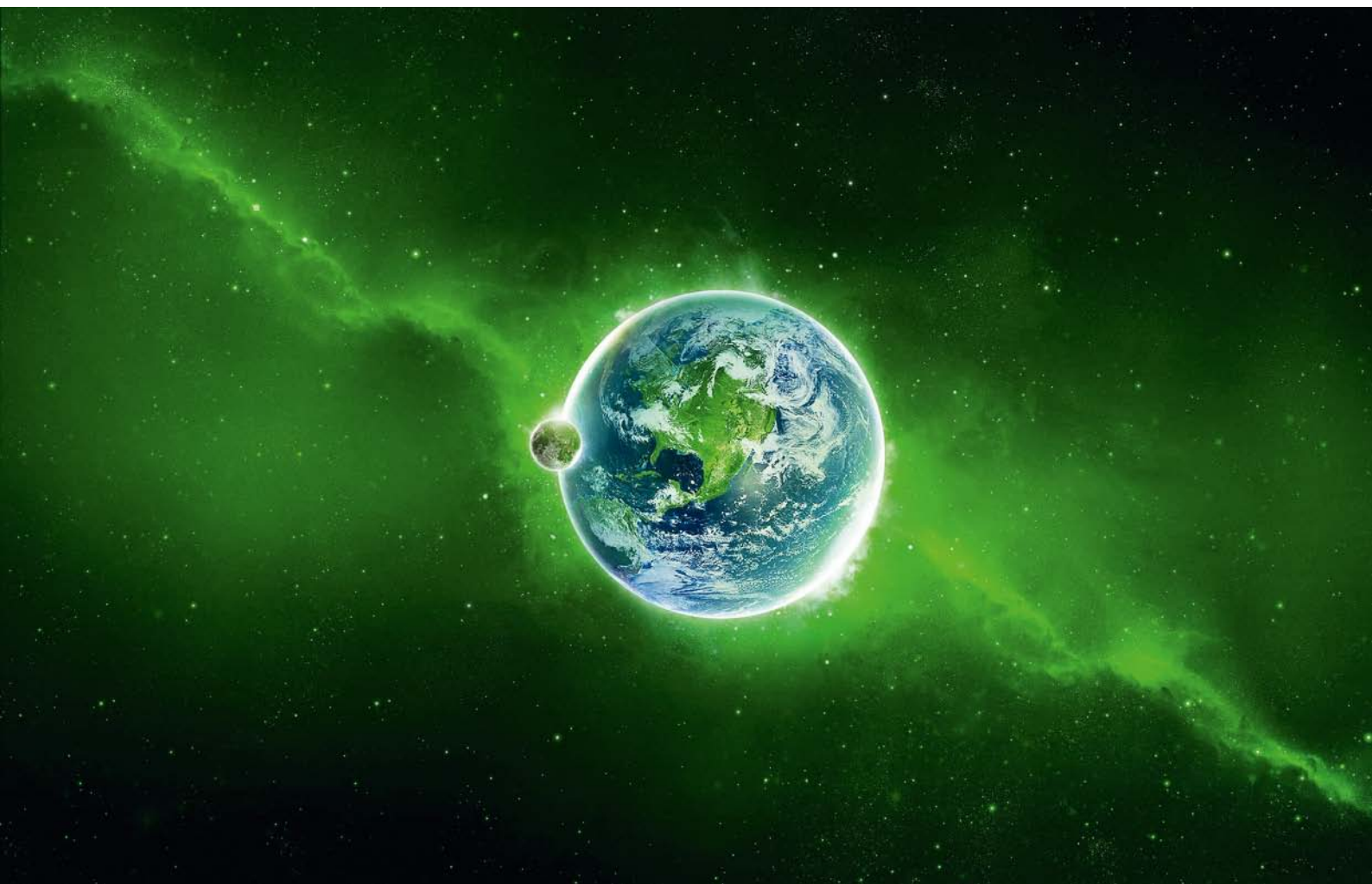
противостоящим англо-саксонской глобальной элите, является прежде всего коммунистический Китай и, до определённой степени, возможно, крупная буржуазия Индии, размеры которой требуют автономного движения в историческом процессе.

Однако, говоря известными сталинскими словами: «Если мы не движемся своим путём, нас сомнут».

ВЛАСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ: НА ПОРОГЕ ТОТАЛЬНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Именно институты собственности и власти, связывающие для человека и человеческого сообщества воедино понятия «быть» и «иметь», могут считаться объективным фундаментом «теории элит». Как известно, отношения собственности: владение, распоряжение и пользование, — опосредуют

собой отношения власти («владение» и «власть» — однокоренные слова). Поэтому не стоит рассматривать социальный институт собственности исключительно как экономический институт, а институт власти — как институт исключительно политический. Институт собственности имеет политическое измерение, а институт власти — измерение экономическое. При этом если институт собственности обеспечивает доступ к неким определённым материальным и жизненным благам субъекту-собственнику и ограничивает доступ к ним субъектам-несобственникам, то институт власти точно так же обеспечивает такой доступ субъекту-властителю и ограничивает/регулирует его для подвластных субъектов. В этом смысле действительно любая собственность есть кража у других, а любая власть есть несвобода для других. В то же время

собственность есть кража у самого себя, а власть — несвобода для самого себя, поскольку и то и другое неизбежно ограничено и в пространстве, и во времени, и в объёме получаемых благ.

Мы говорим об институтах власти и собственности с точки зрения принципа свободы только потому, что в современном мире из трёх фундаментальных принципов бытия человеческих сообществ: свободы, справедливости и прогресса, — идея свободы явно господствует над двумя другими. Более того — активно ведётся деятельность по снятию с данного принципа всех и всяческих внешних и внутренних системных ограничений: в диапазоне от свободы выбора и свободы обогащения до сексуальной свободы и свободы от смерти, то есть личного бессмертия человека. Точ-

но так же можно было бы говорить о тех же самых институтах с точки зрения принципов справедливости и/или прогресса, но в актуальных условиях необходимо, прежде всего, показать имманентные противоречия господствующей концепции.

Влиятельный американский историк и политолог Ричард Пайпс (Richard Pipes) посвятил обоснованию данной концепции целое исследование: «Собственность и свобода» (Alfred A. Knopf, New York, 1999; русс. пер. — М.: Московская школа политических исследований, 2001), эпиграфом для которого избрал слова А. Н. Уилсона: «Собственность никогда не упразднялась и никогда не будет упразднена. Вопрос лишь в том, кто обладает ею. И самая справедливая из всех когда-либо придуманных систем та,

которая делает обладателями собственности скорее всех, чем никого». При этом сам Р. Пайпс зачастую ставит в некотором роде знак равенства между понятиями частной собственности и собственности вообще, а также — между личной свободой и свободой как таковой. Он пишет: «Представление о взаимосвязанности собственности и свободы едва ли ново — оно родилось в XVII веке и стало общим местом в XVIII веке, — но, насколько я знаю, никто прежде не пытался показать эту взаимосвязь на историческом материале... Моя исходная гипотеза состояла в том, что общественные гарантии собственности и личной свободы тесно взаимосвязаны: если собственность в каком-то виде ещё и возможна без свободы, то обратное немыслимо». И далее: «Ни о «вла-

дении», ни о «собственности» вопрос не возникал, поскольку отличительная черта и того и другого — право отодвинуть в сторону прочих — приобретает смысл лишь в условиях тесноты и порождаемого ею соперничества в борьбе за ограниченные ресурсы... Утверждение прав собственности может сменяться отказом от них, если предмет обладания перестаёт быть редким или востребованным».

Итак, институты собственности и власти возникают как следствие объективной ограниченности процессов социального производства-потребления необходимых для существования человека и общества жизненных благ (продовольствия, жилья, одежды, средств передвижения и защиты, образования, здравоохранения и т.д.). Элитой общества в данном случае выступают те его элементы (личности и группы), которые решающим образом влияют на функционирование данных институтов внутри данного общества и на их взаимодействие с другими обществами. Следовательно, элиты в самом общем случае следует рассматривать как «референтную группу», управляющую критической массой коммуникативных актов: а) внутри данного сообщества и б) между данным сообществом и другими сообществами.

Рассматривая одиночный простой коммуникативный акт, мы можем выделить в его структуре три взаимодействующих фактора: «передатчик» («источник»), «приёмник» («реципиент») и «смысловое поле», к которому обращаются и «передатчик», и «приёмник» данного коммуникативного акта. То есть «диалог» как таковой — это абстракция, помимо двух непосредственных участников коммуникативного акта в нём неизбежно участвует и «иное» третье. При этом в полноценном и равноправном акте коммуникации смысловое поле должно быть одинаково доступно и для «передатчика», и для «приёмника». Если же это условие не соблюдается, мы имеем дело с неравноправной, анизотропной коммуникацией, при котором, в зависимости от ситуации, либо «приёмник», либо «передатчик» выступает

в качестве части данного смыслового поля. Самый понятный пример такой анизотропности — коммуникативный акт между учителем и учеником, в котором первый всегда выступает в качестве носителя смыслового (и даже ценностного) поля для второго.

Именно по степени соотнесённости участников коммуникативного акта со смысловым полем и по степени сакрализации самого смыслового поля можно различать элиты тоталитарные, аристократические и демократические. В первом случае мы наблюдаем практически полное отождествление элиты со смысловым полем своей общности («Государство — это я» Людовика XIV), во втором — различные степени частичного отождествления с таким смысловым полем (или даже — просто различные степени соответствия его ценностному сегменту), в третьем — формальное равенство всех участников коммуникативного акта по отношению к его смысловому полю. В данной связи также следует заметить, что само смысловое поле не является застывшим абсолютом, но, как правило, изменяется вместе с порождающим его сообществом.

В современном человеческом сообществе, переживающем, как отмечено выше, системный цивилизационный кризис, высшей ценностью глобального смыслового поля признано как раз понятие демократии, специфическим образом соединяющее институты власти и собственности.

В английском академическом словаре политических терминов говорится: «Широко распространившийся поворот к демократии как подходящей форме для организации политической жизни насчитывает меньше сотни лет. В дополнение — в то время, как многие государства сегодня могут быть демократическими, история их политических институтов раскрывает хрупкость и уязвимость демократических образований... Демократия возникла в интенсивных социальных битвах и часто в этих битвах приносится в жертву... Слово “демократия” вошло в английский язык в XVI веке

из французского *democratie*; это слово греческого происхождения, произошло от *δημοκρατία*, корневые значения которого — “демос” (народ) и “кратос” (право). Демократия относится к форме правления, в которой, в отличие от монахий и аристократий, правит народ. Она влечёт за собой государство, в котором имеется **некоторая форма политического равенства среди людей** (выделено авторами). Но признать — это ещё не значит сказать очень много. Поскольку не только история идеи демократии, отмеченная конфликтующими интерпретациями, но греческие, римские понятия и понятия Просвещения среди других перемешиваются, чтобы произвести двусмысленные и непоследовательные трактовки ключевых терминов демократии сегодня: характер “правления”, коннотации “править посредством” и значение “народ”».

Разумеется, речь здесь идёт не столько о различиях формы прямой демократии античных полисов и современной представительной демократии, сколько о различиях концептуальных, связанных с самим существом демократических принципов. Известный американский культуролог и лингвист Ноам Хомски (Noam Chomsky) в своей работе «Media Control: The Spectacular Achievements of Propaganda» (1997) пишет по этому поводу следующее: «Позвольте мне начать с противопоставления двух различных концепций демократии. Первая гласит, что граждане в демократическом обществе обладают средствами, позволяющими в некотором туманном смысле участвовать в управлении общественными делами, а массовая информация открыта и свободна. Если вы заглянете в словарь, то наверняка найдёте определение вроде этого.

А по альтернативной концепции широкая общественность должна быть отстранена от управления, а средства массовой информации пристально и жёстко контролироваться. Эта концепция может казаться маргинальной, но важно понять, что в действительности именно она превалирует не только на практике, но даже в теории. История

демократических революций, восходящая к первым революциям XVII века в Англии, выражает именно эту точку зрения». И далее Хомски, характеризуя взгляды «короля американской прессы» начала XX века Уолтера Липпмана (Walter Lippmann), отмечает, что «по его (Липпмана. — Авт.) выражению, интересы народа часто противостоят интересам общества в целом... Только немногочисленная элита, интеллектуальное сообщество... может понять интересы общества. Это мнение с историей в сотни лет. Это также типично ленинское мнение. Сходство с ленинской концепцией очень близкое — также предполагалось, что авангард интеллектуалов-революционеров захватит государственную власть, используя народную революцию в качестве двигателя, а затем поведёт глупые массы к будущему, которое эти массы даже не могут себе вообразить».

Хомски утверждает, что именно такая модель легла в основу и советского, и нацистского, и современного западного общества, где за ней закрепилось название «либеральной демократии» (У. Липпман говорил о «прогрессивной демократии»). Именно данным обстоятельством он объясняет факт, что представители «интеллектуального сообщества» способны с легкостью менять свои внешние политические позиции, поскольку у этих вроде бы противостоящих друг другу систем «элитарной демократии» одна общая мировоззренческая суть. О том, что концепция Ноама Хомски основана не на пустом месте и во многом адекватна реальности, может свидетельствовать хотя бы этапная книга уже упомянутого выше Збигнева Бжезинского (Zbigniew Brzezinski) «Между двумя эпохами» («Between Two Ages», 1970), уже в названии которой зафиксирован переживаемый тогда переломный момент мирового развития. Не исключено, что Бжезинский, оказывавший и продолжающий оказывать сильное влияние на американскую политику, первым сформулировал тезис о стратегической цели, к которой должен стремиться Запад: «создание системы глобального планирования

и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов». Им были также впервые выдвинуты публично соответствующие социальные и политические ориентиры:

- замена демократии господством элиты;
- формирование наднациональной власти (но не на путях объединения наций в единое сверхгосударство, а через союз индустриально развитых стран);
- создание элитарного клуба ведущих государств мира (в 1975 году возникла «Большая шестерка» (Great 6, G-6) — мировой регулирующий орган).

В известной работе «Демократия и тоталитаризм» («Démocratie et totalitarisme», 1963, русс. пер. — М.: Текст, 1993) французского политолога и философа Реймона Арона (Raymond Aron) говорится: «Сомнительно, чтобы наилучший режим можно было определить в отрыве от общих основ устройства социума. Не исключено, что наилучший режим можно определить лишь для данного общественного устройства».

Это важнейшее положение впоследствии было закреплено в международном праве. Согласно статье 1 части 1 Международного пакта ООН о гражданских и политических правах, ратифицированного 23 марта 1976 года, «все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они **свободно устанавливают свой политический статус** (выделено авторами) и свободно обеспечивают своё экономическое, социальное и культурное развитие». Иными словами, на уровне ООН закреплено, что наилучший режим такие человеческие сообщества, как народы, устанавливают для себя сами, и демократия с этой точки зрения у каждого народа — своя, со своими особенными формами и институтами. Однако при этом неперенной основой демократии является свободное волеизъявление народа.

Одна из наиболее широко распространённых в современной политической науке концептуальных

формулировок понятие «демократия» принадлежит Джозефу Шумпетеру (Joseph A. Schumpeter), который изложил её в своей работе «Capitalism, Socialism and Democracy» (1942). Рассматривая недостатки того, что он называет «классической теорией демократии», которая определяла демократию в понятиях «воли народа» (источник власти) и «общественного блага» (цель власти), Дж. Шумпетер предлагает «другую теорию демократии», характеризуя демократию прежде всего на основании такого признака, как «демократический метод», под которым он понимает такое институциональное устройство, при котором отдельные личности получают власть путём соревновательной борьбы за голоса людей, образующих это общество. Отсюда уже прямой путь к концепции «элитарной демократии», автором которой и является Дж. Шумпетер.

Впрочем, широкое распространение тех или иных взглядов и представлений ещё не является свидетельством их истинности — так, в своё время было широко распространено представление о том, что земля плоская и стоит на трёх китах. Кроме того, при желании нетрудно увидеть в данной характеристике историческую деградацию самой идеи демократии: от воплощённой в политических институтах «воли народа» до «простого» присутствия в жизни общества периодической формальной процедуры выборов, трактуемой как двуединство «публичного состязания» лидеров и «политического участия» граждан. Аналогичные взгляды высказываются, в частности, авторитетным американским политологом Сэмюэлем Хантингтоном (Samuel Huntington), известным как создатель концепции «войны цивилизаций», в его работе «Третья волна» (The Third Wave, 1991): «Правительства, образованные с помощью выборов, могут быть неэффективными, коррумпированными, недалёковидными, безответственными, руководствующимися узкими интересами и неспособными принять политику, требуемую для благопо-

лучия народа. Эти качества делают такие правительства нежелательными, но они не могут их сделать недемократическими». Однако попытаемся в первом приближении принять господствующее сегодня минимальное определение демократии как данность.

Из него со всей очевидностью следует, что важнейшим показателем для определения демократического характера того или иного политического режима является именно реальная степень свободы волеизъявления народа. По этому поводу Р. Арон, фактически солидаризуясь с Н. Хомски, пишет: «В современных обществах верховенство власти — всего лишь правовая фикция. Обладает ли народ таким верховенством? Такая формулировка может оказаться приемлемой и для западных режимов, и для фашистских, и для коммунистических. Нет, пожалуй, ни одного современного общества, которое так или иначе не провозгла-

шало бы в качестве своего основополагающего принципа, что верховная власть принадлежит народу. Меняются только правовые или политические процедуры, посредством которых эта законная власть передаётся от народа конкретным лицам». Р. Арон выделяет три основных структурных критерия современной представительной демократии: всеобщее избирательное право, равенство граждан перед законом, а также многопартийность как форму мирной конкуренции различных групп граждан за власть — в смысле не только прямой конкуренции за места в парламенте и правительстве, но и своеобразной «школы» управления внутри того сектора общества, интересы которого представляет та или иная партия. Р. Арон замечает, что эти виды равенства не исключают экономического и социального неравенства, что всеобщее избирательное право не всегда даёт гражданину возмож-

ность реально избирать своих представителей. Известно, что в истории развития демократии имущественный ценз всегда выступал одним из самых сложных барьеров, что право собственности на протяжении многих веков было неразрывно связано с политическими правами человека, и до сих пор экономическое неравенство в той или иной форме препятствует действительной свободе политического волеизъявления (подкуп избирателей, пиар через масс-медиа и так далее).

Помимо критического неравенства собственности свободу волеизъявления народа может в значительной степени снижать социальная дезадаптация (ограниченная по той или иной причине дееспособность) граждан. Кроме того, как отмечал всё тот же Р. Арон, не исключена ситуация, при которой «законы изначально устанавливают такие дискриминационные различия между гражданами,

что обеспечение законности само по себе связано с насилием», — как, например, обстояло дело с режимом апартеида в Южной Африке, бывшим «демократией только для белых».

Что уж говорить в данной связи о «вооружённом экспорте демократии» во все страны мира американского образца: как путём открытой военной интервенции и агрессии, так и путём организации различных государственных переворотов и прочих актов насилия по всему миру?! Весьма показателен в данном отношении тезис Кондолизы Райс (Condoleezza

Rice), высказанный ею во время визита по странам Ближнего Востока в статусе государственного секретаря (министра иностранных дел) США осенью 2008 года: «Демократия важнее стабильности». Несмотря на смену «хозяина Белого дома», где белого республиканца Джорджа Буша-младшего сменил афроамериканец и демократ Барак Обама, слова Кондолизы Райс в течение всех последующих лет неуклонно проводились в жизнь чередой «цветных революций», включая Арабскую весну, приведшую к хаотизации всего Большого Ближнего

Востока — главного нефтеносного региона нашей планеты.

Если обратиться к отечественной культуре, то в русском языке греческое слово «кратос» традиционно переводится не как «право», а как «власть». Следовательно, существует и русское слово-калька «демократии» — «народовластие» (с тем же смыслом: «народоправие», ибо «властвовать» и «править» в русском языке — синонимы).

Так, в одном из первых русских толковых словарей, «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, говорится: «**Демократия**, ж. греч.

народное правление; народодержавие, народовластие, мироуправство; противопост. *самодержавие, единодержавие* или *аристократия, боярщина* и пр.». Сходное определение можно обнаружить и в авторитетном «Словаре Брокгауза и Ефрона»: «**Демократия**, *греч.*, народовластие, государственная форма, в которой верховная власть принадлежит всему народу». Наконец, в Большой советской энциклопедии соответствующая статья начинается так: «**Демократия** (*греч.* *demokratía*, буквально — народовластие, от *demos* — народ и *krátos* — власть) — форма политической организации общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на его праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и свобод».

Понимая «демократию» как «власть народа», осуществляемую тем или иным конкретным исторически и культурно сложившимся способом, мы можем и должны вначале абстрагироваться от этих способов, чтобы решить более общую и отчасти даже философскую проблему: проблему субъекта и объекта власти. Если субъектом власти является народ в своей целостности, то возникает вопрос: над кем, над каким иным объектом осуществляет этот народ свою власть? Данный вопрос и является фундаментальным парадоксом демократии.

Обычный ответ современной политологии как теории и современной политики как практики гласит, что народ, будучи несомненным субъектом власти, осуществляет данную власть над самим собой, выступая одновременно и объектом власти. Однако единство субъекта и объекта, данное каждому из нас в непосредственном ощущении своего собственного бытия, вряд ли применимо к такой системной целостности, как народ. В противном случае институты публичной власти при демократии были бы принципиально излишними, а любой властный акт мог осуществляться одномоментным и прямым действием — аналогично тому, как человек управляет

своим телом. Однако подобная система власти, получившая название «прямой демократии», на деле не соблюдается ни в одном из известных человеческих сообществ и остаётся не более чем утопией.

Популярность же данной концепции можно объяснить тем, что она исходит из постулата, аналогичного тому молчаливо принятому современной физикой мнению, которое провозглашает сущностным атрибутом материи не её способность к движению, но само движение. Однако, поскольку присутствие институтов власти в обществе доказывает любому непредвзятому наблюдателю несправедливость подобной аналогии, мы должны признать, что она не разрешает указанного выше противоречия, при котором субъект власти одновременно выступает и как объект власти. Поэтому сущностью демократии с данной точки зрения парадоксальным образом признаётся, по сути, та или иная форма добровольного отказа народа от функций субъекта власти и делегирование этих функций специальным властным институтам.

В Конституции Российской Федерации отмечается: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» (ст. 3). Представить в роли такого «органа государственной власти» весь народ как одну из форм человеческого сообщества просто невозможно. Вот почему «власть народа» чаще всего оказывается представительной демократией, при которой народ делегирует свои властные права соответствующим органам власти (законодательным, избирательным, судебным) и конкретным лицам (президент, канцлер, премьер-министр).

Суть представительной демократии хорошо выражена в Декларации независимости США, где отцы-основатели Американской республики записали: «Мы считаем самоочевидным следующие истины: все люди созданы и наделены своим Создателем определёнными неотчуждаемыми правами, среди которых право на жизнь, свобо-

ду и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, чья власть зиждется на согласии управляемых».

«Народ в демократическом обществе есть субъект власти (это обстоятельство подчёркивается в конституциях всех демократических стран), но он одновременно и объект власти, поскольку, передав по доброй воле («согласие управляемых») выполнение властных функций соответствующим властным структурам, народ, общество в целом берут на себя обязанность подчиняться избранной им политической власти», — пишет, например, Татьяна Петрова. Следует признать, что подобное объяснение фундаментального парадокса демократии исходит из прагматических потребностей и на деле трактует народ в качестве объекта-источника, но вовсе не реального субъекта власти, что далеко не одно и то же. Получается, что принципы демократии осуществимы только при условии отказа от властных прав со стороны большей части народа. Собственно, приведённая выше цитата из Н. Хомски указывает именно на это следствие фундаментального парадокса демократии.

Совсем недавно широким признанием в России и во всём мире пользовалась и другая концепция демократии, связанная с учением Маркса о коммунизме и классовой борьбе как движущей силе истории. Согласно этой концепции, исторические формы демократии, как и всякой государственной власти, есть формы господства одной части общества (класса или нескольких классов) над другой частью общества. А классы, по Марксу, различаются, прежде всего, отношениями собственности на средства производства.

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную, борьбу, всегда кончавшуюся

революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов». Поэтому любая историческая форма демократии, демократии в классово-антагонистических обществах, по Марксу, является, прежде всего, демократией собственников, не исключая даже «военной демократии» родоплеменного общества. В будущем коммунистическом обществе, где не будет эксплуатации человека человеком, государство за ненадобностью должно отмереть, а вместе с ним, соответственно, окончательно уйдёт в прошлое и демократия.

Однако поскольку государство в обществе «реального социализма» отмирать не торопилось, а, напротив, достигло нового уровня проникновения во все сферы общественной жизни, то данное явление необходимо было как-то объяснить теоретически. Поэтому в ход был пущен диалектический тезис о том, что столь тотальное усиление государства и есть подготовка к его последующему отмиранию, вызванная, прежде всего, потребностями всемирно-исторической борьбы против системы капитализма, а политическая система, основанная на беспрекословном лидерстве коммунистической партии, есть высшая по сравнению с формами представительной демократии, существующими в капиталистических странах, модель демократии, свойственная социалистическому общенародному государству. Впрочем, конец коммунистической сказки в России оказался принципиально иным, нежели предусматривалось теорией «полной и окончательной победы социализма первоначально в нескольких странах или даже в одной, отдельно взятой стране», но и абсолютный, окончательный триумф либеральной концепции представительной демократии сегодня уже не выглядит очевидным и бесспорным.

Тем не менее обе эти доминирующие концепции, либеральная и марксистская, несомненно, опирались и опираются лишь на некоторые действительные моменты общественного бытия и тесно связаны с данными

моментами, линейно экстраполируя их в будущее. Поэтому прогностическая их способность на практике стремится к нулю, что, повторим, с полной очевидностью показали события как августа 1991 года в России, так и 11 сентября 2001 года в США.

Методологическая общность между этими концепциями демократии, а равно и общность их происхождения хорошо видны через параллельное толкование феноменов власти и феноменов собственности. Если собственность социалистического государства трактуется марксистами как «общественная», то и власть в таком государстве может называться только «общенародной». Если доминирующей формой собственности в странах западной демократии считается частная собственность, то и структуры власти основываются на представительстве частных интересов.

Между прочим, и в трудах классиков античной политологии именно собственники обладают всеми правами гражданства и представляют себя как «народ», «демос» — в отличие от нищей и безответственной толпы, «охлоса», живущей сиюминутными интересами. В «Политии» Аристотеля демократия и охлократия выступают такими же противоположными формами правления, как аристократия и олигархия, монархия и тирания. Как можно видеть, противоречия в понимании феномена демократии имеют социально-исторические корни, уходящие в глубину тысячелетий.

Однако в классическом противопоставлении знаменитого философа древности можно найти и определённое указание пути к адекватному разрешению фундаментального парадокса демократии. И этот путь заключается в необходимости точного понимания термина «народ». Народ нельзя рассматривать только как некую общность людей, живущих здесь и сейчас. В понятие «народ» входят все поколения данной культурно-исторической общности — как прошлые, так и будущие. Поэтому народ есть, прежде всего, культурно-историческая возможность, потенция, а «народ»

в его узком политическом понимании является лишь текущей актуализацией (и реализацией) данной возможности. Обострённую, доведённую до предела и даже до абсурда формулировку этой ситуации дал ещё в XIX веке Жозеф Эрнест Ренан (Josef Ernest Renan) и развил в своей книге «Восстание масс» Хосе Ортега-и-Гассет (Jose Ortega-y-Gasset): «Жизнь нации — это постоянный плебисцит». Стоит заметить, что здесь налицо «круг в показательствах» (Circulus in probando) — ведь плебисцит возможен только в рамках уже существующего народа. Если же под «плебисцитом» подразумевать ежедневную деятельность народа (нации), никак не связанную с выделенным и формализованным через институты общества и государства народным волеизъявлением, т.е. плебисцитом в общепринятом смысле, то мы как раз столкнемся с абсурдной метафорой — подменной понятий, не имеющей логического смысла, но имеющей образный смысл.

«Народ» как объект власти почти невозможно увидеть за народом как субъектом, «одиноким волной», бегущей по морю истории. Однако и здесь можно прибегнуть к облегчающей понимание аналогии. Рассматривая понятие «народ» как культурно-исторический проект, сошлёмся на то, что даже в самом демократическом обществе никто не предоставляет всю полноту гражданских и политических прав детям до достижения ими законодательно установленного возраста совершеннолетия, однако существование этого возрастного ценза, ограничивающего народ как субъект власти, способно вызвать обвинения в «ограничении демократии» или в «тоталитаризме» только у крайних энтузиастов идеи демократии, чьё состояние граничит с невменяемостью. Отношение к детям и подросткам как «будущему народу» выглядит совершенно естественным и оправданным. Не менее оправданным выглядит и установление «ценза дееспособности», в соответствии с которым психически больные, хотя формально совершеннолетние люди, лишаются ряда политических и граж-

данских прав, и над ними в законодательном порядке устанавливается режим опеки.

И точно так же, как важнейшая функция института собственности заключается, по сути, в обеспечении материальных и социальных условий для продолжения рода (семьи), важнейшая функция института демократии заключается в обеспечении материальных и политических условий для продолжения существования народа (этноса) в истории.

Суммируя вышеизложенное, можно сделать несколько предварительных выводов.

Во-первых, тема исследования существующих элит и их трансформации, чрезвычайно слабо изученная в отечественной научной и политической традиции, в условиях

глобального системного кризиса должна стать одним из важнейших направлений изучения политико-экономической динамики как национальных государств, так и крупнейших транснациональных корпораций, в том числе — информационно-финансовых.

Во-вторых, сегодня управление глобальными социально-экономическими, финансовыми и политическими процессами в рамках «однополярного» *Rex Americana* элитным сообществом «коллективного Запада» не отвечает и в обозримой перспективе не может отвечать интересам человечества, поскольку основано на саморазрушительном «поле смыслов» с приоритетом принципа «свободы» в идеологии над принципами

«справедливости» и «прогресса», что приводит к абсолютизации и приоритету ложного понимания принципа «демократии» как формы власти в политике и принципа «выгоды» («прибыли») как формы собственности в экономике.

Наконец, в-третьих, поскольку в самих институтах собственности и власти имплицитно проецируется право их субъектов распоряжаться ими, в том числе самостоятельно и свободно отказываться от них, те или иные актуальные формы данных институтов не могут носить неизменный и абсолютный характер, что, собственно, неопровержимо доказывается всем ходом человеческой истории в целом, а также отдельных государств и народов в частности.

/ Александр ДОМРИН /

США: бремя глобального лидерства

1. ГЛОБАЛЬНАЯ ЭЛИТА

К началу XXI века — а для наиболее дальновидных наблюдателей ещё раньше — стало очевидным, что интересам глобальной, транснациональной элиты наиболее соответствует создание единого «мирового правительства», единой мировой экономической и финансовой системы с единой денежной системой (нетрудно догадаться, какой именно). Некоторые идеологи шли ещё дальше и предлагали со-

здание единого языка: вспомним заигрывание с созданием и попытками распространения эсперанто. И с отказом от мировых, традиционных религий. Напомню, что, в соответствии с Законом РФ 1997 года «О свободе совести и религиозных организациях», на территории России такими считаются православие, ислам, иудаизм и буддизм.

Часть из этих «всечеловеческих» иллюзий прекрасно отражена в наиболее известной песне (и наиболее продаваемом сингле за всю

его музыкальную карьеру) гуру англоязычного либерализма Джона Леннона «Представь себе» (Imagine), воспевающего то, что «рая нет... и ада тоже нет... нет больше стран... не за что умирать и убивать, и религии тоже больше нет... нет собственности» (хотелось бы спросить Леннона: «Ни у кого нет собственности или только у тех обездоленных, у кого её нет и сейчас? А те, у кого она есть — та самая финансовая элита, — с лёгкостью от своей собственности откажется? Ради чего?»). «И тогда весь мир объединится». Неужели? Сам Леннон называл Imagine своей самой революционной композицией в «сладкой упаковке».

25 сентября 2015 года Генеральная ассамблея Организации Объединённых Наций приняла резолюцию «Повестка дня 2030», в которой поставила перед странами мира 17 амбициозных целей, которые планируется достичь в течение ближайших 15 лет. Генассамблея ООН заявила, что эти новые, так называемые «глобальные цели» (Global Goals) представляют собой «новую универсальную повестку дня» для всего человечества (Рисунок 1).

Независимые наблюдатели незамедлительно подвергли «Повестку 2030» сокрушительной критике, как очередной: сознательной для одних и благодушной для других, — попытки достижения целей всё той же глобальной элиты унифицировать население мира и лишить его разнообразия. Приведу два-три примера:

«Цель 2: Нет голода, достижение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействия устойчивому сельскому хозяйству. Перевод: ГМО... Цель 4: Обеспечить всеобщее и справедливое качество образования. Перевод: пропаганда и промывание мозгов корпоративными СМИ... Цель 17: Оживить глобальное партнёрство в целях устойчивого развития. Перевод: ликвидация национального суверенитета во всём мире, способствование глобализму под эгидой «авторитета» всемирной оруэлловской бюрократии».

А как складывается и чем руководствуется элита самой сильной страны англосаксонского мира? Какие задачи — в том числе глобальные — она ставит перед собой? Попробуем разобраться.

2. ДЕМОКРАТИЯ В США? ЗАБУДЬТЕ!

Публичная политика в Соединённых Штатах формируется большим набором различных факторов: как формальных (например, официальными результатами выборов), так и неформальных (включая деятельность многочисленных групп интересов и лоббистских организаций). Влияние разнообразных (часто антагонистичных) политических сил на публичную политику в США признаётся самими политиками и является предметом исследований американских учёных, соглас-

Рисунок 1.

Графическое представление так называемых «глобальных целей» (Global Goals) Генассамблеи ООН, принявшей резолюцию «Повестка дня 2030»

но заключению которых «денежные мешки» в последние годы играют беспрецедентную роль в американской политике.

30 августа 2015 года российский телеканал LifeNews привёл слова Лоуренса Уилкерсона, руководителя аппарата бывшего госсекретаря США Колина Пауэлла (2002–2005) из его интервью латвийскому радио. Уилкерсон заявил следующее: «Именно олигархи руководят буквально всеми процессами из-за сцены. В США имеется около 400 человек, чьё общее состояние превышает триллионы долларов. Это просто неприличное, оскорбительное распределение богатства по стране. Огромное неравенство. Власть находится в руках примерно одной тысячной процента людей».

Например, по скромным подсчётам, в 2012 году лоббистские структуры и спонсоры Республиканской партии потратили 700 млн долл. для предотвращения перевыборов Барака Обамы на второй президентский срок. В ходе выборов в Сенат США 2014 года только на телевизионную рекламу расходы республиканцев составили примерно 205 млн долл. (из них 77 млн были выделены наследниками транснациональной империи Koch Industries миллиардерами Чарльзом и Дэвидом Кохами) и демократов — 132 млн долл.

Согласно последнему (2014 году) совместному исследованию учёных из Гарварда и Университета Сиднея Пиппы Норриса Ричарда Фрэнка и Феррана Мартинеза и Кома (Pippa Norris, Richard W. Frank, Ferran Martínez i Coma), по показателю «честность выборов» (electoral integrity) США входят в категорию «умеренная честность» (moderate integrity) и занимают 26-е место из 66 изучавшихся стран мира. (Вместе с США в эту категорию входят такие страны, как Монголия, Грузия, Гана, Непал, Пакистан, Бутан, Филиппины.)

Вопрос о том, кто формирует государственную политику США и на каких условиях, далёк от того, чтобы быть сугубо риторическим, особенно в контексте снижения явки избирателей на выборах.

Так, в ходе праймериз (т.е. предварительного голосования, на котором выбирают по одному кандидату от каждой партии) 2014 года на выборах в Конгресс США от 25 штатов страны активность избирателей сократилась на 18 процентов по сравнению с показателями 2010 года. Из 123 миллионов избирателей на участки пришли только 18 миллионов. Самая высокая явка была в Монтане: 26,3% избирателей; самая низкая — в Айове — 9,7%. Только в трёх шта-

тах активность избирателей в 2014 году была выше, чем в 2010-м: в Западной Вирджинии, Небраске и Северной Каролине.

Как с теоретической, так и с практической точки зрения важно понять, имеют ли американские избиратели возможность реально участвовать в формировании государственной политики США, или правительство предпочитает обходить граждан в пользу элит и различных групп интересов.

Масла в огонь в том же 2014 году подлили учёные авторитетных университетов: Принстонского и Northwestern (Чикаго), — пришедшие к неутешительному выводу, согласно которому США больше не являются демократией. В своём исследовании, опубликованном в журнале Американской ассоциации политических наук, Мартин Гиленс и Бенджамин Пэйдж утверждают, что за последние несколько десятилетий политическая система Америки постепенно превратилась из демократии в олигархию, где состоятельные элиты обладают наибольшей силой и влиянием.

Изучив примерно 1800 различных политических инициатив с 1981 по 2002 год, учёные делают следующее заключение: состоятельные американцы, обладающие хорошими связями на политической сцене, в настоящее время определяют направление страны независимо от воли большинства избирателей или даже против их воли. «Основным выводом нашего исследования, — пишут Мартин Гиленс и Бенджамин Пэйдж, — является то, что экономические элиты и организованные группы, представляющие интересы бизнеса, имеют существенное независимое воздействие на политику правительства США. Тогда как группы, представляющие интересы масс и рядовых граждан, имеют мало самостоятельного влияния или вообще его не имеют».

В качестве одного из примеров Гиленс и Пэйдж сравнили политические предпочтения американцев со средним уровнем доходов (т.н. “50th income percentile”) с политическими предпочтениями граждан с высокими доходами (т.н. “90th income percentile”), а также крупных лоббистских бизнес-групп. Вывод исследователей однозначен: правительство США — будь то республиканцы или демократы — чаще следует предпочтениям второй группы, а не интересам «средних американцев».

В своём интервью интернет-изданию Talking Points Memo Мартин Гиленс ещё раз сформулировал результаты исследования: «Вопреки тому, во что вы могли верить, сле-

дую выводам десятилетий политических исследований, рядовые граждане практически не имеют никакого влияния на то, что делает правительство Соединённых Штатов. Экономические элиты и группы интересов, особенно те, которые представляют бизнес, имеют существенное воздействие на политику правительства США. Государственно-политические решения в течение последних нескольких десятилетий отражают предпочтения этих групп: экономических элит и групп интересов».

Не обошлось и без критики. М. Гиленс не смог ответить на логичный вопрос интервьюера, была ли ситуация с «демократией» в стране лучше в предыдущий период американской истории, сославшись лишь на то, что у него и его коллеги не было данных, существовавших в 1981 году.

Учёный вынужден был, однако, признать: ситуация могла начать ухудшаться задолго до начала 1980-х (т.е. президентства Рональда Рейгана и осуществлённой им консервативной революции), что, во-первых, объясняется традиционной высокой «ролью денег в нашей политической системе»; во-вторых, «отсутствием массовых организаций, представляющих и поддерживающих голос простых граждан»; в-третьих, «драматичным упадком профсоюзов в стране в последние

30 или 40 лет; и, наконец, отсутствием в США «социалистической или рабочей партии».

Интервью завершается исключительно интересным вопросом и столь же интересным ответом Гиленса. Вопрос: «Ваше исследование напоминает слова Денниса Кусинича (*прогрессивного конгрессмена от штата Огайо, неудачно баллотировавшегося в президенты от Демократической партии в 2004 и 2008 г.* — А. Д.), сказанные им несколько лет назад, во время экономического спада. По существу, он сказал, что классовая война закончилась, и рабочий класс её проиграл. Был ли он прав?» Ответ: «Похоже, что это так. Средний класс плохо пережил последние три с половиной десятилетия, включая рецессию. Политическая система отреагировала на кризис таким образом, что привело к довольно хорошему восстановлению экономических элит и корпораций».

Результаты исследования Мартина Гиленса и Бенджамина Пэйджа вполне коррелируются с данными опросов организации «Американские исследования национальных выборов» (ANES). С 1964 по 2008 г. ANES провела 21 опрос под названием «Служит ли правительство интересам всех?», в каждом из которых приняли участие в среднем от 1200 до 2800 граждан США. Полностью вопрос звучал следующим образом:

	1964	1966	1968	1970	1972	1974	1976	1978	1980	1982	1984	1986	1988	1990	1992	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2008
Интересам немногих:	29	33	40	50	53	66	66	67	70	61	55	–	64	71	75	76	69	64	61	48	56	69
Интересам всех:	64	53	51	41	38	25	24	24	21	29	39	–	31	24	20	19	27	32	35	51	40	29
Не знаю:	7	13	9	9	9	9	10	9	9	10	6	–	5	5	4	5	3	4	5	2	4	2
Число опрошенных	1443	1276	1336	1496	2273	2500	2839	2263	1593	1397	1898		1761	1952	2228	1757	1490	1271	1530	1276	1061	2101

Таблица 1.

Результаты опросов в отношении «доверия» американского народа правительству страны

«Согласны ли вы с тем, что правительство в значительной степени служит интересам немногих, заботящихся о себе, или служит благополучию всех людей?»

Кратко рассмотрим результаты опросов в историческом контексте.

В 1964 г. только 29% американцев считали, что правительство США служит интересам немногих, и 64% — что интересам всех. Напомню, что в том году был принят знаменитый Закон «О гражданских правах», направленный на десегрегацию американского общества, а администрация Линдона Джонсона объявила программу борьбы с бедностью и построения «Великого общества».

Война во Вьетнаме отрезвила многих. В 1970 г. процент американцев, считающих, что деятельность правительства больше отвечает интересам немногих, стал выше процента не согласных с этим мнением: 50 против 41. А уже через 4 года, после скандальной добровольной отставки президента Никсона, произошёл обвал: 66% высказались за первую точку зрения и только 25% — за вторую.

В эпоху Рональда Рейгана, которого многие американцы считают одним из лучших президентов XX века, тенденция ненадолго сменилась: с 1980 по 1988 г. число считающих, что правительство США работает в интересах всех, вырос с 21% до 39%, а несогласных с ними сократился с 70% до 55%.

Только один раз с того времени — после «нападения» на Америку 11 сентября 2001 года — доля американцев, разделявших вторую точку зрения («интересы всех»), ненамного превзошла первую («интересы немногих»): 51% против 48%.

Национальная трагедия объединила американцев ненадолго: президентство Джона Буша-младшего вызвало дальнейшее нарастание социальных антагонизмов. В 2008 г. американцы отвечали на те же два поставленных вопроса прямо противоположно тому, как они отвечали в 1964-м: в первом случае 69% вместо 29%; во втором — 29% вместо 64%! Добавлю

ещё пару деталей: если в 1964 г. на вопрос о политике правительства США в «интересах всех» ответили «да» 63% мужчин и 65% женщин, 63% белых и 68% — черных, то в 2008 г. соответствующие показатели составили: 26% (мужчины) и 32% (женщины); и 27% (белые) и 32% (черные) (Таблица 1).

Согласно другим опросам, проведённым той же организацией ANES с 1966 по 2008 г., «доверие» американского народа правительству страны (trust in government) сократилось с 61% до 26%.

Следует оговориться, что взгляды американцев за последние несколько десятилетий изменились столь кардинально в отношении далеко не всех вопросов государственной политики США.

Скажем, на вопрос «согласны ли вы, что США выиграют, если будут заняты только внутренними делами и не озабочены проблемами в других частях мира?» еще при президенте Трумэне в 1956 году ответили «да» только 25% опрошенных, а в 2008 г. — всего на 5% больше. Соответственно, ответили «нет» — 57% и 67%! Пик ответа «нет» приходится на 1998 г. (Югославия) и 2004 г. (Ирак): 81% и 79%.

Фактически это означает консенсус американского населения. Если мы можем констатировать отрезвление «средних американцев» в отношении внутренней политики своей страны, то о внешней политике речь вообще не идёт. Есть о чём задуматься и не строить иллюзий в отношении того, что внешняя политика США станет менее интервенционистской в XXI веке.

Итоги раздела лучше всего можно было бы подвести словами профессора политологии Университета Сан-Франциско и автора книги «Русофобия: антироссийское лобби в США» Андрея Цыганкова: «В условиях американской элитарной и управляемой демократии объективное понимание российских реалий затруднено. Из «рационального выбора хорошо информированных граждан» (так демократию определял Джозеф Шумпетер) демократия всё

больше превращается в выбор политических элит, формирующих взгляды плохо информированной общественности».

3. ФОРМИРОВАНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ЭЛИТЫ. НЕ ВСЁ ТАК ПРОСТО!

Российские исследования часто ограничиваются внешними, преимущественно описательными признаками формирования американской элиты, либо уходят в конспирологию. (См., например: Артемьев М. Как работает Америка. Учебное пособие. — М.: Фонд «Либеральная миссия»; «Новое литературное обозрение», 2010; Фролова О.А. Внутренняя структура американской политической элиты как субъекта мировой политики в начале XXI века. — Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), № 10 (18), 2012; Зюзина Е.Б. Историческая эволюция политической элиты США. — Человек. Сообщество. Управление, № 3, 2009; Ашин Г.К. Дискуссии о структуре власти и структуре элит США. — Общественные науки и современность, № 1, 2001; Ашин Г.К. Элитология в системе общественных наук. — Вестник МГИМО-Университета, № 3, 2009; Хигли Джон. Демократия и элиты. Лекция в МГИМО (У) МИД РФ. 20.10.2006 г.)

К последним чаще всего относятся: маэсонство (с его многочисленными символами, включая Конституцию США, денежные знаки, карту Вашингтона и т.д., а также с его многочисленными представителями, включая, по крайней мере, 14 президентов США, последними из которых были оба Рузвельта, Гарри Трумэн и Джеральд Форд), Трёхсторонняя комиссия, Бильдербергский клуб, прочие тайные общества и «мозговые центры». Среди последних назову только самые влиятельные: Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations), Брукингский институт (Brookings Institution), Корпорация РЭНД (RAND Corporation), Центр стратегических и международных исследований (Center for Strategic and International Studies), фонд Карнеги «За международный мир» (Carnegie Endowment for International Peace), Гуверовский институт (Hoover Institution).

Конечно, нельзя игнорировать ни то ни другое. Но не всё так просто.

В самих Соединённых Штатах нет консенсуса относительно роли элит в Америке. Профессор философии МГИМО (У) МИД РФ Г.К. Ашин выделяет основные соперничающие

позиции и своего рода три главных дискуссионных вопроса:

— Нужны ли сильные независимые элиты в США (и других развитых индустриальных странах)?

— Выливается ли наличие сильных независимых элит в эксплуатацию (населения)?

— Управляются ли Соединённые Штаты элитой (элитами)?

Если «критические теории элиты» отвечают отрицательно на первый вопрос и утвердительно на два последних, то «функциональные теории элиты» говорят: «да—нет—да», а «плюралистические теории элиты» говорят: «нет—да—нет».

Исключительно любопытное исследование формирования американской элиты было проведено Джонатаном Уэйем из Дюкского университета (штат Северная Каролина).

Учёный задался вопросом: является ли элита США «интеллектуальной элитой» (cognitive elite)? Для решения этой проблемы он рассмотрел пять групп представителей американской элиты (всего 2254 человека):

- руководителей крупнейших компаний (СЕО), входящих в список Fortune 500;
- федеральных судей;
- миллиардеров;
- сенаторов;
- членов Палаты представителей.

Почти все они имели высшее образование, часто полученное в наиболее престижных университетах. Вступительные экзамены были сданы ими, как правило, с высокими показателями, что является подтверждением их высоких способностей. Высокий уровень способностей и хорошее образование характерны для представителей всех пяти групп рассматриваемых элит, включая миллиардеров и глав корпораций, сделавших своё состояние в различных отраслях бизнеса (от области технологии до моды и розничной торговли). В Сенате и Палате представителей США демократы имеют более высокий уровень способностей и образования, чем республиканцы. Женщины были недостаточно представлены во всех пяти группах: в меньшей степени среди федеральных судей и депутатов от Демократической партии; в большей степени — среди республиканцев и руководителей крупных компаний.

Вывод Дж. Уэя: элита Америки в значительной степени является интеллектуальной элитой, многие представители которой принадлежат к верхнему 1% наиболее способных и одарённых.

Категория	Выпускники элитных вузов	Гарвард	Соотношение М/Ж
Fortune 500 CEOs	38,6%	13,2%	28,3
Федеральные судьи	40,9%	11,9%	2,3
Миллиардеры	45,0%	11,3%	7,8
Сенаторы	41,0%	12,0%	4,0
Конгрессмены	20,6%	6,6%	4,4

Таблица 2.

Результаты исследования Дж. Уэйя о соотношении способностей и уровня образования рассматриваемых групп элит

Работа Джонатана Уэйя во многом основывается на более ранних исследованиях другого американского учёного Чарльза Мюррея и является их развитием и продолжением. Ещё в 2008 году в своей книге «Реальное образование: четыре простые истины, чтобы вернуть американские школы в реальность» Ч. Мюррей писал: «Нравится нам это или нет, будущее Америки действительно зависит от элиты, которая управляет страной. Эта элита в подавляющем большинстве формируется из числа академически одарённых».

Описывая группы американской элиты, Чарльз Мюррей делает различие между «избранными элитами» (сенаторами и конгрессменами) и «неизбранными». К последним учёный относит:

- руководителей крупнейших корпораций страны и финансовых учреждений;
- адвокатов и судей, участвующих в судебных процессах по конституционным проблемам;
- журналистов и авторов New York Times, Washington Post, Wall Street Journal и других ведущих печатных изданий корпоративных СМИ;
- продюсеров и авторов национальных новостных телепрограмм, которые принимают

решение относительно того, какие сюжеты войдут в такие программы и какое освещение они получат;

- продюсеров, режиссёров и сценаристов кино- и телеиндустрии;
- наиболее авторитетных и влиятельных представителей профессорско-преподавательского состава элитных университетов страны.

Рассмотрим результаты исследования Джонатана Уэйя более подробно.

В своей работе он рассмотрел данные, касающиеся 500 руководителей компаний (CEO), входящих в список Fortune-500; 789 федеральных судей; 424 миллиардеров из списка Forbes; 100 сенаторов и 441 члена Палаты представителей (Таблица 2).

Таким образом, примерно от одной трети до почти половины миллиардеров (45,0%), руководителей компаний, входящих в Fortune 500 (38,6%), сенаторов (41,0%) и федеральных судей (40,9%) являются выпускниками элитных университетов (1% от всех вузов страны), что ставит их в верхний 1% американцев по способностям. Исключением являются члены Палаты представителей (20,6%).

Информация о том, что 45% миллиардеров и 38,6% CEO получили образование в лучших

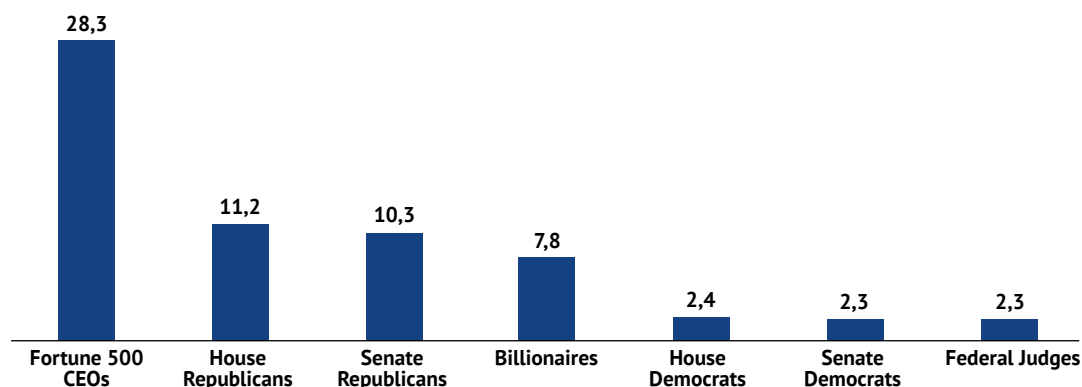

График 1.

Соотношение мужчин и женщин среди различных групп американской элиты

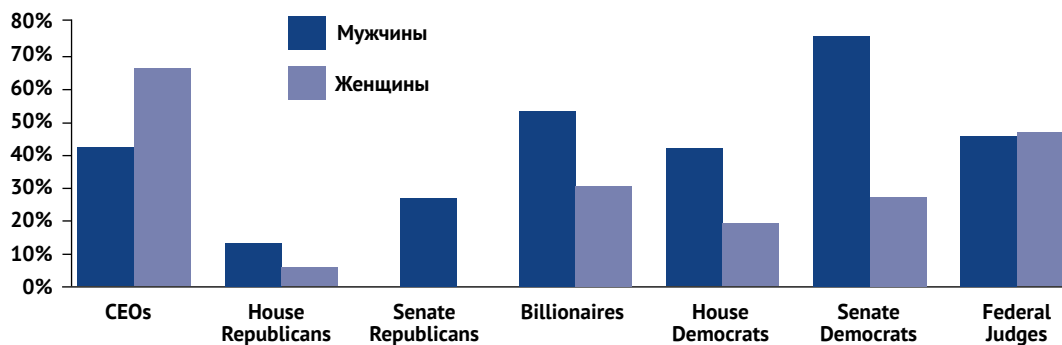

График 2.

Соотношение мужчин и женщин среди различных групп американской элиты, окончивших наиболее престижные университеты

университетах, в частности, говорит о том, что успех таких «недоучек» (dropouts), как Билл Гейтс, Стив Джобс или Марк Цукерберг, является скорее исключением, подтверждающим правило. (Журнал Time составил такой список самых известных «недоучек»: Билл Гейтс, Стив Джобс, архитектор Фрэнк Ллойд Райт, дважды исключённый из Гарварда изобретатель Букминстер Фуллер, несостоявшийся физик, кинорежиссёр Джеймс Кэмерон, Марк Цукерберг, Том Хэнкс, несостоявшийся философ Харрисон Форд, Леди Гага и несостоявшийся экономист, лучший гольфист США Тайгер Вудс.)

После преподавания в десяти американских университетах, в том числе на восьми юридических факультетах, в работе Дж. Уэйя нахожу подтверждение своему наблюдению относительно того, что американскую элиту в основном составляют люди с юридическим образованием. Если среди членов Палаты представителей их было не так много — 13,8%, то среди конгрессменов — более половины: 57%!

Выделение Гарвардского университета среди «элитных университетов» не случайно. Гарвард — вместе с Йелем — традиционно является аристократической «кузницей» американской элиты.

Согласно опросу, проведённому газетой Гарвардского университета The Harvard Crimson, родители 16% (из 2023) выпускников университета 2014 года также ранее являлись выпускниками (alumni) Гарварда. При конкурсе 17 абитуриентов на место возникает неизбежный вопрос: насколько лишь способности абитуриента стали исключительной или основной причиной его приёма?

Негласным, но часто подразумеваемым аргументом в такого рода случаях является

следующий: абитуриент, кроме сдачи экзамена, поступающий с щедрым (до 1 млн долл.) пожертвованием (donation) от родителей — бывших выпускников этого же университета, — обладает несомненным приоритетом, поскольку эти пожертвования могут быть использованы в качестве финансовой помощи для «бедных» студентов.

Более полное представление об американской элите дают следующие графики (График 1, График 2).

Недостаточное гендерное представительство женщин в американской элите очевидно, но не стоит его драматизировать. Достаточно сказать, что в начале XXI века оно несравнимо выше, чем век назад. Стоит ли напомнить, что женщины в США получили избирательные права позже, чем в Советской России, — только после принятия 19-й поправки в 1920 году?!

Между 1960 и 2005 годом доля мужчин с высшим образованием, вступивших в брак с женщинами с высшим образованием, выросла почти в два раза — с 25% до 48%, что, соответственно, сказалось на стремлении их детей также получить высшее образование.

За рамками исследований Дж. Уэйя и Ч. Мюррея остаётся вопрос о стоимости образования в американских вузах, тем более в т.н. «элитных университетах». Между тем такое образование доступно немногим. Только стоимость обучения (tuition), не считая платы за общежитие, учебники, страховку и т.д., на лучших юридических факультетах университетов США: Йельского, Гарвардского, Стэнфордского, Колумбийского, Чикагского, Нью-Йоркского, Пенсильванского, Дюка, — в 2015–2016 гг. составляет от 55 до 60 тыс. долл.

Более того, согласно официальным данным, стоимость высшего образования в США за по-

следние 30 лет увеличилась почти в восемь раз! (График 3).

При этом, согласно Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), США являются лишь одной из трёх «развитых» стран мира (вместе с Турцией и Израилем), где финансирование в большей степени ориентировано на образование «богатых» студентов, чем «бедных».

В результате между 1979 и 2012 г. разрыв в доходах между семьями с университетским образованием родителей и семьями, получившими образование не выше среднего, рос в четыре раза быстрее, чем в среднем по стране.

4. ФОРМИРОВАНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ЭЛИТЫ. УСТОЙЧИВАЯ ПАРАДИГМА

И всё же вернёмся к тому, что можно назвать устойчивой парадигмой в формировании американской элиты — пусть и с неизбежными историко-политическими вариациями.

4.1. «Правильная семья» и «правильный брак»

В качестве примера приведу не набившие оскомину, как российскому, так и американскому читателю «династии» Кеннеди (давшей одного президента, двух послов, одного министра, трёх сенаторов и четырёх членов Палаты представителей), Рузвельтов (давшей двух президентов, одного вице-президента, двух губернаторов и четырёх конгрессменов), Рокфеллеров (давшей одного вице-президента,

трёх губернаторов, двух сенаторов и двух конгрессменов) или Бушей, а Джона Керри.

О какой только родословной Керри не писали российские СМИ в период избирательной президентской кампании 2004 года, пытаясь расположить российскую аудиторию в пользу Керри: внука австро-венгерского иудейского башмачника Фритца Коэна и музыкантши Иды Лоу — и утверждая, что Керри — чур меня! — потомок Ивана Грозного, а также князей Долгоруких и Оболенских.

А знаете ли вы, мои дорогие соотечественники, что, покупая соус или овощные консервы Heinz, вы приумножаете капиталы Джона Форбса Керри? Да-да, того самого — нынешнего госсекретаря США!

Женившись в 1995 году на богатой вдове и наследнице империи Heinz Терезе Хайнц, Керри стал самым состоятельным сенатором США. А в случае победы на выборах 2004 года он стал бы третьим — после Джорджа Вашингтона и Джона Кеннеди — американским президентом по размерам личного капитала.

Керри также служил во Вьетнаме, командовал легким патрульным катером в бухте Камрань. Но и вокруг военной карьеры Керри до сих пор ходит много споров. Прослужил он во Вьетнаме не год, как полагалось, а всего 4 с половиной месяца и был демобилизован на том основании, что три боевых ранения, отмечаемые медалями «Пурпурное сердце», дают право требовать перевода в тыл.

Во время предвыборной кампании 2004 года Джон О'Нил, преемник Керри на посту командира его патрульного катера, выпустил книгу о своём предшественнике с красноречивым заголовком «Непригоден для командования» (Unfit for Command) и сенсационными разоблачениями, где он, в частности, утверждает, что два из трёх ранений, за каждое из которых Керри получил «Пурпурное сердце», не были причинены огнём противника. Иными словами: были самострелом!

В том же 2004 г. около 250 ветеранов вьетнамской войны, включая сослуживцев Керри, объединились в группу «Ветераны катеров за правду» и выступали против героизации службы лейтенанта Керри во Вьетнаме.

Вернувшись на родину, Керри примкнул к антивоенным активистам. Известная кинохроника запечатлела Керри вместе с примерно одной тысячей других ветеранов в шумной кампании по возвращению своих боевых наград правительству США. Свыше двух часов ветераны бросали свои медали,

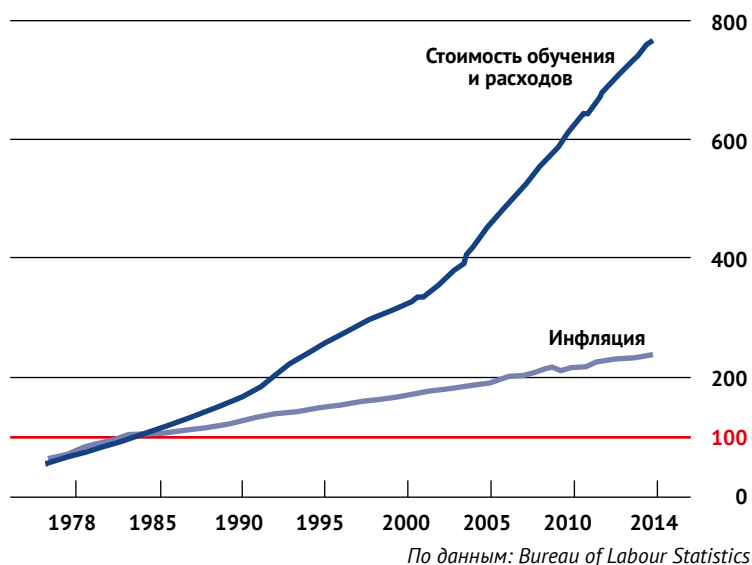

График 3.

Рост стоимости высшего образования в США за последние 30 лет

орденские ленточки, фуражки и мундиры за забор, возведённый перед центральным входом в Капитолий. Керри также бросил какие-то медали со словами о том, что он делает это «во имя мира и справедливости» и для того, чтобы «разбудить эту страну раз и навсегда». Красивые слова, красивый жест. Но и здесь не обошлось без лицемерия. Много лет спустя сам Керри рассказал, что девять выброшенных им медалей... были не его, а двух других ветеранов. Свои же боевые награды он бережно хранит дома. Очень в духе Керри! Свои медали не бросал, да и с «миром и справедливостью» дальнейшая политическая деятельность Керри, включая поддержку вторжения США в Ирак, имела мало чего общего. А его фраза «Я проголосовал за войну, прежде чем я проголосовал против нее», стала просто крылатой.

4.2. «Правильное образование»

Особая роль Гарвардского университета в формировании американской элиты была отмечена выше. Дадим немного статистики не только о Гарварде, но и о Йеле.

Согласно известной американской шутке, двухпартийная система в США — это давно не противостояние республиканцев и демократов, а спор между Гарвардом и Йелем. Действительно, Джон Кеннеди, Барак Обама и шесть других президентов (плюс два вице-президента и семь госсекретарей) учились в Гарварде; Билл Клинтон, Джордж Буш-старший, Джеральд Форд и два других президента (плюс четыре вице-президента и три госсекретаря) окончили Йель, а Джордж Буш-младший получил степени обоих.

4.3. Тайные организации

Это, пожалуй, самый сложный аспект изучения американской элиты именно из-за его секретности. Если ты сам не принадлежишь к одной из таких тайных организаций, сообществ, «клубов» — вроде «Череп и костей» Йельского университета, членами которого, в частности, являлись президенты Дж. Буш-старший и Дж. Буш-младший, Джон Керри, журналист и основатель журналов Time, Fortune, Life Генри Люс, неоконсерватор (и по совместительству муж Виктории Нудельман-Нуланд) Роберт Канган, — всё, что тебе остаётся, это пересказывать работы других исследователей, которые чаще всего сами не принадлежали им.

У меня лично, например, за всё время преподавания в США — а это десять университетов с 1994 по 2012 г. — было только три случая, когда мои собеседники заводили речь об их контактах с масонством. Русско-еврейский литератор, эмигрировавший из Ленинграда еще в 1974 году и ставший главным редактором старейшего эмигрантского журнала на русском языке, однажды завёл разговор о масонах, но об их роли в собственной профессиональной карьере и продвижении в США говорить не захотел. Американская студентка так же неожиданно начала рассказывать о своём дед-масоне, но уверяла, что масонство — это очень скучно. Уже во время моего последнего преподавания в США — в Оклахомском университете — местный профессор права организовал поездку для иностранных студентов и преподавателей в один из крупнейших масонских храмов страны в городе Гатри, но на вопрос китайского студента, принадлежит ли он сам к масонам, профессор не ответил.

О степени закрытости частных «клубов» можно судить по такой детали. Когда Ричард Никсон, бывший в ту пору уже вице-президентом США (1969–1974), вознамерился вступить в основанный ещё в 1871 году элитный мужской клуб The Knickerbocker в Нью-Йорке, члены клуба тайным голосованием приняли решение отказать ему. Для них Никсон оставался простолюдином и чужаком.

4.4. «Неправильная» элита

На фоне «правильной» американской элиты выделяется семейство Клинтон как представители элиты «неправильной» и нетрадиционной.

О Билле Клинтоне и о его президентстве опубликовано огромное количество исследований. Но в данный момент значительно больший интерес представляет фигура Хиллари, вступившей в президентскую гонку.

Сокрушительная критика социально-политических взглядов мадам Клинтон содержится в фундаментальном 500-страничном труде Джона Голдберга «Либеральный фашизм» (Liberal Fascism). Одна из глав исследования полностью посвящена «первой леди либерального фашизма», ученицы и последователя выходцев из России Саула Алинского и раввина Майкла Лернера, гуру Хиллари.

«Привлекательность Хиллари Клинтон, — пишет Голдберг, — объясняется не её скучной и ничем не примечательной личностью, а тем, что в ней, как в зеркале, отражается

историческая преемственность современного либерализма... Уолдо Фрэнк и Дж. Т. Флинн были правы, заявляя о том, что американский фашизм будет отличаться от своих европейских аналогов в силу своего аристократизма и респектабельности, и Хиллари Клинтон — реальное воплощение их пророчеств».

Любопытно, что, по мнению Саула Алинского, Хиллари совершила «большую ошибку», решив поступить в Школу права Йельского университета. Однако Хиллари ответила, что, «только пройдя через элитные учреждения Америки, она сможет достичь реальной власти и изменить систему изнутри».

Эта деталь является ещё одним подтверждением того, что, даже признавая значение элиты (или элит) в формировании как внутренней, так и внешней политики США, сам объект исследований в значительной степени становится всё более размытым и ускользающим.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведём некоторые итоги.

Возрастание элитистских концепций в современной политологии отражает, прежде всего, возрастание роли элит в современном политическом процессе. Известный российский элитолог О. В. Гаман-Голутвина справедливо отмечает существенное возрастание влияния власти национальных и транснациональных элит по отношению к массовым группам. Пиком элитаризма она считает период после Второй мировой войны и, в частности, период правления Джорджа Буша-старшего.

Под американской элитой обычно понимают те специфические группы, которые представляют исполнительную властно-политическую часть правящего класса. В этом смысле понятие «элита» не совпадает по объёму с понятием «правящий класс»: первое оказывается функционально как бы управленческим «исполнительным комитетом» второго.

Отношения между элитой и правящим классом достаточно сложны и неоднозначны. Осуществляя управленческие функции, политическая элита не только играет особую роль в жизни общества, но и обретает относительную самостоятельность по отношению к своему классу.

Профессор социологии и политологии Университета города Остин (штат Техас) Джон Хигли характеризует современную политическую элиту США как «консенсуально объ-

единённую». Практически на протяжении всей современной истории внутриэлитный консенсус служил основанием политической системы США.

Воплощением такого элитного консенсуса можно назвать главу государства.

Приведу такой пример. Известно, что президент США обладает исключительным правом назначений на высшие должности в аппарате исполнительной власти (составляющие всего около одного процента всех назначений в системе исполнительной власти), однако все президентские назначения должны быть санкционированы Сенатом. При этом на протяжении XX века Сенат не утвердил лишь четыре (!) кандидатуры из предложенных администрациями. Секрет столь согласованных действий прост и объясняется не «обязанностью» сенаторов поддерживать любые кадровые предложения Белого дома, но предварительными, до официального внесения в Сенат президентских предложений, неформальными консультациями между Белым домом и Конгрессом и учётом мнения Сената президентской администрацией.

Попытки президента нарушить правила элитного консенсуса, как правило, заканчивались его поражением. Примером, в частности, можно назвать политику Ричарда Никсона, стремившегося сместить баланс власти в пользу президентской. Отставка была обусловлена изоляцией президента от ведущих элитных групп, пренебрежением сложившимися правилами игры и, как сказали бы авторы «Золотого телёнка», «нарушением конвенции». Уотергейтский скандал сыграл всего лишь роль детонатора и стал предлогом крушения 37-го президента США.

Наиболее заметным проявлением нового формата отношений в элите стала институционализация и легитимация обновленной системы контроля правящих групп по отношению к массовым слоям. В этом отношении трудно переоценить значение событий 9/11 в США, ставших импульсом для существенной трансформации системы идеологического и специального контроля в стране.

В первую очередь речь идёт об объединении двадцати двух ранее автономно существовавших ведомств и агентств, отвечавших за различные аспекты национальной безопасности страны (от пограничных войск до внешней разведки), в единое Министерство внутренней безопасности (Department of Homeland Security).

«Нападение на Америку» привело к усилению репрессивного законодательства США, включая принятие Patriot Act (2002 г.) и Intelligence Reform Act (2004 г.), многократно расширивших возможности идеологического и специального контроля, создание нормативной базы и внедрение практик контроля за частной жизнью граждан (включая досмотр электронной переписки, прослушивание телефонных разговоров и т.д.), использование силовых методов по отношению к подозреваемым в совершении преступлений и заключённым. Принятие (в октябре 2006 г.) Закона о военных комиссиях, официально разрешивших пытки заключённых, и утверждение (в июле 2008 г.) Сенатом закона, касающегося правил электронной слежки американских спецслужб за лицами, подозреваемыми в терроризме. Одним из главных положений документа стал пункт о судебном иммунитете для телекоммуникационных кампаний, тайно сотрудничающих со спецслужбами США в программе прослушки.

Избрание в ноябре 2008 года президентом США демократа (и «миротворца») Барака Обамы мало что изменило. Согласно Федеральному закону об улучшении охраны зданий и территорий 2011 года (H. R. 347), можно получить наказание в виде 10 лет заключения за участие в акции протеста на территории, находящейся в тот момент под охраной Секретной службы. А в 2012 году Верховный суд США разрешил силовым структурам при обыске раздевать

арестованных догола, причём независимо от тяжести совершённых ими деяний.

По справедливой оценке Е. Б. Зюзиной, «компромиссный, гибкий стиль политического взаимодействия и практика внутриэлитного консенсуса в целом являются важнейшими системными характеристиками американской элиты, институционализированными в политическом торге... Между членами элиты могут существовать разногласия, но их объединяет консенсус относительно сохранения политической системы такой, какова она есть, и они действуют согласованно, особенно когда система оказывается под угрозой. Иначе говоря, элиты едины в подходе к основным ценностям социальной системы, расходясь лишь в частных вопросах».

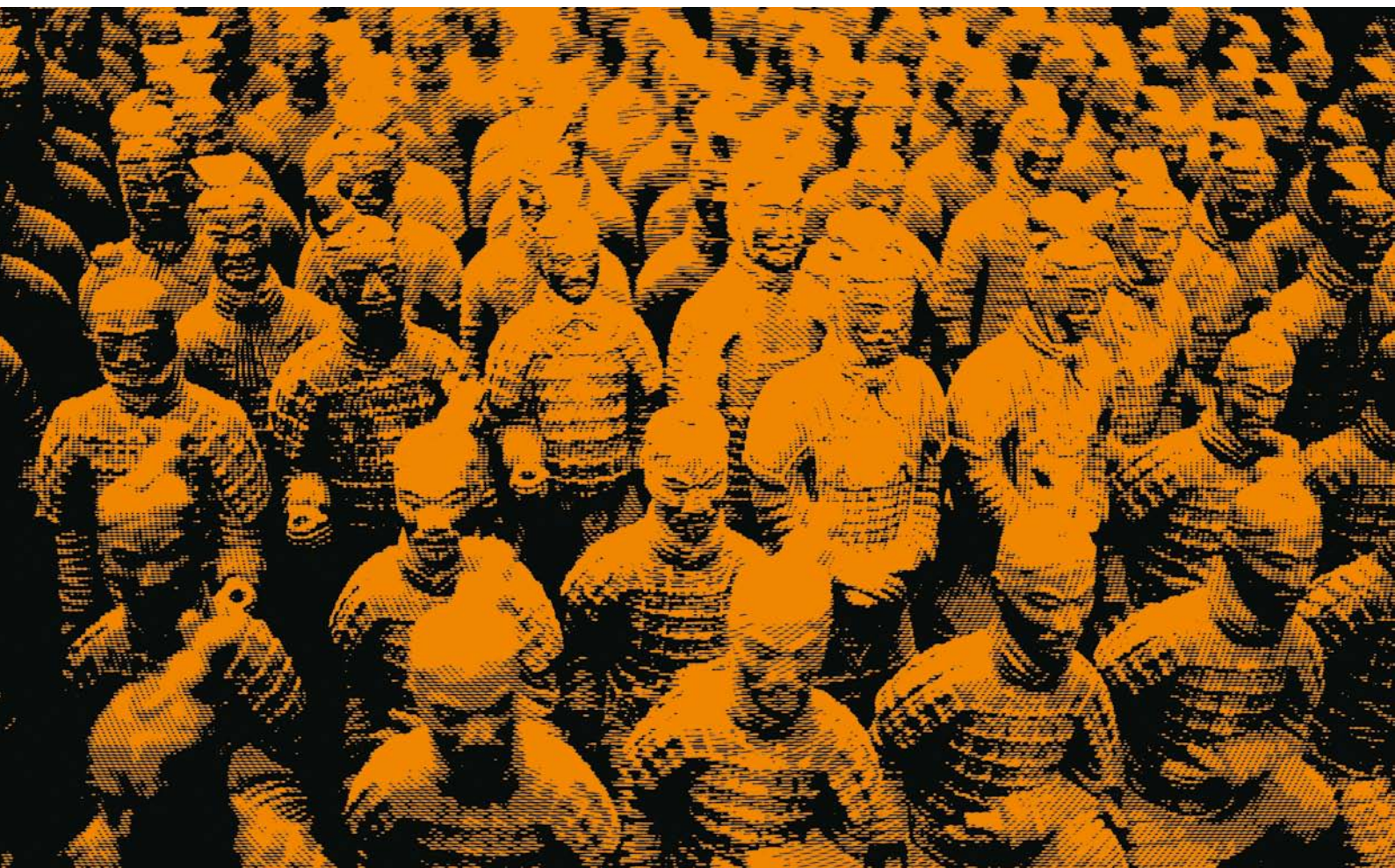
Не обладающий демократическим потенциалом, но достаточно гибкий внутриэлитный консенсус является одним из основных гарантов стабильности политической системы США. Предположения (или даже надежды) некоторых авторов — например, британский интернет-портал YouGov утверждает, что многие жители США (43% респондентов среди республиканцев и 20% среди демократов) вполне могут представить ситуацию, когда они бы поддержали военный переворот в своей стране (<https://today.yougov.com/>) — относительно возможности изменения данной парадигмы в обозримой перспективе, скорее всего, останутся иллюзорными.

/ Юрий ТАВРОВСКИЙ /

Отцы и дети

*Китайские элиты вчера,
сегодня и завтра*

Китайские элиты издавна являются предметом внимания и изучения мировой науки. Ещё бы — ведь именно они обеспечили устойчивость китайской цивилизации: единственной непрерывно существующей

и развивающейся вот уже почти пять тысяч лет. Никакие нашествия «варваров» или вторжения «цивилизованных наций», никакие катастрофы и невзгоды не смогли уничтожить «матрицу» из иероглифики, традиционных философских

и этических учений, а также уверенности в превосходстве Поднебесной над ближними и дальними соседями, не смогли вытеснить эту «матрицу» из китайской нации, и особенно из её элиты. При соприкосновении с другими цивилизациями китайцы заимствовали от них полезные элементы и применяли к собственным нуждам, китаизировали. Так было с пришедшим из Индии буддизмом, с тюркскими приёмами ведения войны, с монгольскими административными нормами, с советской социалистической системой, с американской капиталистической системой...

Правящие элиты вместе со своими царствами, империями и республиками переживали периоды расцвета и упадка, но в Китае всегда находилось достаточно пассионарных, умных и умелых людей, чтобы снова нарастить плоть на костях, который из века в век держит государство и общество.

Элиты современного Китая вызывают самое пристальное внимание именно сейчас, поскольку КНР достигла небывалого за последние столетия уровня экономического, военного и политического могущества. Впереди открываются просторы, по которым китайские кормчие ещё никогда не прокладывали путь. Силы, вовлечённые в обсуждение дальнейшего курса, придерживаются подчас противоположных взглядов, и поиск «золотой середины» идёт с видимыми трудностями. Это касается как экономики и внутренней политики, так и глобальной стратегии. От выбора долгосрочного курса и даже от принимаемых тактических решений всё явственнее зависят не только будущее самого Китая, но и соседей, всего мира. Сами же решения зависят от качества элиты.

Формирование новой китайской элиты началось в рамках компартии Китая ещё в 20-е годы XX века, ускорило после прихода КПК к власти в Китае в 1949 году. Всего через 20 лет в ходе «культурной революции» первое поколение коммунистической элиты было в значительной степени ликвидировано. Создание, по существу, новой элиты с использованием остатков кадров предыдущего поколения приняло упорядоченный характер только после преодоления «смутного времени» маоцзэдуновских экспериментов 60–70-х годов. Отбором кадров для продвижения вместо узкого круга приспешников Мао Цзэдуна и его жены Цзян Цин снова занялся Организационный отдел ЦК КПК, во многом копировавший методы деятельности соответствующей структуры ЦК КПСС. Растущую роль при решении судьбы

перспективных кадровых работников стали играть успехи в выполнении партийных решений, особенно параметров экономического развития. Дело дошло до того, что в партию стали принимать успешных предпринимателей, хотя для этого и пришлось принять целый ряд решений, включая изменения в Устав компартии. Элита приобрела национальный, а не классовый характер.

Меритократический принцип стал определяющим в немалой степени благодаря совпадению с традиционным для китайского общества механизмом выдвижения талантов, который просуществовал почти две тысячи лет, вплоть до начала XX века. Этот механизм под названием «кэцзюй» состоял из экзаменов нескольких уровней и служил «кадровым лифтом», позволявшим провинциалам и простолюдинам занимать ключевые посты в столице и даже при дворе Сына Неба. Как в старину, так и сейчас немалую роль играют родственные и земляческие связи, но на первый план выходят всё же «деловые и политические качества». Ещё один механизм формирования, а точнее — селекции нынешней элиты называется «Комиссия по проверке партийной дисциплины ЦК КПК». По существу, это важнейшая спецслужба, возглавляемая сейчас Ван Цишанем, одним из семи членов Постоянного комитета Политбюро ЦК.

Типичным примером формирования китайских элит сегодня может служить судьба двух наших современников, председателя КНР Си Цзиньпина и его отца Си Чжунсюня.

ЗАВХОЗ С МАУЗЕРОМ

Как и многие другие создатели КНР, Си Чжунсюнь вырос в провинции (Шэньси, северо-запад Китая) в зажиточной крестьянской семье. Он родился в 1913 году, всего через пару лет после свержения маньчжурской династии Цин. Семи лет от роду пошёл в начальную школу, где, наряду с традиционным конфуцианским образованием, получал начатки «западного знания». В 13 лет он, уже ученик средней школы, вступил в комсомол, а через два года, будучи студентом педучилища, за участие в демонстрации был арестован и оказался в тюрьме. Вышел он оттуда уже членом компартии и профессиональным революционером.

В то время Китай напоминал лоскутное одеяло из больших и малых территорий, подконтрольных тем или иным «милитаристам», местным военачальникам. По реше-

нию компартии Си Чжунсюнь идет служить в гоминьдановскую армию с заданием создавать коммунистические ячейки. Задание было выполнено — в 1932 году поднимается восстание. Вместе с группой сослуживцев Си Чжунсюнь идёт на соединение с другими мелкими отрядами солдат и партизан, становится партийным секретарём небольшого опорного района, а на следующий год вместе с кадровым военным Лю Чжиданем, выпускником созданной в 1924 году офицерской школы Хуанпу, создаёт освобождённый район Шэньси—Ганьсу.

Стратегия компартии в то время заключалась в создании опорных баз, их расширении, слиянии и формировании освобождённых районов. На северо-западе эта тактика приносила успех — к 1935 году в составе Шэньси — Ганьсу числилось целых 22 уезда. Несмотря на свою молодость, двадцатилетний Си Чжунсюнь получил целый букет должностей в комсомольских, партийных, военных органах власти. Пожалуй, главным из них был пост председателя правительства освобождённого района.

В Центральном Китае у коммунистов успехи были меньше. Выбитые войсками Чан Кайши со своих опорных баз в провинции Цзянси, бойцы Красной Армии под руководством Мао Цзэдуна, Чжу Дэ и Чжоу Эньлая были вынуждены с боями отступать через весь Китай. Эта почти непрерывная битва на марше получила в истории название «Великий поход». За 370 дней, с октября 1934-го по октябрь 1935 года, бойцы прошли 9000 километров. Из 100 тысяч участников Великого похода в начале пути до укрепленной базы Лю Чжиданя и Си Чжунсюня добрались только 8 тысяч. Именно там, в мягких лёссовых почвах, был создан пещерный город Яньань, откуда до 1947 года Мао руководил революцией, сопротивлением японским войскам и гражданской войной.

В Китае часто говорят: Лю Чжидань и Си Чжунсюнь спасли Мао Цзэдуна и всю компартию. Но Мао Цзэдун, в свою очередь, спас Лю Чжиданя и его соратников. Среди окопавшихся в горах и пещерах коммунистов непрерывно велась идейная борьба. То одних, то других объявляли «контрреволюционерами», «уклонистами», «капитулянтами». Лю Чжидань и другие командиры были раскритикованы прибывшими из шанхайского подполья борцами за идейную чистоту и приговорены к смерти. Си Чжунсюнь вспоминал, что от расстрела его отделяло всего четыре дня. Но тут со своим отрядом появился Мао Цзэдун. Решения за-

езжих комиссаров были отменены. Лю Чжидань и Си Чжунсюнь снова стали уважаемыми товарищами. Взявший власть в свои руки Мао Цзэдун вскоре отправил отряд Лю Чжиданя сражаться с местным «милитаристом» Янь Сишанем, и в феврале 1936 года партизанский герой погиб при не выясненных до конца обстоятельствах.

Си Чжунсюню повезло больше. Он продолжил революционную карьеру, занимал всё новые административные и партийные посты. Главной его заботой было снабжение быстро растущих вооружённых сил, политического руководства во главе с Мао Цзэдуном, партийных школ и военных училищ, были ещё революционные газеты и издательства, ансамбли песни и пляски... Председатель правительства отвечает за всё. Знающему местные реалии уроженцу провинции Шэньси пришлось отбиваться от настойчивых советов раскулачить зажиточных крестьян и расправиться с крупными землевладельцами. Он настоял на снижении арендной платы и ссудного процента, что помогло земледельцам увеличить производство продовольствия.

Впрочем, «яньаньскому завхозу» приходилось заниматься и другими делами. Ещё в июне 1945 года на VII съезде КПК Си Чжунсюнь стал кандидатом в члены ЦК, а в августе получил назначение на пост заместителя заведующего организационным отделом ЦК, который отвечал за кадровые назначения. Но это было не главное испытание — в марте 1947 года Яньань захватили войска Гоминьдана. Си Чжунсюнь снова берёт в руки маузер и в качестве политкомиссара воюет рядом с уже тогда прославленным командиром Пэн Дэхуаем. Череда битв приводит к освобождению Яньани и переходу всего Северо-Западного Китая под контроль компартии. Но даже после провозглашения 1 октября 1949 года Китайской Народной Республики бои продолжались на юге и западе, беспокойно было и на северо-западе — бунтовали племена тибетцев, не сложили оружие и привыкшие за годы смуты к самостийности отряды китайских мусульман. Партийное руководство предложило Си Чжунсюню войти в руководство Северо-западным бюро ЦК, обеспечить там стабильность. В зону ответственности попали не только хорошо известные ему провинции Шэньси, Ганьсу и Нинся, но и обширные сопредельные территории, населённые беспокойными национальными и религиозными меньшинствами. Следуя

конфуцианской идее «золотой середины» и используя врожденные дипломатические таланты, молодой руководитель отложил маузер в сторону и предложил мирное решение. Он добился посредничества высокоуважаемых религиозных деятелей, освободил уже схваченных главарей и добился умиротворения без «классовой борьбы».

ИЗ ГОРНЫХ ПЕЩЕР В ЗАПРЕТНЫЙ ГОРОД

Многочисленные таланты Си Чжунсюня оказались востребованы в Пекине, и он в сентябре 1952 года получил довольно неожиданное назначение — руководителем отдела пропаганды ЦК КПК. Вместе с женой его поселили в Чжуннаньхае, юго-западном углу Запретного города, до 1911 года служившего резиденцией Сына Неба. Там с помощью советских архитекторов было создано «царское село» с резиденциями для высшего руководства, зданиями важнейших учреждений, залами заседаний, а также службами жизнеобеспечения, включая распределители, больницы, кинозалы. Именно в Чжуннаньхае и родился

Си Цзиньпин, там его отдали в специальный детский сад, а затем в специальную школу...

Вчерашние бойцы и командиры Красной Армии, преимущественно крестьянские дети, стали новыми хозяевами жизни. Впитав историю Китая из классических романов и спектаклей народного театра, они воспринимали приход к власти коммунистов как победу очередного крестьянского восстания, а в своем руководителе Мао Цзэдуне видели основателя новой династии. Сами они тоже становились персонажами классических романов: генералами, сановниками, министрами, судьями... Сохранившие связи с Мао Цзэдуном и его ближайшими сподвижниками заняли посты в Пекине. Служившие у командиров армий, которые стали секретарями провинциальных парткомов, ехали в непривычные большие города и, как могли, управляли ими — ведь большинство чиновников отбыло на Тайвань. Остатки элиты гоминьдановской эпохи сократились до минимума в результате кампании борьбы с «правыми элементами» в 1957 году, ударившей по предпринимателям и промышленникам, творческой интеллигенции, чиновникам.

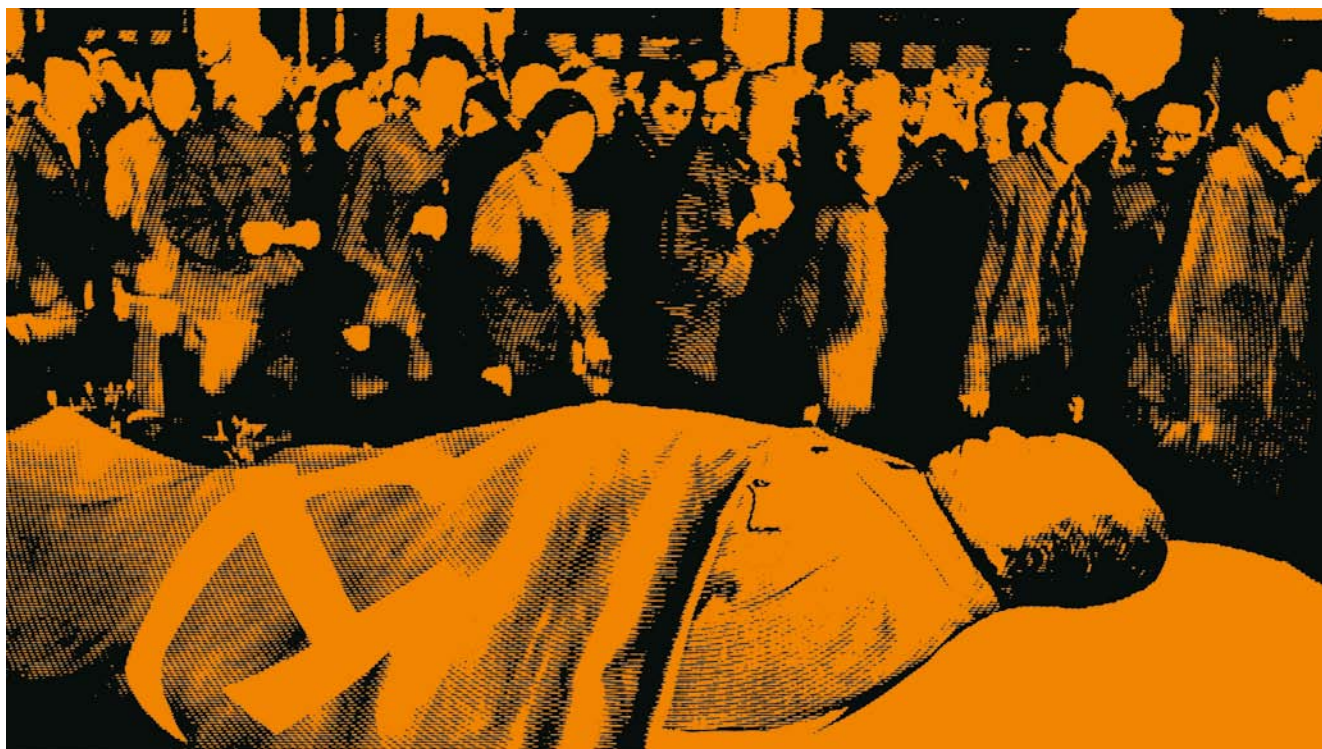
Новая элита называлась *ганьбу*, «кадровые работники». По традиции ещё императорского чиновного сословия их разбили на разряды, от которых зависели зарплаты и иные блага. Они постепенно меняли свои ватные куртки и штаны защитного цвета на костюмы, щеголяли в шляпах и габардиновых плащах, привыкали к езде на лимузинах и жизни на государственных виллах. Недостаток образования восполнялся за счёт ускоренного обучения в партийном Народном университете и «кузнице кадров» для высшего руководства — Партийной школе ЦК КПК. Складывавшаяся на глазах новая элита в своем большинстве оставалась искренне привержена высоким революционным идеалам, стремилась к облегчению жизни простого народа, была настроена очень патриотически. Эта элита могла гордиться не только личными успехами, но и своим вкладом в возрождение Родины.

Китай, подобно сказочной птице феникс, восставал из пепла. Задания первого пятилетнего плана развития народного хозяйства были выполнены и перевыполнены. Промышленное производство в 1957 году превысило показатели 1952 года на 141%. Тяжёлая промышленность и машиностроение устанавливали рекорды — КНР стала на 60% удовлетворять свои потребности в машинном оборудовании. Появились отсутствовавшие ранее отрасли: автомобилестроение, трак-

торостроение, авиастроение, военная промышленность.

Руководство СССР оказывало КНР всемерную экономическую и научно-техническую помощь. В 1953–1956 годах были заключены соглашения о содействии в реконструкции и строительстве 156 крупных промышленных объектов, выданы льготные кредиты на осуществление этих и других проектов. В 1954 году Москва безвозмездно передала Пекину свыше 1400 проектов промышленных предприятий и свыше 24 тысяч комплектов различной научно-технической документации. Тысячи высококвалифицированных специалистов из СССР стали советниками практически во всех сферах жизни КНР. В свою очередь, тысячи студентов приехали в советские университеты, сотни китайских технических специалистов повышали квалификацию на наших заводах и в конструкторских бюро. В 1959 году в свою первую зарубежную поездку отправился Си Чжунсюнь — в качестве вице-премьера он побывал в Советском Союзе, где изучал опыт развития металлургии и тяжёлой промышленности.

Впечатляющий успех первой китайской пятилетки, достигнутый в значительной мере благодаря массовой помощи СССР, не только доказал эффективность советской модели, но и вскружил головы Мао Цзэду-ну, а также его сторонникам в руководстве

КПК, которые задумали превратить страну в «чистый лист бумаги, на котором можно писать самые красивые иероглифы». Мао настаивал на создании десятилетнего плана развития, причём призывал выполнить его за три года под лозунгом «три года упорного труда — десять тысяч лет счастья». За 36 месяцев Мао Цзэдун надеялся сравняться по сельскому хозяйству с Японией, за 15 лет догнать Англию, а за 20 лет — США. Был разработан фантастический план на первые 5 лет «десятилетки». Промышленное производство в 1958–1962 годах предполагалось увеличить в 6,5 раз, сельскохозяйственное — в 2,5 раза. Рекордные ориентиры в сельском хозяйстве должны были быть достигнуты за счёт масштабных ирригационных работ, глубокой вспашки земли, загущения посадок злаков, а также борьбы против «четырёх вредителей»: крыс, воробьёв, мух и комаров.

«ОГОНЬ ПО ШТАБАМ!» УНИЧТОЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭЛИТЫ

Обрушившееся на страну рукотворное бедствие было сравнимо с результатами японской агрессии, продолжавшейся с 1931 по 1945 год. По официальным данным, жертвы китайской нации за 14 лет сопротивления Японии составили 35 миллионов убитых, погибших от ран, эпидемий и голода. Лучи «красного солнышка Мао» всего за три года «большого скачка» в промышленности и «народных коммун» на селе сожгли от 20 до 35 миллионов человек. Первое поколение новой элиты, всё ещё тесно связанное с народом, не могло не сопереживать своим родным и землякам, не могло не видеть приближения катастрофы общенационального масштаба.

Летом 1959 года «восстал» маршал Пэн Дэхуай. На Лушаньской парткоференции овеянный славой герой китайской революции и командующий китайскими войсками в Корейской войне (1950–1953), министр обороны, вице-премьер и член Политбюро ЦК КПК осудил «большой скачок». Он поставил вопрос о личной ответственности руководителей партии, включая Мао Цзэдуна, за катастрофу, критиковал отступление от принципов коллективного руководства. Пэн Дэхуай поддержали три члена Политбюро. Мао Цзэдун публично признал допущенные ошибки и отказался от поста председателя КНР, хотя и оставался председателем КПК и, главное, председателем Военного совета ЦК КПК.

Но «великий кормчий» не был бы ещё самым собой, если бы не отомстил коварно и жестоко. Вскоре Пэн Дэхуай обвинили в «военном заговоре против центральной линии партии». Основания — пребывание в СССР в течение месяца с официальным визитом в конце 1957 года и четырёхдневная остановка в Москве на пути из Восточной Европы в июне 1959-го. Сотрудничество с советскими коллегами становилось компрометирующим обстоятельством на фоне резкого ухудшения межпартийных и межгосударственных отношений после разоблачения культа личности Сталина на XX съезде КПСС. Конечно, на таком фоне не могла остаться безнаказанной и поездка Си Чжунсюня в Советский Союз.

Вместе со своим начальником, премьером Госсовета (правительства) Чжоу Эньлаем, вице-премьер Си Чжунсюнь старательно избегал участия во внутривнутрипартийных дрязгах и сосредотачивался на хозяйственных делах, пытаясь уменьшить ущерб от «большого скачка». Но неутомимые сотрудники партийной спецслужбы во главе с палачом компартии ещё с яньаньских времен и одиозным помощником Мао по имени Кан Шэн собирали на всех компромат. Час Си Чжунсюня пробил в августе 1962 года, когда по инициативе Кан Шэна на пленуме ЦК был заслушан вопрос о романе «Лю Чжидань». Согласие бывшего начальника агитпропа Си Чжунсюня на публикацию книги о своём старом товарище по освобождённому району Шэньси сочли «контрреволюционным поступком» — ведь среди действующих лиц романа присутствовали также Гао Ган и Пэн Дэхуай, видные деятели компартии, которые теперь были врагами «великого кормчего». Избранная обвинительная формулировка означала тяжкие последствия как для самого «виновного», так и членов его семьи. Только заступничество Чжоу Эньлая спасло его заместителя, хотя Кан Шэн уже шёл дело о «контрреволюционной группировке Си Чжунсюня» и требовал для её членов смертной казни.

Следствие партийных спецслужб по делу Си Чжунсюня продолжалось 16 лет, и всё это время он был разлучен с женой и детьми. Сначала «контрреволюционеру» пришлось пройти много сеансов «самокритики», а затем в 1965 году последовало назначение на пост заместителя директора тракторного завода в городе Лоян. Но уже на следующий год развернулась «великая пролетарская культурная революция», и начались настоящие испытания:

Си Чжунсюня доставили в пекинскую тюрьму, допрашивали «с пристрастием». Такая же судьба ждала тысячи, десятки тысяч не только ганьбу, но также учёных и военных, журналистов и артистов. По существу, шло политическое, моральное и физическое уничтожение целого поколения элиты, сложившейся в «яньаньский период» (1935-1947) и после создания КНР в 1949 году. Под лозунгом «Огонь по штабам!» юные учащиеся из отрядов хунвэйбинов и молодые рабочие цзаофани по наводке органов госбезопасности выбили из системы управления накопивших опыт кадровых работников.

Мао Цзэдун добился поставленной цели — он создал «чистый лист бумаги». Но «написать на нём самые красивые иероглифы» не удалось. Действовавшая от имени «красного солнышка» его жена Цзян Цин смогла сколотить немногочисленные объединения ультраевых деятелей в ведущих университетах, вооружённые рабочие отряды в своём родном Шанхае и в нескольких городах поменьше. Но ревкомы, сменившие традиционные органы власти на местах, просуществовали недолго из-за своей полной управленческой беспомощности. Неудивительно, что после смерти Мао Цзэдуна в декабре 1976 года Цзян Цин и другие члены «банды четырёх» вместе со всеми своими сторонниками на местах были мгновенно сметены в результате бескровного переворота, осуществлённого остатками «старой гвардии» в Политбюро при поддержке верхушки армии и госбезопасности.

ЛАПТИ ДЛЯ ХОДЬБЫ ПО ГЯЗИ

По существу, Мао Цзэдун вычеркнул из созидательной жизни сразу два поколения пассионариев: старую элиту и шедшую ей на смену грамотную молодёжь. Выполнявшие роль погромщиков активные хунвэйбины были сосланы в деревни для «перевоспитания со стороны бедняков и низших середняков». В глухих деревнях они на многие годы прервали учёбу и лишились возможности получить высшее образование. Некоторые успели обзавестись семьями и не смогли вернуться в города даже после окончания ссылки. Миллионы молодых людей стали одноразовыми «лаптями для ходьбы по грязи», которые после использования брезгливо выкидывают...

Сыну «контрреволюционера» Си Чжунсюня в общем-то сильно повезло — он остался в живых. Да, его как «черное отродье контрреволюционера» сначала изгнали из уютной

квартиры и престижной школы в Чжуннаньхае. Затем стали таскать на допросы, сажать в камеру, отправили в колонию — «учебную группу по исправлению малолетних преступников». Он бежал, голодал, скитался по улицам, как беспризорник. самого худшего ему удалось избежать, только добравшись до деревни, где жила бабушка. Каждый день она давала внуку пить козье молоко и спасла будущего председателя КНР от смерти.

В декабре 1968 года началась кампания высылки молодёжи в сельскую местность. Си Цзиньпин оказался в глухой деревне одной из беднейших китайских провинций — Шэньси. Местные жители относились к «городским умникам» плохо, хотя те трудились из последних сил. Жили горожане в пещерах, вырытых в мягком лёссе. Эти норы кишели блохами, и для борьбы с ними под циновки, выполнявшие роль матрасов, подкладывали принесённые с полей гербициды. В отчаянии Си Цзиньпин сбежал к матери в Пекин и там снова попал в «учебную группу». Полгода спустя его освободили, и молодой человек пошёл за благо вернуться в Шэньси. Там он получил обучение на разных «факультетах деревенского университета»: пахал землю, носил на коромысле навоз и уголь, строил дамбы. Си Цзиньпин из последних сил урывками читал учебники и немногие оставшиеся незапрещёнными литературные произведения из стоявшего рядом с койкой деревянного ящика.

Внутренняя энергия переполняла «грамотного молодого человека», ему хотелось учиться. В 1973 году сосланным пекинцам предложили заочно пройти вступительные экзамены в престижный столичный университет Цинхуа. Си Цзиньпин успешно выдержал испытание и вошёл в квоту из двух человек, выделенную на весь уезд. Но университет не мог принять юношу с «контрреволюционной» биографией. К счастью, в том же году дело его отца, Си Чжунсюня, было перекалифицировано с «контрреволюционной деятельности» на «противоречия внутри народа», что позволило Си Цзиньпину в 1974 году с десятой попытки вступить в партию. Вскоре его даже избрали секретарем партийной деревни, а в октябре 1975 года, после семи лет ссылки, — зачислили на химико-технологический факультет престижного столичного университета Цинхуа как «представителя рабочих, крестьянских и солдатских масс». Но долгожданная учёба началась не сразу — в университете развернулась кампания «кри-

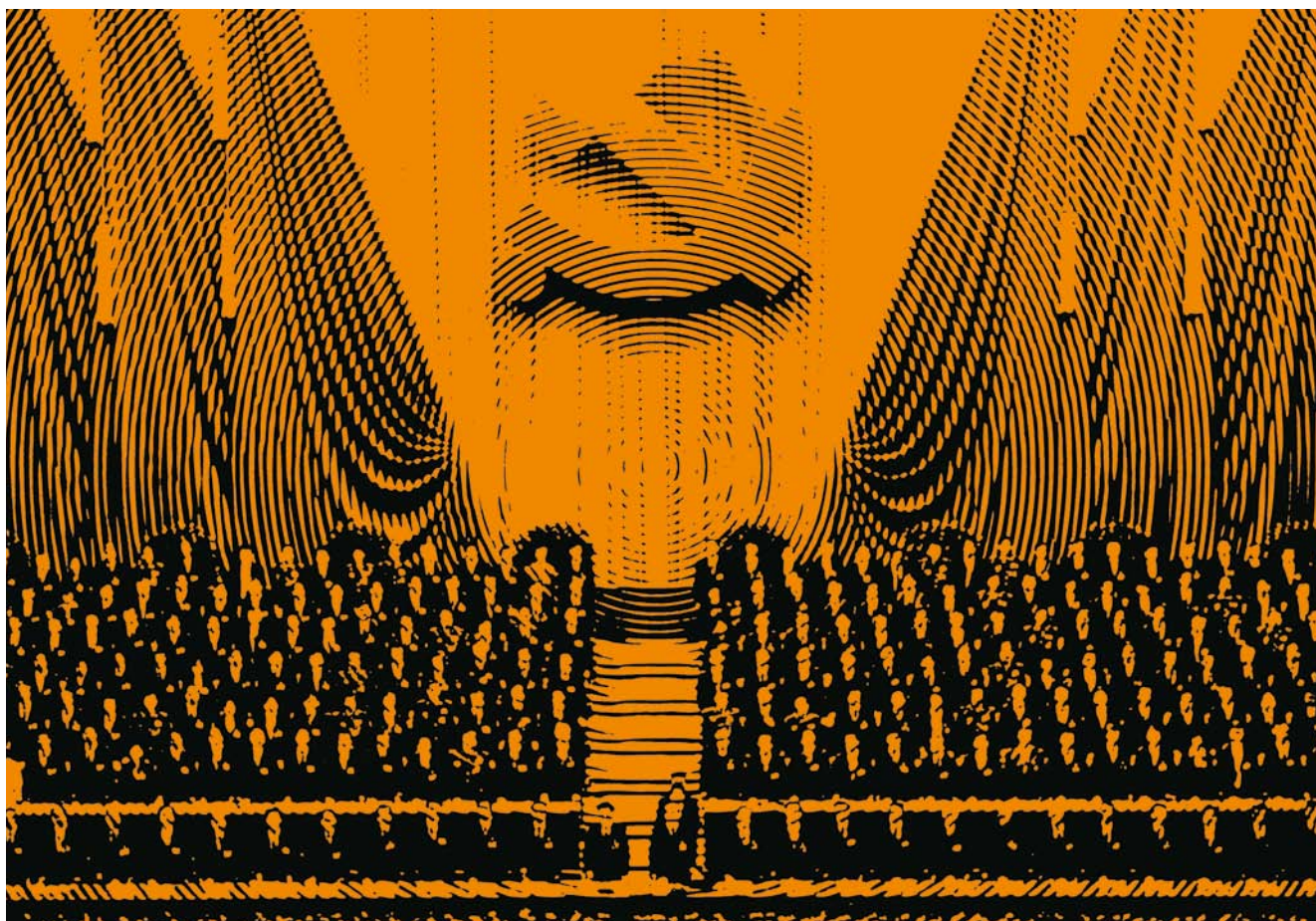
тиковать Дэн Сяопина, давать отпор правой тенденции пересмотра приговоров». Со всей страны в Цинхуа за опытом потянулись любители и профессионалы «классовой борьбы». Учеба в университете Цинхуа, ставшем штабом новой погромной кампании, была приостановлена. Закончить университет ему удалось в 1979 году, но химиком Си Цзиньпин так и не стал...

ПОКОЛЕНИЯ ПОТЕРЯННЫЕ, ПОКОЛЕНИЯ НАЙДЕННЫЕ

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 году и разгрома «банды четырёх» перехватившие власть в партии ветераны вернули из ссылки Дэн Сяопина, который за годы вынужденного безделья обдумал возможные пути выхода из тупика. Первым делом он стал собирать под свои знамёна выживших за «потерянное десятилетие» ветеранов революционной борьбы и успешных деятелей первых лет строительства нового Китая. Пройдя через «критику и перевоспитание», несправедные судилища и пытки, «старые

кадры» в большинстве своём не сломались. Многие из них были отправлены на самые трудные участки по прямому указанию Дэн Сяопина, официально ставшего на XI съезде КПК в августе 1977 года вершителем судеб Поднебесной. Северянин Си Чжунсюнь попал в неведомые ему жаркие южные края, жители которых говорят на непонятных остальному Китаю диалектах.

В провинции Гуандун, соседствующей с Гонконгом и Макао, тогда сложилась критическая ситуация. Тысячи людей бежали через жёстко охраняемые границы в поисках лучшей жизни — зарплата в этих европейских колониях была примерно в 100 раз выше, чем в КНР! Начав знакомство с вверенной ему провинцией, Си Чжунсюнь, которого в поездках иногда сопровождал старшекурсник Университета Цинхуа Си Цзиньпин, разглядел не только накопившиеся колоссальные проблемы, но и огромные возможности промышленно развитой провинции, связанной множеством нитей с богатыми и влиятельными хуацяо, «заморскими китайцами».

Си-старший отправился с докладом к Дэн Сяопину и предложил не ужесточать пограничный контроль, а сблизить условия жизни соседних территорий. На стол «архитектора реформ» лёг пакет мер по либерализации экономики Гуандуна, облегчению правил внешней торговли и привлечению капиталовложений. Этот документ встретил настороженную реакцию в Чжуннаньхае, однако Дэн позволил своему соратнику по яньаньским временам начать эксперимент, но только в районах, примыкающих к Гонконгу и Макао.

«Давай назовем их «специальными районами», ведь так назывался и твой пограничный район Шэньси-Ганьсу», — сказал Дэн Сяопин. Он подчеркнул, что даст соответствующие указания, но денег на реализацию проекта выделить не сможет. Как и в годы войны, придётся «кровью прокладывать дорогу вперёд». В июле 1979 года ЦК КПК и Госсовет одобрили создание первых двух специальных экономических зон (СЭЗ): Шэньчжэнь и Чжухай (на границе с Гонконгом и Макао).

Так началось «шэньчжэньское чудо», без которого, возможно, не состоялось бы и «китайское чудо» в целом. Власти СЭЗ Шэньчжэнь

получили существенную автономию от Пекина, установили низкие ставки подоходного налога, упростили правила создания смешанных предприятий, получения виз, вывоза прибыли и обмена валюты.

Сопrotивление бюрократии и сторонников левацких методов было весьма ощутимо. Но Шэньчжэнь рос как на дрожжах, становясь зримым доказательством правильности избранного Дэн Сяопином курса «реформ и открытости». Накопленный опыт оказался настолько ценным для страны, что уже в 1981 году Си Чжунсюня возвратили в Пекин — на пост заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП (парламента Китая). Он руководил работой по созданию новых законов, облегчающих экономическое развитие всего Китая. В июне 1981 года на пленуме ЦК КПК Си Чжунсюня назначали секретарем ЦК, год спустя избрали членом Политбюро и поручили руководить текущей работой секретариата ЦК. До своей кончины в 2002 году Си Чжунсюнь был воплощением лучших традиций первого поколения революционной элиты: стойкости, прагматизма, патриотизма, преданности идеалам коммунизма.

КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ. КАРЬЕРА СИ ЦЗИНЬПИНА

Если Си Чжунсюня можно считать примером стойкости старой элиты, то его сын, Си Цзиньпин, продемонстрировал лучшие качества поколения, значительная часть которого оказалась в прямом и переносном смысле «потерянным».

Окончив в 1979 году химфак Университета Цинхуа, молодой человек снова вернулся в Чжунаньхай. Он надел военную форму и стал сотрудником Военной комиссии ЦК, канцелярией которой руководил старый боевой товарищ отца. Лучшее начало карьеры трудно себе представить. Вскоре статный красавец в строгом оливковом френче покорил сердце дочери видного китайского дипломата, а затем женился на ней. Молодая супруга предложила мужу уехать в Лондон, где её отец стал послом КНР. Си Цзиньпин отказался, и после развода в 1982 году покинул аппаратную службу в столице, став замсекретаря комитета партии в уезде Чжэндин провинции Хэбэй — одном из беднейших уездов одной из беднейших провинций. Вместо комфортных лифтов военной, дипломатической или научной карьеры, какими любили пользоваться т. н. «принцы», он — возможно, по совету старших товарищей — выбрал узкую и крутую горную тропинку.

Шесть лет его работы в Хэбэе пришлось на период, когда стратегия «реформ и открытости» давала возможность руководителям на местах смело экспериментировать. Ставший вскоре после приезда из Пекина секретарем уездного комитета, Си Цзиньпин не только испробовал новинки других уездов, куда ездил для изучения опыта, но изобрёл и внедрил собственную систему экономического стимулирования. Фантастические на первый взгляд идеи становились реальностью — вложив средства бюджета в сооружение необходимых построек и декораций для телесериала «Сон в красном тереме» по любимому китайцами одноименному роману, Си Цзиньпин создал «китайский Голливуд»: туристическую зону, где впоследствии было снято более 170 фильмов и сериалов. Её теперь ежегодно посещают около полутора миллиона туристов. Задумав учредить в своём отсталом уезде научно-производственный центр, Си Цзиньпин лично отыскал сотни инженеров и известных учёных и убедил их приехать «в глубинку».

Об успехах Си Цзиньпина заговорила провинциальная пресса, один писатель даже

вывел его в числе главных героев своего романа, хотя и под другим именем. Но, главное, перспективного кадрового работника сочли достойным повышения в орготделе ЦК. 15 июня 1985 года, в свой 32-й день рождения, Си Цзиньпин стал заместителем секретаря парткома города Сямэнь в провинции Фуцзянь. Обозначившаяся еще в Хэбэе склонность молодого руководителя к инновациям получила развитие именно в Сямэне. Под его руководством разрабатывается «Стратегия социально-экономического развития Сямэня на 1985–2000 годы».

Фуцзянь и другие приморские провинции обгоняли в развитии провинции внутренние. Но и в самой Фуцзяни одни районы богатели, а другие так и оставались бедными. Наверное, поэтому Си Цзиньпина в 1988 году переводят из богатого Сямэня работать в довольно отсталый гористый городской округ Ниндэ на севере той же провинции. Возможны и другие толкования причин нового неожиданного перевода «на низовку». Например, желание старцев-«небожителей» из Пекина ещё раз проверить перспективного деятеля на прочность.

Ниндэ оказался настоящей глубинкой. В некоторые сёла даже не были проложены дороги, и секретарь окружкома пробирался туда пешком. Осознав масштаб проблем, он взялся за дело. В сёлах Ниндэ были перестроены нескольких тысяч хижин, в которых прожило много поколений бедных крестьян. Рыбаки, с незапамятных времен обитавшие на лодках, тоже получили новые дома на земной тверди. Во время работы в Ниндэ Си Цзиньпин начал создавать новую систему взаимоотношений партийного аппарата с населением. Он требовал напрямую принимать от людей жалобы и предложения, постоянно отслеживать текущую политическую и экономическую ситуацию, проводить «мозговые штурмы» для выработки оптимальных решений. Там же он начал отрабатывать методологию борьбы с коррупцией и круговой порукой среди партийных кадров. За три года руководства Си Цзиньпина под суд отправились более 400 кадровых работников, были расследованы громкие дела о коррупции, получившие общекайтайское звучание.

Первые опыты стратегического планирования были продолжены после назначения Си Цзиньпина в 1990 году секретарём парткома города Фучжоу, административного центра провинции Фуцзянь, крупного центра химической, целлюлозно-бумажной, пищевой,

полиграфической, текстильной промышленности. В 1992 году по его инициативе была принята программа, которая предусматривала стратегические цели развития на 3, 8 и 20 лет вперёд, причём практически все эти цели были достигнуты в срок. Было реализовано несколько сверхкрупных проектов с участием ведущих китайских производителей автомобилей, электроники, алюминия, позволивших создать новую, современную промышленную базу города. В Фучжоу был принят «Регламент ускоренного прохождения административных процедур», который упростил привлечение тайваньских инвестиций (они не считаются иностранными, поскольку Тайвань рассматривается как одна из провинций Китая в рамках политики «одна страна, две системы»). Затем было принято «Руководство к оформлению административных дел для населения Фучжоу», означавшее переход к модной у нас системе «одного окна».

В это время Си Цзиньпин начинает привлекать пристальное внимание руководителей орготдела ЦК, ведающих перемещениями к высотам власти. Это видно из его участия в работе XIV съезда КПК в 1992 году, избрания тогда же кандидатом в члены ЦК КПК. К 1999 году он стал заместителем партсекретаря и заместителем губернатора Фуцзяни, а уже на следующий год — губернатором. Возглавив провинцию с населением в 37 миллионов человек, по западным меркам — целую страну, Си Цзиньпин сразу создал «руководящую группу по повышению эффективности органов власти» — ситуационный штаб, лишённый бюрократических ограничений и наделённый дополнительными полномочиями для решения конкретной проблемы. Подобные «руководящие группы» стали ещё одним «фирменным блюдом», которое в наши дни активно использует нынешний руководитель КНР. Среди других инноваций фуцзяньского периода стал первый в Китае «Порядок реализации мер по созданию открытого правительства», который включал центр сбора жалоб от населения, систему поощрения и наказания чиновников за неподчинение новым установкам. Впервые в Китае была начата работа по обеспечению безопасности продуктов питания, создана система маркировки «надёжная продукция». Воспользовавшись своим новым положением, Си Цзиньпин ускорил реализацию программы «цифровой Фуцзяни», и она стала единственной в стране провинцией, где, например,

во всех больницах доступ к медицинскому обслуживанию обеспечивается одной картой. Среди достижений Фуцзяни непременно упоминается создание «экологического рая», где качество воды, воздуха и ситуация в целом оценивается на «отлично».

Успехи Си Цзиньпина на посту руководителя очень важной провинцией были по достоинству оценены в Пекине. За месяц до начала XVI съезда КПК (ноябрь 2002-го) его назначили партийным и административным руководителем ещё более многолюдной и богатой приморской провинции Чжэцзян, четвёртой по объёму ВВП в стране.

Си Цзиньпин приехал в Чжэцзян уже опытным руководителем. За спиной у него были почти все региональные уровни работы: деревня, уезд, округ, город, провинция, — и собственный стиль руководства. Уже в декабре 2002 года появилась «Программа создания могучей морской провинции Чжэцзян», началось освоение тысяч островов, десятков тысяч удобных для развития аквакультуры бухточек и отмелей. Темпы роста морского сектора экономики приблизились к 20% в год, он стал давать до 8% ВВП провинции.

Пожалуй, самым видным — даже из космоса — проектом нового руководителя «страны Чжэцзян» стало строительство гигантского моста общей протяжённостью 35,7 км через Ханчжоусский залив. Мост сократил автомобилям расстояние между Шанхаем и портом Нинбо с 400 до 80 км, а время в пути — с четырёх часов до одного. Летящий над морем стальной мост сразу вошёл в «десятку» самых красивых в мире и несколько лет был самым длинным мостом через морское пространство. Но и на суше достижения нового губернатора были хорошо заметны. В 2003 году он начал реализацию программы «тысяча деревень образцовых, десять тысяч деревень упорядоченных». В сельской местности появились городские коммунальные службы, в двух третях сельских поселений была введена система раздельного сбора мусора и его переработки. Провинция в 2005 году заняла первое место в Китае по состоянию окружающей среды. Кроме того, Чжэцзян стал одним из самых безопасных регионов Китая, а по потенциалу устойчивого развития вышел на четвёртое место. Доходы на душу населения тогда же приблизились к отметке 4000 долларов в год. Словом, «чжэцзянский период» для Си Цзиньпина стал временем прорыва и завершился в марте 2007 года переводом в Шанхай.

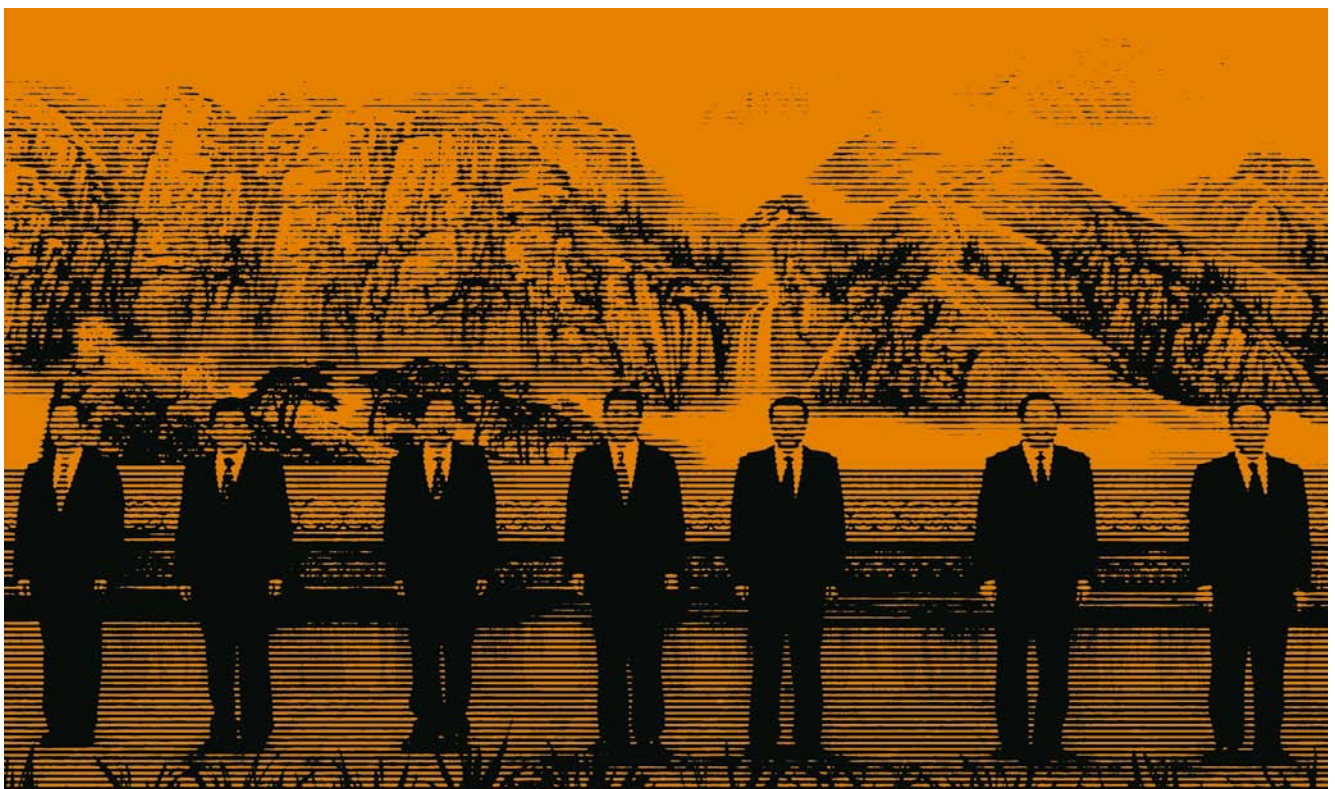
Во втором по значению городе Китая Си Цзиньпин появился в связи с чрезвычайными событиями. Член Политбюро ЦК, секретарь горкома Чэнь Ляньюй в сентябре 2006 года был отстранён от своих должностей и попал под расследование «партийной контрразведки», Центральной комиссии ЦК КПК по проверке партийной дисциплины. Этот деятель был типичным и весьма противоречивым продуктом сращивания норм рыночной экономики с системой партийной власти. С одной стороны, он умело руководил 25-миллионным мегаполисом, а с другой — «товарищ Чэнь», как говорится, ложку мимо рта не проносил. Поводом для снятия с работы послужила связь с организаторами схемы использования пенсионных фондов города ради личного обогащения. В числе причин для немилости называют и политические: Чэнь был близок к предыдущему генсеку Цзян Цзэминю и входил в так называемую «шанхайскую группировку», а потому позволял себе открытую полемику с премьером Вэнь Цзябао и другими членами Политбюро, которые требовали от процветающих городов и провинций делиться с внутренними, отстающими регионами.

Выбор Си Цзиньпина на роль руководителя «партийной бригады скорой помощи» был не случайным. Его считали принципиальным, но не кровожадным борцом с коррупцией.

Умелое использование преимуществ рыночной экономики на ранее подконтрольных территориях не сопровождалось обогащением его подчинённых и родственников. Си Цзиньпин, кроме того, дистанцировался от проблем в отношениях действующего и ушедшего верховных лидеров.

За семь месяцев своего руководства Шанхаем Си Цзиньпин побывал во всех районах колоссального города и сделал всё возможное, чтобы скандал не отразился на подготовке к ЭКСПО-2010, — на карту была поставлена репутация Китая. Он не мешал партийному расследованию и работе прокуратуры, но в то же время не форсировал «охоту на ведьм», которая могла обострить конфликт разных группировок в Политбюро накануне очередного съезда партии.

Безукоризненный послужной список Си Цзиньпина в северных бедных провинциях Шэньси и Хэбэй, впечатляющие успехи в приморских и богатых Фуцзяни и Чжэцзяне, проявленная в Шанхае сдержанность были высоко оценены в партийных «верхах». На проходившем в октябре 2007 года XVII съезде КПК он был не только избран в Политбюро, но и сразу стал одним из девяти членов Постоянного комитета Политбюро ЦК, коллективного верховного руководства партией и страной. Этот карьерный «большой

скачок» Си Цзиньпин совершил в 54 года. Это обстоятельство автоматически делало его и 52-летнего Ли Кэцяна претендентами на руководство партией и правительством через пять лет, когда очередной съезд ЦК КПК должен был избрать нового генерального секретаря, а затем сессия ВСНП — назначить председателя КНР и премьера Госсовета. Правда, в списке нового состава высшего партийного руководства Си Цзиньпин стоял перед Ли Кэцяном, и это говорило о намеченном распределении ролей.

После съезда начался интенсивный процесс проверки претендентов на пригодность к руководству Поднебесной, дополнительной подготовки в областях, где у них не хватало опыта. Си Цзиньпина сразу ввели в секретариат ЦК, ведающий подготовкой всех решений высших партийных органов, связью с общенациональной сетью партийных организаций, подбором кадров и многими другими текущими вопросами. Он стал ректором Партийной школы ЦК КПК, ответственным за состояние дел в специальных административных районах Сянган (Гонконг) и Аомэнь (Макао), за завершение подготовки и проведение пекинских Олимпийских игр 2008 года, за идеологическое и информационное обеспечение сразу нескольких важных для Китая годовщин, пришедшихся на 2009 год: 60-летия КНР и 20-летия

событий на площади Тяньаньмэнь. В марте следующего года на сессии ВСНП Си Цзиньпин был назначен заместителем Председателя КНР. 18 октября 2010 года Пленум ЦК КПК избрал его заместителем председателя Центрального военного совета ЦК КПК...

СИ ЦЗИНЬПИН — И ПРИНЦ, И НИЩИЙ

Если причислять Си Цзиньпина к «принцам», т. е. к отпрыскам и близким родственникам пекинских «небожителей», то шестилетняя работа в Хэбэе (1982–1985) и последовавшие долгие периоды работы в других провинциях (Фуцзянь — 1985–2002, Чжэцзян — 2002–2007 и в городе центрального подчинения Шанхае — 2007) как-то мало похожи на череду восхождений от одной синекуры к другой. Тут, скорее, вспоминается повесть «Принц и нищий», в которой герои меняются местами. На несколько десятилетий Си Цзиньпин по существу стал «нищим», переносил лишения небогатой жизни в провинции. Даже с новой женой, уже знаменитой певицей Пэн Лиюань, он жил «вахтовым методом», встречался несколько раз в году. Отдалившись от Пекина с его концентрацией полезных связей, Си Цзиньпин постепенно лишился покровительства «небожителей», которые быстро уходили из власти и жизни.

Нет документальных подтверждений также хоть каких-то его устойчивых связей с другими отпрысками революционеров старшего поколения, именуемых «принцами».

Конечно, от следующего руководителя 90-миллионной партии и почти полуторамиллиардного народа Китая требовался безукоризненный послужной список постов разного уровня. Си Цзиньпин вполне удовлетворял всем этим требованиям. Но при принятии окончательного решения сыграли свою роль также другие факторы и соображения. За десятилетия «реформ и открытости» в китайской элите сложились довольно устойчивые группы интересов, отражавшие позиции и запросы влиятельных регионов, отраслей экономики, государственных компаний, армии и органов безопасности. Некоторые из этих групп не хотели видеть Си Цзиньпина новым лидером, и конфликтов по этому поводу было предостаточно.

Наиболее ярким подтверждением тому стала задержка открытия XVIII съезда КПК осенью 2012 года. Скорее всего, это было связано с крупным скандалом вокруг члена Политбюро ЦК КПК Бо Силая, которого некоторые «группы интересов» видели чуть ли не альтернативой Си Цзиньпину. Бо Силай был сыном Бо Ибо, занимавшего в элите первого революционного поколения высокое место, соизмеримое с местом Си Чжунсюня или даже превосходящее его. Причисляемый к «принцам» Бо Силай, как и Си Цзиньпин, успел поруководить несколькими провинциями и городом центрального подчинения Чунцином. Вдобавок он несколько лет работал в Пекине в должности министра торговли. Но шансы Бо Силая составить конкуренцию Си Цзиньпину улетучились после того, как его жена была обвинена в убийстве своего английского любовника, а руководитель службы безопасности попросил убежища в американском генконсульстве. Сначала партийное, а затем и официальное расследование деятельности самого Бо Силая привели к суду и пожизненному осуждению. С недовольством «групп интересов» выводом Бо Силая из игры связывают странные учения внутренних войск в окрестностях Пекина. Случилось также неожиданное «исчезновение» Си Цзиньпина на несколько недель накануне XVIII съезда, которое затем объяснили «болями в спине из-за чрезмерных нагрузок в плавательном бассейне». Были и другие эпизоды, любопытные для профессиональных аналитиков.

Но в конце концов консенсус был достигнут, и 15 ноября 2012 года I пленум ЦК КПК восемнадцатого созыва (то есть первый пленум после XVIII съезда) единодушно избрал Си Цзиньпина генеральным секретарем партии и председателем Центральной военной комиссии КПК. 14 марта 2013 года на сессии ВСНП (парламента КНР) он был избран председателем КНР и председателем военного совета КНР. Таким образом, Си Цзиньпин стал руководителем пятого поколения лидеров КНР, сосредоточив в своих руках всю полноту партийной, административной и военной власти.

«МУХИ», «ТИГРЫ» И «ЛИСЫ» СПОСОБНЫ ПОГУБИТЬ ПОДНЕБЕСНУЮ

В начале второго десятилетия XXI века Китай стал напоминать огромный айсберг, внушительная надводная часть которого сверкала успехами, в то время как подводная часть начала подтаивать. Со времени начала «реформ и открытости» в конце 70-х годов ради достижения высоких темпов прироста ВВП допускалось непропорциональное развитие национальной и региональной экономики, приносились в жертву интересы населения и окружающей среды. Ради завоевания внешних рынков и привлечения иностранных инвестиций Китай соглашался встраиваться в мировые производственные цепочки в качестве поставщика дешёвой рабочей силы, а немалую часть заработанных средств вкладывать в западные банки и фонды. Результатом накопления проблем стало не только обострение социальных, экологических и демографических проблем, но также замедление темпов роста ВВП. Если в 1990-е годы ВВП рос быстрее 10% в год, то в 2014 г. он вырос «всего» на 7,4%. Хотя такие показатели могут только сниться лидерам России, США, Японии или стран Западной Европы, для китайского руководства они стали поводом задуматься о корректировке экономической стратегии.

Си Цзиньпин начал своё правление с оглашения долгосрочного плана «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации». Этот план, первая долгосрочная стратегия в истории Китая, был выдвинут спустя несколько дней после XVIII съезда партии. Сроком его реализации указан 2049 год — год столетия Китайской Народной Республики. Есть и контрольный срок выполнения первого этапа — к 2021 году, столетию создания компартии Китая.

Практические шаги к достижению стратегических целей Си Цзиньпин изложил на III пленуме 18-го созыва в ноябре 2013 года. Он дал подробный диагноз: «В процессе развития наша страна сталкивается со значительными противоречиями и вызовами, на её пути встречаются немалые трудности и проблемы. Например, по-прежнему остро стоит вопрос неравномерного, негармоничного и непродолжительного развития. Китай недостаточно силён в области научно-технических инноваций, отраслевая структура характеризуется нерациональностью, во многих сферах до сих пор используется экстенсивная модель развития, разница между уровнями развития города и деревни, как и между уровнями доходов разных слоев населения, продолжает увеличиваться. Значительно обострились социальные противоречия, накопилось множество вопросов, тесно связанных с первоочередными интересами населения, в сферах просвещения, трудоустройства, социального обеспечения, медицины, жилья, экологии, безопасности продуктов питания и лекарственных препаратов, безопасности на производстве, общественного спокойствия, исполнения законов и т. п. Малозащищённая часть населения испытывает большие жизненные трудности. Также налицо проявления формализма, бюрократизма, гедонизма и расточительства. В некоторых наиболее уязвимых областях то и дело обнаруживаются случаи коррупции и другие негативные явления, ситуация с антикоррупционной борьбой по-прежнему остаётся весьма острой. Для урегулирования всех этих вопросов необходимо углубление реформ».

Си Цзиньпин, конечно, не ограничился диагнозом. Он выписал рецепт, стержнем которого стало предложение уравнивать две половины экономики, государственную и частную, облегчить доступ средних и малых предприятий к «длинным деньгам», налоговыми льготам и другим благам. Вот тут-то он, похоже, и столкнулся с «непониманием» и скрытым сопротивлением той части партийно-государственной элиты, которая срослась с госбанками и «естественными монополиями». Пленум одобрил лишь часть из пакета радикальных реформ, разработанного «мозговым центром» и утверждённого Си Цзиньпином.

Поэтому на IV пленуме ЦК КПК в 2014 году под лозунгом «управлять государством при помощи законов» Си Цзиньпин запустил общенациональную кампанию по ис-

коренению коррупции. Это направление работы по линии «партийной контрразведки» возглавил один из семи членов президиума Политбюро и, по слухам, друг Си Цзиньпина Ван Цишань. Комиссия стала проводить расследования не только против «мух», сравнительно мелких коррупционеров, но и против крупных, властных «тигров». Её постоянные офисы открылись не только в провинциальных парткомах, но даже в отделах ЦК, министерствах, включая министерства обороны и безопасности... За время после IV пленума было выявлено около 100 тысяч «мух» и «тигров». А ведь есть еще и «лисы» — сбежавшие за границу коррупционеры. Масштабы трансграничного воровства колоссальны. Только экспертами Международного концерна журналистских расследований (ICIJ) в офшорах найдено 22 000 клиентов из КНР и Гонконга, которые, по их оценкам, нелегально вывели из КНР после 2000 года от 1 до 4 трлн долл. Западные эксперты убеждены, что общий объём взяток и откатов в Китае эквивалентен не менее чем 3% ВВП (более 200 млрд долларов).

«Лисы», «мухи» и «тигры»... Уже пойманные и всё ещё действующие в своих кабинетах, они составляют весьма влиятельную часть нынешней китайской элиты. Перейдя к системной, а не кампанейской борьбе с коррупцией, Си Цзиньпин рискует вызвать системное же сопротивление. Проявлений недовольства или, тем более, открытого противодействия его курсу пока не отмечено, хотя сквозь эту призму можно глянуть и на обвал фондового рынка, и на таинственные взрывы в Тяньцзине весной 2015 года. Но решения IV пленума обсуждены и одобрены на партийных собраниях всеми членами КПК, на страницах и сайтах партийной печати. Начатая Си Цзиньпином чистка элиты пользуется широкой и активной поддержкой населения.

Самый большой вызов — это необходимость теоретически обосновать и практически обеспечить соединение таких лучших традиций коммунистической элиты 30–50-х годов, как патриотизм, жертвенность и скромность, с такими базовыми особенностями нынешней элиты, как прагматизм и предприимчивость. Вся нынешняя элита выросла в эпоху «реформ и открытости», вдохновлялась призывом Дэн Сяопина: «Обогащайтесь!» Даже признав необходимость «управлять государством при помощи закона», трудно в одночасье оборвать все нити «блата» и коррупции, которыми опутали

себя кадровые работники. Оптимизм внушают примеры стран и регионов родственной конфуцианской цивилизации: Южной Кореи, Сингапура и Тайваня, так же страдавших от тотальной коррупции, но добившихся успехов в искоренении этого зла без массовых репрессий и смены правящих классов.

Немало натерпевшиеся от режима Мао Цзэдуна Си Чжунсюнь и его сын Си Цзиньпин остались верны идее социализма и реализующей её в китайских условиях коммунистической партии. Очевидно, они представляют ту доминирующую часть китайской элиты, которая рассматривает КПК в качестве фундаментальной структуры управления, чья ликвидация может привести Китай к последствиям, соизмеримым с распадом Советского Союза. Мало кто сомневается, что именно компартия будет в обозримом будущем оставаться

механизмом рекрутирования в национальную элиту, обеспечивать шанс на продвижения в высшие слои руководства. С учётом сопротивления региональных и отраслевых «групп влияния» Си Цзиньпин стал уделять ещё больше внимания плановой ротации руководящих кадров с одного направления на другое, из одной провинции в другую. Сходит на нет в значительной степени надуманное западными экспертами деление элиты на «принцев» и «комсомольцев», «шанхайцев» и «фуцзяньцев». Однако Си Цзиньпину ещё предстоит найти тонкую, но решающую грань между терапевтическими и хирургическими способами улучшения целого поколения нынешних кадровых работников. От этого во многом будет зависеть будущее китайской нации, костяком которой вот уже пять тысяч лет служит её элита.

А. ЭНВЕРОВ.

Политическая элита **Европы**

Европейская политическая элита, по историческим меркам, возникла совсем недавно — в ходе обустройства старого континента после Второй мировой войны. На первый взгляд это выглядит довольно странно — ведь европейская цивилизация, безусловно, наиболее успешная в мировой истории (по крайней мере вплоть до нынешнего дня), и один из главных её даров миру — великая интеллектуальная и творческая элита, на протяжении столетий, собственно, и определявшая понятие «Европа». С эпохи позднего Средневековья можно отсчитывать время единого европейского пространства мысли, искусств, науки и технологий. После реформ Петра I неотъемлемой частью этого пространства стала и Россия.

Ситуация же с политической элитой континента — иная. До окончания Второй мировой политического пространства, которое объединяло бы Старый Свет хотя бы в отдельных его фрагментах, просто не существовало. Что же до многовековых связей европейской феодальной, а позднее — и финансовой аристократии, то, на мой взгляд, к этому явлению больше подошел бы термин «тусовка», — в таком «формате», насколько известно, не была решена ни одна более или менее серьёзная политическая проблема.

Можно назвать точное время и место, когда и где впервые были высказаны идеи о послевоенном обустройстве Западной Европы, в том числе и о том, кто и как будет осуществлять текущее управление континентом. Это произошло в период с 10 по 22 января 1943 года в ходе встреч Черчилля и Рузвельта в Касабланке. Позднее оба англосаксонских лидера продолжили развивать тему на личных встречах и в широко известной переписке. В упрощённом изложении их взгляды можно было бы свести к следующему: будущее устройство Старого Света им представлялось в виде некоего доминиона, в котором США осуществляли бы общеполитическое и экономическое руководство, при этом британский опыт колониального администрирования пришёлся бы весьма кстати. Самим европейцам такая схема предлагала «изображать независимое самоуправление». Предоставить им какую-либо политическую самостоятельность, с точки зрения США, было бы ошибкой, поскольку без «отеческого пригляда» из-за океана очень скоро началась бы новая война, как это уже дважды случалось в XX веке.

На тот период у западной «двойки» не было чёткого представления о кадровом резерве политиков общеевропейского уровня — лишь весьма общее понимание того, как использовать деятелей эмиграции и разных «правительств в изгнании». (В этой части англосаксы откровенно завидовали И.В. Сталину: у «вождей народов» для Восточной Европы имелась весьма длинная скамейка управленцев, начиная от общенационального и вплоть до муниципального уровней, в основном оставшаяся от распущенного в 1942 году Коминтерна.) После смерти Ф. Рузвельта его преемник Г. Трумэн достаточно скоро избавился как от команды предшественника, так и от его сантиментов в отношении СССР и лично взялся курировать кадровые вопросы для послевоенной Европы. Главными помощниками в этом были госсекретарь Дин Ачесон и автор знаменитого плана восстановления лежавшего в руинах континента генерал Джордж Маршалл.

В самой же Европе сторонников будущего «доминиона» было совсем немного. Конечно, большинство жителей истерзанного войной континента приветствовало политическую интеграцию как гарантию от новых войн и было искренне благодарно США за помощь в восстановлении нормальной жизни. Однако перспектива перманентного «внешнего управления» в силу якобы недееспособности европейцев вызывала отторжение как у национальных элит, так и у большинства населения.

Наиболее последовательными приверженцами самостоятельного европейского пути были выходцы из левой части политического спектра: социалисты, социал-демократы, христианские социалисты. Их репутация во время войны и в т. ч. Сопротивления заслуженно укрепилась. Этому в немалой степени способствовало и сотрудничество «в поле» с коммунистами, авторитет которых после общей победы достиг наивысшей точки. Вдобавок у левых почти чудом сохранился и объединительный орган — Социнтерн. Были, конечно, у европейских левых и уязвимые точки: с одной стороны, их откровенно не любили в Штатах за якобы излишнюю близость к коммунистам, а с другой — им не благоволил и тем более не поддерживал тов. Сталин.

Европейские правые, напротив, в период оккупации основательно подорвали свою репутацию сотрудничеством с оккупантами. Тем не менее ни либералы, ни традиционные консерваторы не собирались посылать голову пеплом. Традиционно связанные с крупным

бизнесом, многие сначала неплохо погрели руки на поставках Гитлеру и Муссолини, а затем ухитрились успеть на последний поезд победителей, объявили себя «пламенными борцами с нацизмом» и даже стали претендовать на серьезные посты в послевоенных правительствах. К этой же группе можно условно причислить и «героев в эмиграции», яростно клеймивших Гитлера из безопасного американского или австралийского далёка. Под самый-самый конец войны ухитрились внезапно «порвать с проклятым гитлеризмом» и некоторые откровенные коллаборационисты, неплохо чувствовавшие себя в период оккупации. В награду (поскольку, как никак, — классово свои!) отдельные деятели из их числа с благословения англосаксов, вместо того, чтобы отправиться на нюрнбергскую скамью, были удостоены победных регалий.

Большую часть таких политиков откровенно отторгало население, их считали не рукопожатными настоящими борцами Сопротивления. Однако и в этой категории Вашингтон и Лондон высматривали кандидатов в «новую элиту».

(Не напоминает ли это наши недавние времена? Ведь немало деятелей из советской интеллектуальной и творческой элиты, осыпанных должностями, званиями и внушительными премиями, внезапно оказались «жертвами притеснений тоталитарного режима», обратили свои таланты на обличение «проклятого прошлого» и восхваление новых «хозяев». Каких-то особых творческих достижений «долгожданная свобода» им не принесла, но поток весьма реальных благ для многих стал ещё обильнее).

Весьма серьёзно претендовал на роль ведущего спонсора послевоенного политического устройства Ватикан. Католическая церковь в первой половине XX века пережила глубокий кризис доверия — звучали обвинения в соглашательстве с нацистами, а до этого — в явной неспособности предотвратить омерзительное братоубийство между католиками во время Первой мировой. Тем не менее большинство населения оставалось в лоне церкви. А у Святого престола никуда не делись глаза и уши везде, где стоял католический крест, накопленные за тысячи лет материальные ценности, изощрённая агентура и опытейшая дипломатия. Католическая церковь и по сей день остается едва ли не единственной системной силой Западного мира, с которой считаются и даже побаиваются англосаксы.

Свое влияние Святой престол осуществляет достаточно оригинальным способом, который можно сравнить с работой рекрутинговых агентств. В странах, где Католическая церковь доминирует на национальном (Франция, Италия, Испания, Бельгия, Австрия, Польша и пр.) или региональном уровне (земли Германии), священники начиная со средней школы «курируют» одарённых детей, особенно из семей благополучных и состоятельных. Не стоит забывать, что едва ли не большинство престижных колледжей и гимназий в своих названиях несёт слово «католический». При этом сегодня священники не вмешиваются в учебный процесс (за исключением факультативных уроков Закона Божия) и, как правило, хранят молчание на заседании школьных советов, но берут на заметку мнения учителей о каждом из школьников вне зависимости от конфессии, к которой принадлежат родители, — в престижные заведения попадают не по религиозному, а по имущественному признаку.

Когда перспективный юноша (а с недавних пор — и девушка) переходит в старшую школу, а потом — в университет, его невидимо, но неотступно сопровождают кураторы. И если ставится вопрос о выдвижении студента на какую-либо лидирующую позицию, церковь всегда находит канал незримой поддержки (или, наоборот, — тормоза), сопровождающих человека всю его жизнь.

Без такой «опёки» случаются подчас и головокружительные карьеры почти на любом поприще: в бизнесе, науке, искусстве, — любой профессии, кроме политической, гражданской администрации и руководящих должностей в армии и силовых структурах. При этом сам «курируемый» может исповедовать совсем не католичество, даже быть атеистом и часто не подозревать, с чего бы это его карьера движется столь быстро и гладко. Претенденты на лидерские позиции из не католических стран подпадают под такое «сопровождение» на более поздних ступенях карьеры. Однако правило, почти не допускающее исключений, — занять высокую позицию на Западе человеку, по каким-то причинам нежелательному для церкви, практически нереально.

Мы намеренно так подробно описали первоначальные источники европейской политической элиты. По-настоящему влиятельные европейские вельможи — до сих пор выходцы именно из этих кругов. Некоторые — в результате консенсуса, большая же часть — по итогам компромисса между описанными группа-

ми влияния. За 70 лет удельная доля каждой из этих групп то возрастала, то убывала, но все они исправно действуют и сегодня.

На фоне многих претендентов на общеевропейское влияние в конце 40-х и в 50-е явно выделялись следующие фигуры:

Поль-Анри Спаак. Этот несколько подзабытый сегодня бельгиец может быть по праву назван первым политиком объединённого Запада, отцом-основателем практически всех общеевропейских институтов. Достаточно перечислить его международные должности: первый председатель Генеральной ассамблеи ООН, первый председатель Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), первый председатель Европарламента, основатель Бенилюкса, главный инициатор создания Европейского объединения угля и стали, а затем — преобразования ЕОУС в Европейское экономическое сообщество, ныне ЕС. В перерывах он трижды побывал премьер-министром Бельгии и только в НАТО стал лишь вторым генсеком, притом что был главным переговорщиком о создании альянса от европейцев.

Во всех ипостасях эта фигура устраивала все названные «источники»: социалист, но из умеренных, католик, войну провёл в эмиграции в США в качестве бельгийского премьера в изгнании — словом, придаться не к чему. «Облом» вышел только в случае с НАТО.

После того как в долгих спорах был найден компромисс по конфигурации альянса и путях его построения и подписан Вашингтонский договор от 4 апреля 1949 года, ещё три года искали компромиссного кандидата на должность генсека альянса. Социалистам, несмотря на активность в т. ч. «предателя дела англосаксов», лейбориста К. Эттли и мощную поддержку Ватикана, так и не удалось провести на этот пост «своего» кандидата. Первым возглавил организацию в 1952 году бывший главный военный советник Черчилля, британский «кабинетный» генерал (к тому времени — в отставке) лорд Гастингс Исмей, твёрдо поддержанный американцами. Современники высоко отзывались о его лидерских качествах, но главное, чем он запомнился в истории, — приписываемое ему авторство знаменитого лозунга «America in, Russians out, Germans down». К сожалению, хотя эффектного перевода на русский язык за 70 лет так и не появилось, актуальность полностью сохраняется во всех трёх элементах лозунга и сегодня...

Ещё одной крупнейшей фигурой европейской политики тех лет был французский

министр иностранных дел, христианский социалист (и, разумеется, ревностный католик) эльзасский немец по рождению, но пламенный (без всяких кавычек) патриот Франции Робер Шуман. Обладатель высокого личного авторитета, он был признанным лидером в отстаивании континентальной линии перед англосаксами. Главной же его исторической заслугой считается разрушение мифа о якобы вечной и неискоренимой вражде Франции и Германии, последовательные усилия линии на возвращение немцев в семью европейских народов. Именем Р. Шумана (с разъяснениями, что «не композитор») названы улицы и общественные здания во многих городах старых и новых стран ЕС, неоднократно выдвигались предложения о его канонизации.

Отцы-основатели евроэлиты задали достаточно высокий стандарт требований к лидерам общеевропейских институтов. Приходится констатировать, что весьма и весьма немногим в последующих поколениях удавалось таким требованиям соответствовать. Одно очевидно — калибр европейских политиков с годами

неуклонно снижался. Если в 50–60-е и, пожалуй, вплоть до начала XXI века эпизодически возникали крупные фигуры, то в последние годы на европейском, и не только, политическом олимпе доминируют весьма блеклые персонажи, без собственных идей и, тем более, умения отстаивать сформировавшуюся точку зрения. Термин «элита» применим к таким деятелям с большой натяжкой.

Попробуем всё же выяснить источники появления на политическом небосклоне наиболее запомнившихся персоналий. Главным элементом единства Запада на протяжении семи десятилетий была и остаётся НАТО. Просто взглянув на список генсеков, можно сделать однозначные выводы о том, чьим выдвиженцем являлся тот или иной политик.

О первом генсеке, лорде Исмэе (1952–1957) и втором, П-А. Спааке (1957–1962) уже говорилось. Третий — голландец (протестант) Дирк Стиккер (1962–1964) может быть отнесён к пригретым англосаксами коллаборационистам-перевёртышам, поскольку во время войны

был гендиректором концерна «Хайникен» и, очевидно, никому без благословения нацистов поставлять свое пиво просто не мог. Следующий — беспартийный, успешный туринский адвокат (в т. ч. в годы войны), разумеется, католик Манлио Брозио (1964–1971). Он был министром еще в королевском правительстве Италии, правда, — после Муссолини. Сменил его наиболее долго прослуживший на посту генсека Иозеф Лунс (1971–1984) — ничего особо выдающегося не показал, но устраивал всех: социалист, католик (из протестантской страны), войну провёл в эмиграции в США. С лордом Каррингтоном (1984–1988), консерватором и бывшим военным, всё понятно.

Один из самых ярких руководителей альянса за всю его историю — вюртембержец и, следовательно, католик, христианский демократ, юрист, дипломат и полковник ВВС бундсвера Манфред Вернер (1988–1994). Именно на его время пришлось и первые контакты с СССР, и попытки переосмысления роли НАТО и других западноевропейских институтов в посткоммунистическую эпоху, а также первые мысли о трансформации военно-политического союза в политико-военный. Вернера называют одним из трёх великих немцев послевоенного периода. Думается, что при всей самостоятельности этой фигуры, опирался он и на Ватикан, и на США, иначе ему быстро сделали бы укорот.

В 1995 году альянс возглавил испанец Хавьер Солана — социалист, в прошлом — почти коммунист, профессор теоретической физики, завершивший образование в университете шт. Джорджия и Оксфорде, потомственный политик, выходец из высшего общества и при этом — «народный премьер-министр», который, собственно, и привел страну в НАТО и ЕС. После 4 лет в НАТО Солана еще почти 10 лет возглавлял внешнеполитический блок ЕС. В числе его заслуг и основополагающий акт о взаимоотношениях с Россией, и натовские бомбардировки Югославии. Ходили упорные слухи, что подняться на европейский политический олимп ему помог в первую очередь Ватикан (и даже «Опус Деи», причём об этом говорили задолго до появления книг Дэна Брауна) при поддержке Социнтерна и с молчаливого благословения Вашингтона. Во всяком случае, никого из покровителей этот, безусловно, самый влиятельный политик Западной Европы своего времени не подвёл.

Сменил испанца другой талантливый лидер — лорд Робертсон (1999–2004). Англосакс,

но шотландец, и, следовательно, — католик, к тому же — лейборист. Этапы пути на олимп очевидны. Другое дело — слишком уж яркого и самостоятельного генсека задвинули в политическое небытие, но это уже личные моменты. А после лорда альянс возглавляли серенькие личности с местечковым мышлением выходцев из малых стран Северной Европы. Именно такие преобладают в европейских институтах (не только в НАТО) и поныне.

Обратимся к статистике. Притом что католические государства всегда составляли едва половину стран — членов НАТО, причем не самую сильную, а англосаксы, наоборот, — самую крупную (США, Великобритания, Канада и традиционно примыкающие к ним скандинавы), из 15 генсеков НАТО, включая двух врио, 10 — католики, 7 — социалисты, в то же время все они на отдельных этапах карьеры были так или иначе связаны с англосаксами. Кстати, второй по значению пост в НАТО — единственного заместителя генсека — с середины 80-х годов на протяжении более чем 30 лет занимали исключительно итальянцы. И только в 2012 году, вопреки всем писаным и неписанным традициям, этот пост впервые занял известный американский дипломат А. Вершбоу. Это может означать только одно — римская курия отодвинута подальше от руля трансатлантической безопасности, вопрос — надолго ли?

Влияние Ватикана через «кадры» особенно было заметным во времена понтификата Иоанна Павла II. Его и поныне многие серьёзные аналитики считают главным идеологом разрушения европейского коммунизма.

По-своему выдающийся поляк, всем своим существом отторгавший и коммунизм, и имперскую Россию в любых облициях, он то умело подталкивал американцев к решительным действиям и обеспечивал поддержку европейцев, то исподволь нажимал на тормоза, когда исполнители его же наущений чересчур закусывали удила. Можно согласиться с мнением о том, что перемены на карте мира в конце 80-х — начале 90-х годов шли в основном по рабочему сценарию и под режиссурой К. Войтылы. При этом деятели всех калибров и в США, и в Европе (Западной и Восточной), да и многие российские «реформаторы» лишь воплощали эти замыслы. Вопрос только в том, действовали они осознанно или же были использованы втёмную?

В соответствии с традициями западного общества, выдвиженцу от любого «центра силы» должна быть также обеспечена и обще-

ственная поддержка. Технологии такой поддержки отработаны веками и постоянно совершенствуются — мы это наблюдаем ежедневно. В случае с формированием общеевропейских институтов была проделана немалая работа по пресечению попыток «отомстить немцам по полной» и, одновременно, по нейтрализации симпатий к СССР, решающая роль которого в общей победе в 1945 году никем не оспаривалась. Основные тезисы этого разворота чётко сформулировал в марте 1946 года в своей знаменитой фултонской речи У. Черчилль. Но для того, чтобы воплотить в жизнь и эти тезисы, и девиз лорда Исмэя, потребовались годы. Результат зомбирования общества был в целом достигнут уже к середине 50-х, когда доброе отношение к СССР среди западноевропейцев сменилось на недоверие и отторжение. Известно, что объединяться «против» всегда надёжнее, чем «за». На антисоветской почве подрастала и крепла европейская элита 50–60-х годов, вплоть до Хельсинки.

На это время пришлось первые шаги по НАТО (приняты Турция, Греция и, главное, ФРГ), а при создании общих экономических структур — предшественниц ЕС, равно как и «гуманитарных европейских надстроек» типа Совета Европы — определяющим был курс на изоляцию СССР и соцлагерь.

Что же до участия большого бизнеса, включая ТНК, то его роль в комплектовании первой шеренги евроэлиты не стоит преувеличивать. Вообще, для политика, нацеленного на высший эшелон управления, получить ярлык типа «человек от кока-колы» и т. п. — самоубийство. Не выгодно это напрямую и бизнесу — такой выдвиженец уязвим и на высшие посты, как правило, не избираем. Для продвижения конкретных экономических интересов существуют вторая и третья шеренга политиков, с которой в основном и работает отлаженная десятилетиями машина лобби. Вообще же такая практика лоббирования и «приватизации политиков» пришла из США и больше распространена на национальном уровне. Продвигать интересы какой-либо группы компаний среди 28 стран одновременно весьма сложно и затратно — немедленно вылезают и уши заказчика, и те, кто за них тянет. При этом всегда находится мощный оппонент. Да и вообще, политика — это больше говорильня, а деньги, как известно, любят тишину. Тем более, как уже говорилось, давно сложились тихие и надёжные механизмы спонсорства и продвижения бизнес-интересов.

Примерно то же самое можно сказать о роли спецслужб, причём не только ЦРУ. У этих структур достаточно ресурсов, чтобы повлиять на рост того или иного деятеля начиная с молодых ногтей, и ещё больше — для того, чтобы вычеркнуть его из политики, если не из жизни. Поэтому в серьёзных случаях, (а если мы рассуждаем об элите, то это именно такой уровень) уши спецслужб, как правило, не видны. Если же вдруг и обнаружатся, то результат, как правило, один — скандал и практически неизбежный конец карьеры. «Специальное» дело любит тишину ещё больше, чем бизнес.

Другая часть евроэлиты: руководители институтов политико-экономического и гуманитарного блока ЕС, Совета Европы, ОБСЕ и т.п., — более шумна, чем натовцы, и при этом очень любит постоянно быть в поле зрения. В этих организациях руководство определяется на основе ротации и национальных квот, а аппарат нанимается часто по протекции, а нередко — буквально с улицы. Как о настоящих политиках можно говорить только о фигурах руководителей высшего эшелона.

Как ни прискорбно, со времен Спаака и Соланы действительно выдающихся людей здесь было ещё меньше, чем в НАТО. Почти 11 лет Еврокомиссией руководил Жозе Мануэл Дуран Баррозу — профессор и бывший коммунист, а затем социал-демократ, выпускник Лиссабонского, Женевского и Католического

Джорджтаунского университета, экс-премьер Португалии и прочая и прочая. И что? Почти никакого собственного следа не оставил. Речи были пламенными, но пустыми, а к концу его мандата в ЕС разразилось аж три, если не четыре кризиса: британский, греческий, восточно-партнёрский (украинский) и староноевропейский.

Сменившая в конце нулевых Солану в качестве мининдел ЕС баронесса К. Эштон запомнилась, пожалуй, только «пролетарской» внешностью. Больше надежд связывают с нынешним главой еврокомиссии люксембуржцем Ж.-К. Юнкером и руководительницей внешней политики ЕС итальянкой Ф. Могерини.

И немного о воспроизводстве элиты. Это несколько десятилетий назад в каждой стране были особые привилегированные «питомники» элит: Оксфорд, Гарвард, Эколь Нормаль, Геттинген и пр. Изучая биографии нынешних и недавних деятелей, приходишь к выводу: сегодняшний политик может получить формальное образование где угодно и учиться на кого угодно. Среди как успешных, так и малоуспешных можно встретить академических профессоров, а можно — людей, не окончивших даже бакалавриат. А с вхождением в Европу наших «бывших братьев по разуму» из Варшавского договора и Прибалтики появились совершенно особые персонажи с претензией на элитарность. Забавно, но в последнее время в евроэлите, пока

в основном во втором эшелоне, однако всё чаще — и в первой шеренге занимают места выпускники советских и российских вузов, в частности — МГИМО.

Часто можно слышать о влиянии масонов — здесь немало легенд и полумистики. А вот активность таких клубов, как «Ротари» или «Лайонс», видна, иногда даже нарочито. Однако выходцы из таких кругов представлены по большей части во второй и третьей шеренге руководства. Что же до фронтлайнеров — об их принадлежности к ротарианцам или «львам» известно немного — видимо, или клубы другие, или уровень выше клубного...

Если же серьёзно, то наиболее частый путь в большую политику Западной Европы сегодня — это участие в работе парламентских партий начиная с молодёжных организаций. Реже на этот уровень выходят профессиональные дипломаты, особенно с опытом работы в миссиях при соответствующих международных институтах, ещё реже — выходцы из бюрократического аппарата (чаще — международного), но, бывает, и национального. Политик, добившийся успеха на национальном уровне или же на общеевропейских молодёжных тусовках, должен заручиться и зарубежной поддержкой. И здесь вступают в игру те самые группы влияния, о которых говорилось в начале. В общем, любой путь наверх извилист и у каждого свой. Это полностью относится и к относительно

недавно появившейся политической элите Западной Европы.

Завершая тему, можно сделать несколько выводов:

1. Наднациональная военная и политическая западноевропейская элита сформировалась и поддерживается на основе компромисса между четырьмя источниками влияния, описанными в начале.

Долгое время в этом кадровом компромиссе чуть громче звучали ноты Европы, однако в последние несколько лет ключевые посты в НАТО прочно заняли открытые выдвиженцы Вашингтона, а прочие европейские структуры переживают кризис и существенное падение авторитета.

2. Влияние общеевропейской элиты не стоит преувеличивать. Руководители наднациональных институтов — всего лишь модераторы, задача которых проста — помочь выработать и озвучить консенсус, основные параметры которого, в случае НАТО, вырабатываются в Вашингтоне, а в случае других объединений — в дискуссиях «европейских грандов»: Германии, Франции, Великобритании, иногда — Италии. Остальным 25 остаётся только «брать под козырек».

Общеевропейская элита — явление свежее. Может быть, со временем её влияние и значение возрастёт, а может быть — и нет. Пока же на старом континенте самыми влиятельными остаются лидеры стран-грандов.

Япония, наряду с Россией, является одной из немногих мировых цивилизаций, на протяжении веков доказавших способность к фундаментальным системным трансформациям. Самым показательным примером тому служит даже не «японское чудо» 50–60-х годов XX столетия и не эпоха Мэйдзи (1868–1912), а совершившийся в V–VI веках переход практически от каменного века к развитому феодальному обществу. Точно так же предпосылки и «петровских реформ» в конце XVII — начале XVIII веков, и «сталинского рывка» 30–50-х годов были созданы успешным опытом Крещения Руси в конце X века. При этом если в Японии периоды «рывков» сменяются длительными периодами «сна», то для России характерен режим «взлётов и падений».

Возможно, именно поэтому нынешнее состояние Страны восходящего солнца вызывает столько дискуссий и разночтений.

/ Александр ПАНОВ /

«Заморозка» Ямато

*Японская правящая элита
и её внешнеполитический курс*

После разгрома милитаристской Японии союзные державы поставили задачу исключить возможность возрождения японского милитаризма. В этих целях была проведена серия реформ, благодаря которым была не только решена эта задача, но и осуществлена коренная революционная перестройка японского государства. В итоге японское общество избавилось от сохранявшихся и после преобразований эпохи Мэйдзи военно-феодалных пережитков, и Япония стала одним из наиболее развитых буржуазно-демократических государств мира.

Осуществлённые преобразования можно с полным основанием охарактеризовать как революционные.

Была радикально изменена система государственного управления. Произошла не перегруппировка правящих классов, а их смена.

Ограничение роли императорской власти и реформа парламентской структуры свели на нет влияние придворной аристократии.

Поражение в войне и последовавшая ликвидация японской военной машины и армии имели своим следствием устранение с политической сцены японской военщины — гумбацу, традиционно игравшей одну из важнейших ролей в руководстве страной.

По мере осуществления земельной реформы теряли экономическую опору и сходили с политической сцены японские помещики.

Не осталась без изменений и третья составная часть правящих кругов довоенной Японии — монополистическая буржуазия. В результате ликвидации концернов — дзайбацу (монополистические объединения, носящие закрытый семейный, клановый характер) и проведения чистки от активной экономической, равно как и политической деятельности были отстранены хозяева дзайбацу и члены их семей.

Их место в управлении компаниями, банками и промышленными предприятиями заняли администраторы-менеджеры, которые стали вводить новые формы управления компаниями и производством, учитывая опыт США и стран Западной Европы. Отныне на высшие посты в крупном предпринимательстве выдвигались не руководители, связанные семейными или личными узами, а хорошо подготовленные, высокообразованные представители нового поколения бизнесменов. Постепенно они сосредоточили в своих руках ключевые посты в экономических организациях, через которые осуществляются связи деловых кругов с правительством.

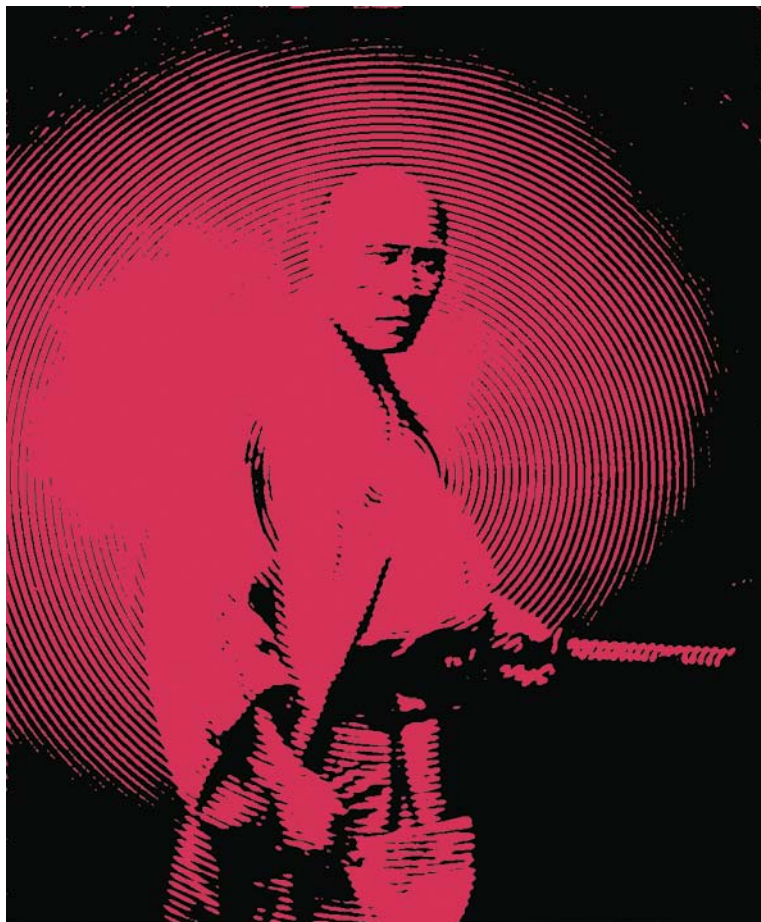
В тесное сотрудничество с лидерами финансовых и деловых кругов — дзайкай — вошли высшие круги бюрократии государственного аппарата. До войны представители бюрократии участвовали в разработке и проведении внутренней и внешней политики. Однако они, как правило, играли подчинённую роль в лагере правящих кругов. В результате реорганизации бюрократического аппарата за счёт ослабления позиций чиновничества, связанного с военной, помещиками, полицией, активную роль стали играть служащие министерства финансов и министерства внешней торговли и промышленности, имеющие связи с финансовыми и деловыми кругами. Многие представители этой бюрократии стали заниматься активной политической деятельностью, пришли к руководству правящей почти непрерывно более 60 лет после её создания в 1955 году Либерально-демократической партией и правительством.

Именно эта «тройка» — политики, деловые круги, государственные служащие-бюрократы — создала прочный союз, поставивший перед собой стратегическую цель: обеспечить устойчивое экономическое развитие страны и на этой основе её выход на передовые позиции в мире в качестве экономически могущественного и политически влиятельного государства.

В концептуальном виде стратегический курс новой правящей группировки был сформулирован одним из наиболее авторитетных представителей японской послевоенной политической элиты Сигэру Есида.

Эта стратегия построения «новой Японии», которая стала незыблемой на многие десятилетия и в незначительно модифицированном виде осуществляется поныне, состоит в том, что основные усилия страны должны концентрироваться на решении экономических задач. Поражение в войне не в последнюю очередь было связано с серьёзным отставанием экономического развития страны, прежде всего — от США. Необходимость приоритетного подъёма экономики виделась в том числе за счёт ограничения расходов на оборону, обеспечение которой было, по существу, передано американским вооружённым силам.

Довоенный лозунг «Богатая страна — сильная армия» (фукоку кёхэй) был заменён лозунгом «Обеспечить процветание страны уменьшением военной силы» (фукоку дзякухэй). Такой курс ставил Японию в зависимость от политики Вашингтона, прежде всего в сфере внешней и военной политики.

Однако в японских правящих кругах было достигнуто согласие относительно того, что для обеспечения стратегической цели «почётногo возвращения Японии в качестве влиятельного государства в мировое сообщество» иного пути нет. При этом в перспективе предусматривалась возможность пересмотра отношений с Вашингтоном, выхода на более независимые позиции, когда для этого созреют соответствующие условия.

«Японская политика в отношении Соединённых Штатов, — подчеркивал Сигэру Есида, — должна измениться, как только положение экономики улучшится и, соответственно, повысится международный статус страны и её самоуважение». «Однако, — настаивает он далее, — поддержание таких дружеских связей с Соединёнными Штатами, основанных на глубоких взаимных интересах, должно быть одним из столпов японской основополагающей политики и всегда оставаться таковым».

Приняв стратегическое решение в пользу союза с США, Япония отказалась, особенно в эпоху холодной войны, от возможности выбора иного позиционирования страны на мировой арене.

В Вашингтоне внимательно следили даже за самыми робкими японскими попытками проявить самостоятельность во внешнеполитических делах и решительным образом их пресекали.

Как отмечали американские политологи, Соединённые Штаты никогда не позволяли Японии осуществлять свой собственный выбор в отношении какого-либо международного присоединения, что могло бы наилучшим образом отвечать её национальным интересам, как она их рассматривает.

Жёсткая привязка к США поставила японскую дипломатию в незавидное положение. Самостоятельной активности по крупным международным проблемам Токио не проявлял. Не случайно долгие годы, да и в настоящее время широко распространено мнение, что у Японии нет внешней политики, а есть только отношения с Соединёнными Штатами. Весьма сложно вспомнить какие-либо действия японской дипломатии на международной арене, которые не были бы согласованы с Вашингтоном, а тем более шли бы вразрез с его позицией.

Напротив, по ряду крайне важных вопросов Токио под давлением или в результате вмешательства Вашингтона принимал решения, наносившие ущерб интересам Японии или не соответствовавшие национальным интересам страны.

«Доктрина Сигэру Есиды» об отношениях с США оказалась удивительно живучей. Причём та её часть, которая предусматривала изменение политики в отношении Вашингтона в результате повышения экономического статуса Японии, так и не была реализована. А вот положение о центральном месте Соединённых Штатов в японской политике остаётся неизблемым и в настоящее время.

Со времён С. Есиды не было ни одного японского премьер-министра, который бы не заявлял о том, что для возглавляемого им правительства «отношения Японии с США являются краеугольным камнем» дипломатической активности. Робкие попытки со стороны отдельных японских политиков претендовать на «более равноправные отношения с Вашингтоном» либо решительно пресекались американским партнёром, создавшим глубоко эшелонированное проамериканское лобби в Японии, либо достаточно широким кругом японских политиков, общественных деятелей, бизнесменов, политологов, убеждённых в том, что в интересах обеспечения безопасности страны альтернативы японо-американскому

военно-политическому союзу не существует. В эпоху холодной войны главным аргументом в обоснование этого вывода являлась «угроза для Японии со стороны могущественного Советского Союза». В нынешние времена главную угрозу японские правящие круги видят в «возвышении Китая» и его «напористой» политике в АТР.

«Наркотическая» зависимость японской дипломатии от американской внешнеполитической стратегии породила в японской политической элите «американскую болезнь». Ее основные симптомы заключаются в проявлении страха потерять «расположение союзника», в боязни того, что могущественный патрон может однажды предать своего младшего партнёра в пользу нового союзника, и Япония окажется не готовой приспособиться к неожиданной для нее ситуации противостоять возможным вызовам её безопасности.

Нынешний премьер-министр Японии Синдзо Абэ является наиболее решительным и последовательным приверженцем философии правого консерватизма, согласно которой Япония должна следовать заветам С. Есида, но, демонстрируя преданность союзу с США, более решительно избавляться от «комплекса поражения во Второй мировой войне», «подвести черту под политикой послевоенного времени» и начать возрождение Японии «в качестве самобытной», одной из ведущих держав мира.

Философия С. Абэ соответствует взглядам других ведущих представителей правоконсервативного крыла японской политической элиты.

Среди них — бывший премьер-министр, один из наиболее авторитетных политиков Ясучиро Накасонэ и, конечно же, дед нынешнего главы правительства Нобусукэ Кимси (премьер-министр в 1957–1960 гг.). Именно он, а не отец Синдзо, политик умеренно-либерального правления Синтаро Абэ, оказал основополагающее воздействие на формирование его взглядов. До конца своих дней Н. Кимси считал войну Японии «справедливой» и даже «священной» и высказывался за создание «новой Японии», подразумевая при этом не в последнюю очередь пересмотр конституции.

Правоконсервативная группировка в японских правящих кругах настроена проамерикански, делает ставку на усиление союзнических отношений с США, поддержку «американского возвращения», прежде всего военного, в АТР, а также на увеличение собственно японских возможностей по наращиванию военного потенциала страны, для чего необходимо устра-

нение соответствующих конституционных ограничений.

При этом предусматривается проведение политики «твёрдого ответа» и на китайский вызов, особенно на китайские территориальные претензии на японские острова. Но что более существенно взят курс на осуществление мер по формированию «пояса сдерживания» Китая из азиатско-тихоокеанских стран, разделяющих «фундаментальные ценности», такие как верховенство права, права и свободы человека.

Тем не менее правоконсервативной группировке предстоит считаться с наличием в японских политических и общественных кругах и иных взглядов. Группировка, их выражающая, не имеет на настоящее время харизматичных лидеров, уступает правоконсерваторам и в численности, и в возможностях проецирования своего влияния. В японских и американских политологических кругах она получила название «группировки автономистов».

В эту группировку нередко включают и «пацифистов», то есть отстаивающих приверженность «мирного, неагрессивного развития» страны и сторонников большей самостоятельности Японии в качестве суверенного независимого государства, обладающего военным потенциалом, достаточным для обеспечения обороны собственными силами. В целом пацифистские настроения сохраняются в значительной части японского населения, не забывшего ужасов и страданий военного времени.

Объединяет и тех и других, во-первых, сомнение в том, что США будут и впредь готовы применить военную силу для защиты Японии в случае вооружённого конфликта с Китаем или КНДР, а во-вторых, уверенность в том, что Вашингтон склонен договориться с Пекином о разделе АТР на зоны влияния, причём Япония в таком случае окажется на «вторых ролях», и её национальные интересы будут ущемлены.

Основания не доверять американцам, по мнению «автономистов», имеются. Заявив о превращении Азиатско-Тихоокеанского региона в «центральную опору» своей глобальной стратегии, США, как они полагают, не имеют достаточных ресурсов, в т.ч. финансовых, для её полноценного осуществления. А следовательно, Вашингтону придётся идти на уступки Пекину.

«Автономисты» полагают, что в сложившейся ситуации Японии следует вести собственную игру. Пока внешние угрозы со стороны Пекина не достигли реально критической стадии, следует налаживать и поддерживать корректные

и даже дружеские отношения с Китаем, используя двустороннее экономическое сотрудничество для интересов «возрождения» японской экономики. «Автономисты» выступают и за серьёзное улучшение отношений с Россией.

Именно с таких позиций начало действовать пришедшее к власти в 2009 году правительство до того оппозиционной Демократической партии во главе с премьер-министром Хатояма Юкио.

Несмотря на то что Ю. Хатояма неоднократно заявлял о том, что рассматривает союз Японии с США в качестве основы японской внешней политики и выступает лишь за адаптацию его к новым реалиям, в Вашингтоне однозначно оценили нового главу японского правительства как антиамерикански настроенного и начали предпринимать усилия по дискредитации его деятельности и демонстрировали своё критическое отношение к нему.

Согласно раскрытым WikiLeaks дипломатическим документам, в т. ч. телеграммам посольства США в Японии, направленным в Вашингтон, в Белом доме с первых дней нахождения Хатоямы во главе японского правительства не доверяли ему.

Вашингтон при поддержке проамериканских японских политиков и дипломатов развернул активную деятельность по дискредитации, противодействию политике премьер-министра Ю. Хатоямы и в конечном итоге добился его отставки. А вслед за этим к управлению страной вернулась ЛДП, что успокоило американскую политическую элиту относительно твёрдой приверженности Токио союзу с США.

В ходе официальных переговоров С. Абэ и Б. Обамы обе стороны договорились укреплять двусторонний военно-политический союз, повысить уровень сотрудничества в сфере безопасности. Глава японского правительства пообещал, что Япония увеличит расходы на оборону и примет законы, позволяющие стране, вопреки мирным положениям конституции, ограничивающим деятельность в военной сфере, осуществлять «право на коллективную самооборону», под чем подразумевается возможность японских вооружённых сил действовать совместно с американскими вооружёнными силами за пределами японской территории, в том числе оказывать им боевую поддержку, если они действуют в интересах обороны Японии.

С. Абэ выполнил эти обещания. Законы «о праве на коллективную самооборону» вступили в силу осенью 2015 года, что вызвало критическую реакцию в Китае и озабоченность у соседних с Японией азиатско-тихоокеанских государств.

Японское правительство поддержало санкции, введенные США и Европой в отношении РФ в связи с событиями в Крыму и на юго-востоке Украины. Вместе с тем они носили менее острый характер. На встречах с американским президентом и в беседах с канцлером ФРГ А. Меркель и президентом Франции Ф. Олландом С. Абэ объяснял это тем, что Япония, в отличие от других стран «Семёрки», не может не вести диалога с Россией по двум причинам. Во-первых, между двумя странами сохраняется территориальная проблема, которую Токио заинтересован решить в свою пользу, и, во-вторых, для Японии «было бы кошмаром, если бы Москва и Пекин объединились на анти-японской платформе» (иными словами, речь идёт о том, чтобы попытаться, развивая связи с РФ, «оттянуть», насколько это будет возможно, Москву от Пекина). Не случайно С. Абэ продолжает настойчиво повторять приглашение президенту В. В. Путину посетить Японию.

Но при этом глава японского правительства не забывает регулярно подчёркивать приверженность Токио в отношениях с Москвой «западной солидарности».

Подводя итоги, не остаётся иного вывода, как исходить из того, что внешнеполитическая стратегия Японии продолжает выстраиваться с опорой и вокруг японо-американского военно-политического союза и останется таковой по крайней мере на обозримую перспективу.

К настоящему времени два поколения вышних эшелонов японской элиты насыщены многочисленными выходцами из американских университетов и бизнес-школ. Они фактически воспитаны в духе ориентации на американские ценности и идеологию, на априори одобрение американской внешней политики.

Приход в конце прошлого — начале нынешнего веков в японскую «большую политику» нового поколения политиков, неотягощённых «послевоенным синдромом» и «заражённых» амбициями возродить величие Японии на основе традиционных ценностей, не приводит к серьёзному изменению подхода к союзу с США, но сопровождается в большей степени, чем прежде, националистической риторикой.

/ Анатолий КОШКИН /

Япония: закат или восход?

*Страна восходящего
солнца ищет свой
путь в XXI веке*

Начиная со Средних веков политическая жизнь страны Ямато, как именовалась тогда Япония, строилась на основе взаимоотношений тогдашних элит: императора и его двора, а затем — верховного военачальника сёгуна, с элитами на местах — даймё (князей) и служившим им военным дворянством, самураями. Большое значение имели также взаимоотношения между кланами даймё, определявшие мир или войну в стране.

Приход на Японские острова капитализма привёл к известному оттеснению от руководства политикой прежней японской аристократии и повышению роли финансово-промышленной знати, стремившейся подчинить своим интересам не только внутреннюю, но и внешнюю политику, призванную обеспечивать экономическое развитие страны за счёт внешней экспансии. Место феодальных кланов на вершинах власти заняли политики и дипломаты, близкие к тем или иным концернам, дзайбацу.

Открытый переход Японии к созданию вооружённым путём обширной колониальной империи в Восточной Азии и на Тихом океане выдвинул на первые роли военных. Наиболее крупными управлявшими Японией кланами стали генералитет и старшее офицерство императорской армии, с одной стороны, и императорского военно-морского флота — с другой.

Существует мнение, что поражение Японии во Второй мировой войне и демократизация страны по американской модели коренным образом изменили политическую жизнь страны, а также характеристики её элиты, которые сегодня исповедуют принципы буржуазной демократии и рыночной экономики, мало чем отличаясь от других стран Западного мира. Не отвергая влияния Запада, и в первую очередь — США, на многие стороны послевоенной жизни Страны восходящего солнца, в то же время представляется важным не упускать из виду те особенности политической, экономической, идеологической, культурной жизни японцев, без понимания которых трудно оценивать сегодняшнюю и завтрашнюю политику этого государства.

ОККУПАЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

2 сентября 1945 года в результате подписания представителями японского правительства Акта о безоговорочной капитуляции прекратило свое существование государство Великая японская империя. Капитуляция была принята на американском линкоре «Миссури», для этой цели вошедшим в Токийский залив. Над лин-

кором был поднят тот самый флаг, который за 92 года до того нёс коммодор Мэтью Перри, орудиями своей эскадры навязавший Японии неравноправный договор и «открывший» страну для иностранной торговли. Тем самым подчёркивалась полная победа США над Японией и её подчинение воле победителя.

После капитуляции страна была оккупирована американскими войсками вплоть до вступления в силу в 1952 г. мирного договора. В течение этого периода Япония не обладала государственным суверенитетом, правительство и император подчинялись верховному командующему союзными войсками генералу Д. Макартуру. Решением проходившего в декабре 1945 г. в Москве совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании были созданы Дальневосточная комиссия в Вашингтоне для выработки политики в отношении Японии и Союзный совет для Японии в Токио, в который входили также представители Китая. Хотя осуществлявший непосредственное управление оккупированной Японией генерал Макартур и вашингтонская администрация стремились насадить в стране удобные им порядки, в известной степени они были вынуждены считаться с предложениями и мнением входивших в вышеуказанные органы других держав, требовавших выполнения условий Потсдамской декларации, в том числе — глубокой демилитаризации и демократизации поверженной страны.

В период оккупации были распущены японские императорские армия и флот, а также состоявшие из милитаристских профашистских элементов националистические организации. Военные преступники были преданы суду. Ликвидирована тайная полиция. Лишалась своего статуса и привилегий японская родовая аристократия «кугэ» и служивая аристократия. В результате земельной реформы исчез класс помещиков-латифундистов. Были распущены парламентские партии прежнего государства.

В итоге прежняя политическая элита Японии была практически полностью устранена от управления государством. В значительной степени то же произошло и с финансово-промышленной элитой. Дзайбацу директивами штаба оккупационных войск были распущены.

С другой стороны, были декларированы свободы: слова, печати, собраний, создания организаций. Впервые в истории страны было введено всеобщее избирательное право, мужчины и женщины уравнивались в правах. В Японии в различных отраслях создавались

профсоюзные объединения, крестьянские союзы. Реформировалась на демократических принципах система образования. Из школ были изгнаны националистически и шовинистически настроенные учителя.

Политическая жизнь новой Японии началась уже вскоре после капитуляции. 9 ноября 1945 г. была создана Либеральная партия Дзюто, а 16 ноября 1945 г. — Прогрессивная партия Симпото, переименованная в марте 1947 г. в Демократическую партию. Обе эти партии отражали интересы японской буржуазии и выступали за либеральную экономику, то есть главенство в промышленном и сельскохозяйственном производстве частной собственности, развитие капиталистического уклада общества.

Одновременно с буржуазными партиями для отстаивания интересов рабочего класса и крестьянства в ноябре 1945 г. была создана Социалистическая партия Сякайто. Она опиралась на поддержку профсоюзов и неорганизованных рабочих, а также части мелкого чиновничества и интеллигенции. В известной степени политическими конкурентами за влияние на рабочий класс страны выступала вышедшая из подполья Коммунистическая партия Японии (КПЯ). 1 декабря 1945 г. был легально проведён IV съезд КПЯ. Более решительные, чем у социалистов, цели в защиту интересов трудовых слоёв народа обеспечивали коммунистам поддержку определённой части трудящихся Японии. В том числе среди членов зарегистрированных к тому времени профсоюзов, общая численность которых составляла 5,5 млн человек. Влиятельной силой стал созданный в феврале 1946 г. Японский крестьянский союз, насчитывавший 1,2 млн членов.

Однако левым силам не удалось сплотиться и завоевать поддержку большинства избирателей на первых послевоенных выборах. По результатам прошедших по новому избирательному закону в апреле 1946 г. всеобщим выборам большинство получила Либеральная партия, которая в коалиции с Прогрессивной партией образовала кабинет во главе с премьер-министром Сигэру Ёсида. Действовавшее в условиях оккупации правительство было техническим, оно не могло вырабатывать какие-либо серьёзные решения, его задачей было осуществление приказов штаба Макартура. В свою очередь, Макартур на данном этапе ещё не задавался целью создания новой японской национальной элиты. Ему нужны были только исполнители. Американцы согласились с выдвижением на пост премьер-министра Ёсиды, выяснив,

что он, хотя и входил в круг прошлой элиты, являясь высокопоставленным дипломатом, высших руководящих постов в прежней Японии не занимал. Более того, в известной степени он дистанцировался от агрессивной линии Токио во внешней политике.

Правительство Ёсиды не смогло разрешить сложнейшие социально-экономические проблемы лежавшей в руинах страны. Положение усугублялось тем, что не заинтересованные в первые послевоенные годы в восстановлении японской экономики как конкурента на мировых рынках американцы не предпринимали действенных мер по выводу населения из бедственного положения. Не желая мириться с крайней нищетой и разрухой, ведомые профсоюзами наёмные рабочие Японии требовали улучшения условий труда, повышения зарплаты. Появлялись и политические лозунги против установленных в стране оккупационных порядков. В 1946 г. по стране прокатились забастовки, в которых приняли участие около 4 млн трудящихся.

Получившие избирательные права граждане Японии требовали власти, отвечавшей их интересам. Что и проявилось на парламентских выборах в апреле 1947 г., на которых победила Социалистическая партия. Было образовано коалиционное правительство во главе с правым социалистом Тэцу Катаяма. Однако и этот кабинет оказался недееспособным. К тому же усиление влияния в стране левых партий не входило в планы США. Через год кабинет министров возглавил Хитоси Асида — представитель буржуазной партии, на этот раз демократической. Это правительство продержалось ещё меньший срок, и в ноябре 1948 г. кресло премьер-министра вновь занял Сигэру Ёсида, который проявлял большую лояльность к оккупационной администрации.

К этому времени была принята составленная при непосредственном участии штаба оккупационных войск и госдепартамента США новая конституция Японии. Конституция, признавая императора «символом государства и единства народа», в то же время серьёзно ограничивала его права и государственные функции, сводя их главным образом к церемониальным.

Объявлялось, что суверенная власть в стране «принадлежит воле всего народа». При этом устанавливалось, что «парламент является высшим органом государственной власти и единственным законодательным органом государства».

Размах забастовочного движения в стране и успехи левых сил на выборах различного уровня побудили оккупационный режим пре-

кратить «игры в демократию». Макартур дополняет свой запрет забастовок на предприятиях энергетической промышленности принятием закона о лишении права на забастовки государственных служащих.

В 1948–1949 гг. штаб Макартура и администрация США фактически отказались от либеральной политики в отношении Японии и её народа. Обвинив коммунистов в подготовке к вооружённому захвату власти, оккупационные власти развернули гонения на КПЯ, вынудив её перейти на полулегальное положение. Преследованиям подвергались также левые профсоюзы, демократические организации, выступавшие за мирное независимое развитие Японии, установление добрососедских отношений со всеми странами, включая социалистические.

Рубежом окончательного сворачивания «оккупационной демократии» можно считать осень 1949 года, когда Советский Союз овладел атомным оружием, а в Китае после победы над гоминдановскими войсками было создано государство во главе с коммунистами. Холодная война приобрела зримые очертания. Именно тогда в Вашингтоне было принято решение превратить Японию в «оплот против коммунизма» на Дальнем Востоке, в «непотопляемый авианосец» США.

В мае 1950 г. Макартур обнародовал концепцию господства США в Азиатско-Тихоокеанском регионе: «Теперь Тихий океан превратился в англосаксонское озеро, и наша линия обороны проходит через цепь островов, окаймляющих берега Азии. Эта цепь берёт свое начало с Филиппинских островов, продолжается архипелагом Рюкю, в который входит главный остров Окинава, затем она, поворачивая назад, проходит через Японию, Алеутские острова и Аляску».

В Вашингтоне сочли необходимым создать на Дальнем Востоке образец процветающего буржуазного государства, некоего «общества всеобщего благоденствия». Для превращения Японии в успешно развивающееся на капиталистической основе государство, обеспечивающее более высокий уровень жизни населения, чем в странах социализма, правительство США разработало программу «экономической стабилизации» побеждённой страны. С этой целью в Японию была направлена американская миссия во главе с банкиром Джозефом Доджем.

Восстанавливать японскую экономику предусматривалось методом «шоковой терапии». Для преодоления инфляции была проведена жёсткая налоговая реформа, в основу которой лёг принцип прогрессивного подоходного на-

лога. Вместо субсидирования промышленников правительство направило помощь банкам, которые стали выдавать компаниям кредиты под свою ответственность. На многих крупных предприятиях была заморожена выплата и без того мизерной зарплаты, прошла волна массовых увольнений, японцы туго затянули пояса. Был установлен жёсткий курс йены к доллару. Результатом проведения реформ в русле «линии Доджа» стало принятие бездефицитного госбюджета, стабилизация йены и постепенное налаживание внешней торговли.

Выполнению этой программы в значительной степени способствовала война на Корейском полуострове, которая была ответом США на создание КНДР и КНР. Как известно, Япония в этой войне активно использовалась как тыловая и ремонтная база американской армии. В нарушение конституции 1947 г. оккупационные власти стали на путь воссоздания японских вооружённых сил.

На повестку дня встал вопрос о создании в Японии лояльной США политической, финансовой, производственной и иных элит. Од-

нако достаточного количества подготовленных кадров в стране не было. Поэтому с согласия США было решено амнистировать военных преступников и лишённых должностей лиц, сотрудничавших с милитаристским режимом. Кроме осуждённых судом Токийского трибунала главных японских военных преступников после войны наказанию были подвержены и многие другие обвинённые в преступлениях бывшие военнослужащие и чиновники. Среди них к смертной казни были приговорены 973, к пожизненному заключению — 338 человек. Всего же различные сроки наказания отбывали 3 тысячи осуждённых. Кроме того, насчитывалось свыше 200 тысяч человек, отстранённых от должностей чиновников различного ранга и педагогов — носителей милитаристской идеологии. Прибывали в Японию и отбывавшие за рубежом трудовую повинность многочисленные военнопленные — бывшие солдаты и офицеры императорской армии.

После заключения в 1951 г. мирного договора, формально восстановившего государственный суверенитет страны, японские «бывшие» стали вливаться в политические и иные структуры, а прежняя элита — активно восстанавливать свои руководящие позиции. С благословения Вашингтона военные преступники стали творцами «японской демократии» по американским

лекалам. В подтверждение этого тезиса приведём лишь некоторые примеры.

Осуждённый Токийским трибуналом к длительному тюремному заключению министр торговли и промышленности Нобусукэ Киси после досрочного освобождения по амнистии сразу занялся партийной деятельностью, разрабатывая планы «строительства новой Японии». В 1957 г. стал председателем либерально-демократической партии и премьер-министром Японии.

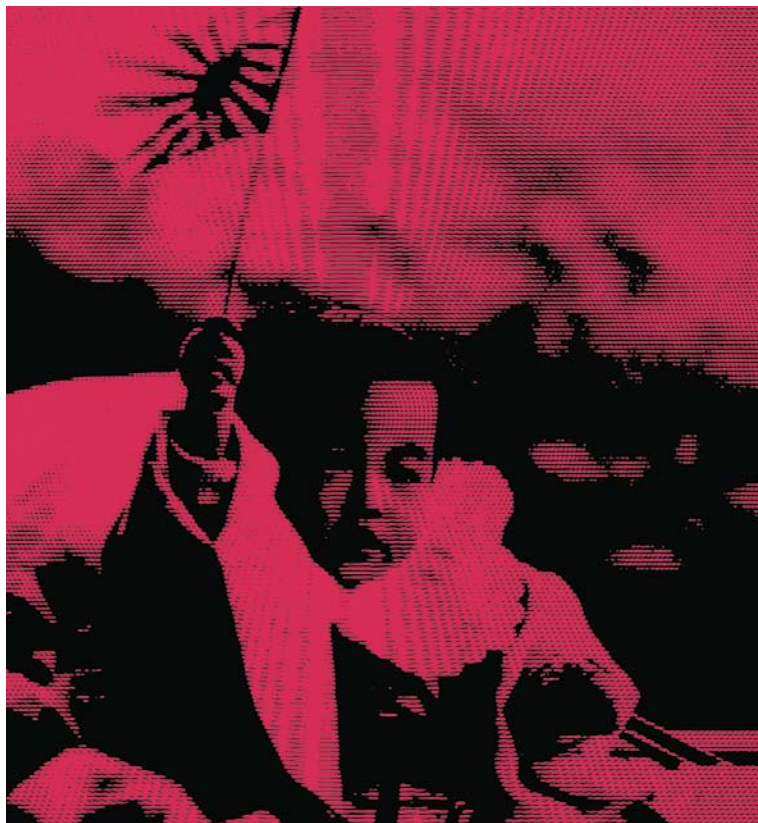
Подписавший в качестве министра иностранных дел Акт о безоговорочной капитуляции Мамору Сигэмицу, проведя по приговору Токийского трибунала в тюрьме Сугамо лишь часть срока (4 года и 7 месяцев), был амнистирован в 1950 году. Через два года он уже возглавлял Прогрессивную партию Японии, а затем был заместителем председателя Демократической партии Японии. В середине 50-х годов занимал пост министра иностранных дел, являлся представителем Японии в ООН.

Один из составителей плана нападения на Пёрл-Харбор Минору Гэнда, избежав благодаря заступничеству генерала Макартура суда Токийского трибунала, в 50-е годы в звании генерала занимался военным строительством и созданием запрещённых конституцией вооружённых сил. После выхода в отставку был избран депутатом парламента от ЛДП. Активно ратовал за ядерное вооружение Японии.

Таким образом, можно говорить не столько о создании новой японской элиты, сколько о возвращении к руководству страной высокопоставленных представителей прежней, ввергшей Японию в кровопролитную войну политической знати страны.

ПАРТИЯ «ДЕНЕЖНОГО МЕШКА»

Вернувшиеся на политическую арену фигуры разделились по вопросу о будущем Японии: одни требовали пересмотреть «пацифистскую» конституцию и воссоздать вооружённые силы, а другие предлагали не спешить, под прикрытием и с помощью США развивая экономику страны. Для этого они не только соглашались, но и просили американцев как можно дольше сохранять военное присутствие на Японских островах. Однако и те и другие осознавали, что в любом случае необходимо обуздать или существенно ограничить влияние на население левых сил, не допуская их к центральной власти. К тому времени профсоюзы и другие левые силы свои экономические требования стали дополнять политическими: запрещение ядерных испыта-

ний, отказ от японо-американского Договора безопасности (военный союз), ликвидация американских военных баз на японской территории, прекращение ввоза в Японию атомного оружия. В этой обстановке не без подсказки Вашингтона Демократическая и Либеральная партии в ноябре 1955 г. вновь объединились и создали Либерально-демократическую партию Японии (ЛДП). Перед этим произошло объединение ранее расколовшихся на правую и левую социалистических партий и воссоздание Социалистической партии Японии (СПЯ).

После создания так называемой «системы 1955 года» на парламентских выборах основная борьба разворачивалась между ЛДП и СПЯ. Другие политические партии, хотя и завоёвывали определённое число мест в обеих палатах парламента, существенного влияния на расклад сил в высшем законодательном органе страны не оказывали. СПЯ же добивалась серьёзных успехов, проводя в парламент до трети его состава. Это при сотрудничестве социалистов с другими оппозиционными партиями не позволяло ЛДП иметь в парламенте конституционное большинство в две трети депутатов, необходимое для принятия затрагивающих интересы всего общества законов.

Главным фактором, обеспечивающим успех на выборах в японский парламент, традиционно является наличие у кандидата триады «дзибан—камбан—кабан». «Дзибан» — избирательный округ, где кандидат имеет электоральную поддержку и действующий избирательный штаб, «камбан» («вывеска») — известность и популярность кандидата в силу тех или иных причин в избирательном округе, и «кабан» — «чемодан денег», необходимый для финансирования избирательной кампании. При этом последний фактор является определяющим. Провозглашённые конституцией равные права на выборах имеют лишь декларативный характер. Ибо используемые на избирательную кампанию денежные средства ЛДП не идут ни в какое сравнение с финансовой базой оппозиционных сил. Спонсором либерал-демократов неизменно выступает крупный капитал, а отражающие интересы наёмных работников страны партии могут полагаться лишь на субсидирование из профсоюзных касс.

При этом связи политической элиты, представленной депутатским корпусом правящей партии, с элитой финансовой и промышленной глубоки и разнообразны. Во второй половине XX века большинство депутатов парламента от ЛДП были выходцами из семейных кланов

профессиональных политиков или представителями дзайбацу. Япония — пожалуй, единственная в мире страна, где свыше половины депутатов правящей партии являются политиками во втором или третьем поколении.

Для того чтобы представить масштабы семейственности в японской политической элите, достаточно ознакомиться с родственными корнями премьер-министров Японии за последние десять лет.

Синдзо Абэ, премьер-министр в 2006–2007 гг. и с 2012 г. по настоящее время. Внук премьер-министра Нобусукэ Киси, сын министра иностранных дел Синтаро Абэ.

Ясуо Фукуда, премьер-министр в 2007–2008 гг. Сын премьер-министра Такэо Фукуда.

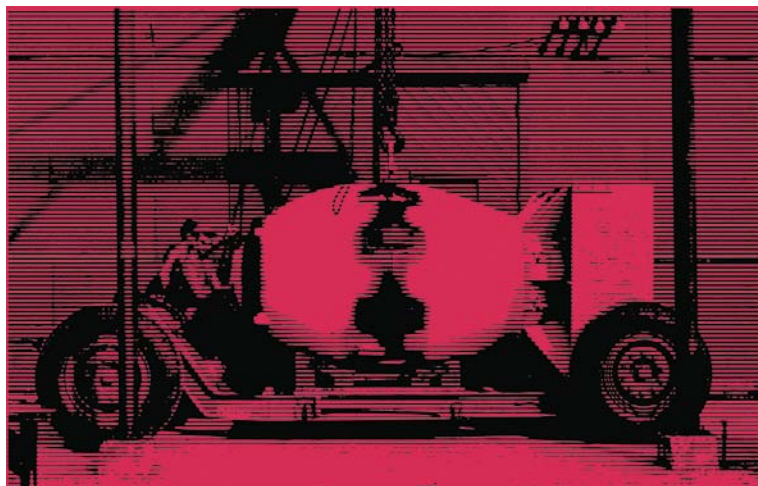
Таро Асо, премьер-министр в 2008–2009 гг. Внук премьер-министра Сигэру Ёсида.

Юкио Хатояма, премьер-министр в 2009–2010 гг. Правнук председателя палаты представителей парламента Японии Кадзуо Хатояма, внук премьер-министра Итиро Хатояма, сын министра иностранных дел Иитиро Хатояма.

Не приходится говорить, что эти и другие руководители Японии от ЛДП — выходцы из весьма состоятельных семей. Так, например, семья Асо с довоенных времен владеет крупнейшей цементной компанией «Асо сэмэнто», а клану Хатояма принадлежит транснациональная корпорация по производству автопокрышек «Бриджстоун».

Принадлежность японских политиков к тем или иным кланам определяет такую особенность структуры Либерально-демократической партии, как наличие внутри неё различных фракций, которые преследуют свои интересы и нередко финансируются крупными финансовыми объединениями и производственными концернами.

Так, как в период быстрого экономического роста 50–60-х годов крупные промышленные, финансовые и торговые объединения страны концентрировали капиталы для модернизации и расширения производства и не могли в полной мере субсидировать правящую ЛДП, роль спонсора этой партии выполняла администрация США. Рассекреченные документы госдепартамента США свидетельствуют о том, что в этот период американские дипломаты и сотрудники спецслужб разработали и широко использовали механизм предоставления тайной финансовой помощи кандидатам ЛДП, с помощью денег продвигая угодных Вашингтону политических лидеров. Приведём лишь одну из шифровок посла США в Японии Эдвина Рейшауера от 16 июля

1965 г. на данную тему: «Окинава — небольшой городок (*вообще-то Окинава — это остров. — А. К.*). Все политические манёвры, в особенности когда речь идёт о деньгах, сразу становятся известны всем. Поэтому нам необходимо отыскать такую форму передачи денег нашим друзьям, чтобы она не вызвала нареканий».

В период «экономического чуда» в Японии, быстрого роста производства и расширения экспорта высоко конкурентоспособной продукции роль «кошелька ЛДП» стали играть возрождённые дзайбацу, фактически контролирующие политику и законодательную деятельность либерал-демократов. Место официальной финансово-промышленной элиты страны заняли влиятельнейшие объединения монополистического капитала страны: Федерация экономических организаций (Кэйданрэн), Торгово-промышленная палата (Ниссё), Комитет по вопросам экономического развития (Кэйдзай доюкай), Федерация предпринимательских организаций (Никкэйрэн).

О мощи и влиятельности этих организаций свидетельствует смена власти в стране в 2009 году. Поставив задачу создания в Японии по примеру США системы двух больших партий, крупный капитал в известной степени «допустил» победу на всеобщих выборах Демократической партии Японии. При этом, по некоторым данным, часть обычно выделявшихся бизнесом на выборы для ЛДП финансовых средств была передана ДПЯ, что и способствовало её победе.

Третьей составляющей японскую элиту силой является высшее чиновничество, имеющее тесные связи как с политиками, так и с бизнесом. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать списки членов дорогих гольф-клубов, стоимость членства в которых сознательно завышена, дабы не допускать туда

«непосвящённых». Как известно, наиболее важные сделки и политические решения принимаются главным образом во время игры в гольф.

Кроме гольф-клубов существуют и «клубы по интересам» власть имущих Японии. Нередко они называются по дням проведения встреч и заседаний — например, «Общество среды» или «Общество четверга». Как правило, о деятельности подобных клубов в японских СМИ ничего конкретного не сообщается.

Тесная спайка политиков, единолично правивших до 1993 г. ЛДП, с предпринимателями страны проявляется в самых разнообразных формах. Это и лоббистская деятельность в интересах крупных компаний, и коррупционные схемы, и прямой подкуп депутатов парламента, и нарушения избирательного закона. Специфической формой лоббистской деятельности бывших членов кабинета министров и депутатов является ставшая традиционной практика «амакудари».

«Амакудари» дословно переводится как «спуск с небес», а употребляется это выражение применительно к ситуации, когда бывший правительственный чиновник высокого ранга занимает один из постов в руководстве частной или смешанной компании. После выхода на пенсию, нередко досрочного, чиновник «трудоустраивается» на высокооплачиваемую должность в одну из тех крупных компаний, которые курировал, находясь на государственной службе. Затем, используя связи в государственных учреждениях, он помогает компании добиваться выгодных контрактов и оказывает иные «услуги» своему новому работодателю. Согласно закону о правительственных служащих, чиновникам запрещается поступление на службу в частные компании в течение двух лет после ухода с государственной должности, но это требование удаётся обходить. Многочисленные в Японии коррупционные скандалы нередко имеют прямую связь с практикой «амакудари».

То, насколько глубока и прочна связка политической и бюрократической элит Японии, продемонстрировали попытки руководства пришедшей в 2009 г. к власти Демократической партии ограничить власть высшего чиновничества, в частности — искоренить практику «амакудари». Были выдвинуты лозунги «Отделить политиков от бюрократов!», «Вернуть политику политикам!». Ответом стал откровенный саботаж политических и экономических решений демократов со стороны госчиновников, что, в конечном счете, явилось одной из причин сокрушительного провала ДПЯ и резкого сокра-

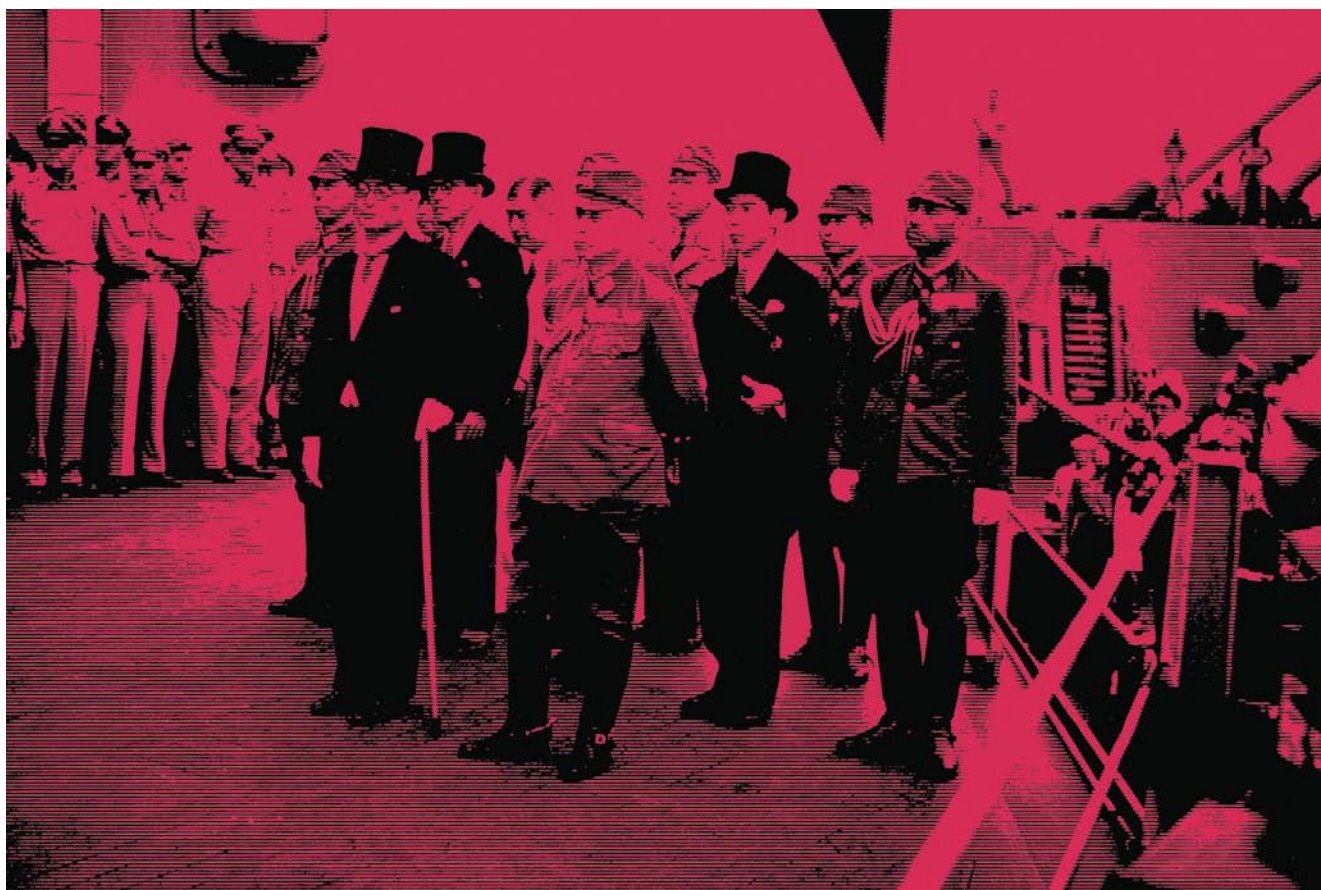

щения поддержавшего её электората. В полной мере подтвердилась справедливость положения о том, что «политики приходят и уходят, а бюрократы остаются на своих местах».

Не искоренён из практики политической жизни и такой институт, как «куромаку». Термин «куромаку» (тёмный занавес) восходит к атрибутике средневекового японского кукольного театра бунраку. Так называют кукловодов, которые, скрыв своё тело и лицо чёрными одеяниями, манипулируют насаженными на палочки куклами. Зритель знает об их существовании, но как бы не видит. Впоследствии этот термин был перенесен на закулисных деятелей, роль которых напоминала существовавших на Западе «kingmaker» (делателей королей). Японские «куромаку», пользуясь крупными финансовыми средствами, как правило, нажитыми несправедливым путем, оказывали влияние на политику, бизнес, управление государством. Бывало, что в роли «куромаку» выступали боссы организованной преступности Японии. Наиболее одиозной фигурой в этом ряду являлся Ёсио Кодама.

В 20-е годы XX века Кодама сблизился с влиятельными ультранационалистическими организациями страны, использовавшими в своей деятельности мафиозные методы. Добиваясь

усиления своего влияния, он и его соратники прибегали к запугиваниям и убийствам, в том числе политических деятелей, за что неоднократно оказывались в тюрьме. Это, однако, не помешало ему в 30-е годы вступить в армию, а затем стать ценным секретным агентом МИД Японии. Поставляя в годы войны из оккупированных стран стратегические материалы, Кодама сколотил огромное состояние в 175 миллионов долларов, став одним из самых богатых людей в Азии. В действительности же главными статьями дохода были расхищение природных ресурсов Китая, контрабанда опиума, незаконная торговля оружием. В конце войны Кодама возвратился из Китая в Японию и стал главным советником премьер-министра, принца Хигасикуни. В 1946 г. американские власти его арестовали и, как военного преступника класса «А», заключили в токийскую тюрьму «Сугаму». Однако разведслужба штаба оккупационных войск, признавая зловещий облик этого японского националиста, в то же время пришла к выводу о том, что его можно и должно использовать для исполнения планов США по строительству нового японского государства. В одном из документов американской разведки указывалось: «Кодама опасен вдвойне.

Его многолетняя активная ультранационалистическая деятельность выделяется жестокостью и влиянием на молодёжь, что в случае освобождения делает его крайне опасным. Кроме того, его тесное сотрудничество в эскалации японской войны, скорее всего, принесло ему колоссальное состояние, благодаря чему он способен профинансировать деятельность любого вида. Таким образом, Кодама мог бы стать одним из главных действующих лиц в восстановлении Японии».

Выпустив этого «опасного ультранационалиста» из тюрьмы, американцы использовали его для контрабандных поставок из Китая вольфрама, подавления через связанные с ним мафиозные структуры коммунистических и других левых сил. «Прощение» оккупационного штаба США Кодама получил и за обильное финансирование Либерально-демократической партии Японии, среди руководителей которой он пользовался непререкаемым авторитетом. Этот теневой деятель был вовлечён во многие скандалы послевоенной эры, в том числе и те, где явно просматривался след крупных американских концернов и ЦРУ. Самым известным из них считается «дело Локхид» 70-х годов о крупной денежной взятке от этого самолётостроительного концерна тогдашнему премьер-министру Японии Какуэй Танака. За кулисами этой сделки был всё тот же Кодама, связь которого с премьером была широко известна.

В целом же тесные связи «слуг народа» с руководителями организованной преступности Японии, якудза, даже не скрываются. История ЛДП с момента создания и по сей день изобилует финансовыми скандалами, лишениями из-за коррупции депутатских мандатов, судеб-

ными разбирательствами. Не случайно в народе и прессе эту партию называют партией «денежного мешка», чему в немалой степени способствует японское законодательство, по которому депутатам парламента не возбраняется заниматься предпринимательской деятельностью.

Небезынтересно, что деятели ЛДП умудряются наживаться даже на сложных японо-российских отношениях, как это было со скандально известным заместителем генерального секретаря ЛДП, депутатом парламента Мунэо Судзуки. Этот оборотистый парламентарий, пользуясь своим влиянием в руководстве партии, фактически подчинил себе работавших на российском направлении сотрудников японского МИДа и через них манипулировал переговорами с Москвой, наладив при помощи высокопоставленных российских дипломатов прямые контакты с президентом Ельциным.

Во время конфиденциальных бесед с российскими политиками и дипломатами Судзуки недвусмысленно намекал на возможность склонить японское правительство пойти на компромиссное решение так называемого «курильского вопроса». В то же время своим японским контрагентам он обещал «решить вопрос в полном объёме». Однако многое говорит о том, что при этом преследовались не столько государственные, сколько сугубо личные цели «добровольного посредника». Ибо в случае согласия российской стороны на передачу даже части искомым Токио островов, эти богатые морепродуктами районы скорее всего административно вошли бы в состав избирательного округа Судзуки на Хоккайдо, со всеми вытекающими материальными выгодами.

Окончилась эта авантюра для ушлого политика печально. Были вскрыты факты получения им взяток от фирм, которым он поручал поставлять на Курилы в виде гуманитарной помощи строительное, медицинское и иное оборудование. В итоге в результате разоблачений в прессе Судзуки был исключён из партии, лишился депутатского мандата и приговорён судом к двухгодичному заключению в тюрьме, а также к выплате штрафа в 11 млн йен. Однако японская демократия такова, что после освобождения он не был поражён в правах и, сохранив триаду «дзибан—камбан—кабан», создал состоящую из себя лично мини-партию и вновь оказался в парламенте.

Снижение темпов развития страны, падение жизненного уровня народа вкупе с превывсившей всякие рамки коррупции привели к падению авторитета ЛДП и, как следствие, её поражению

на всеобщих выборах сначала в верхнюю, а затем и нижнюю палаты парламента.

ПРАВЫЙ ПОВОРОТ

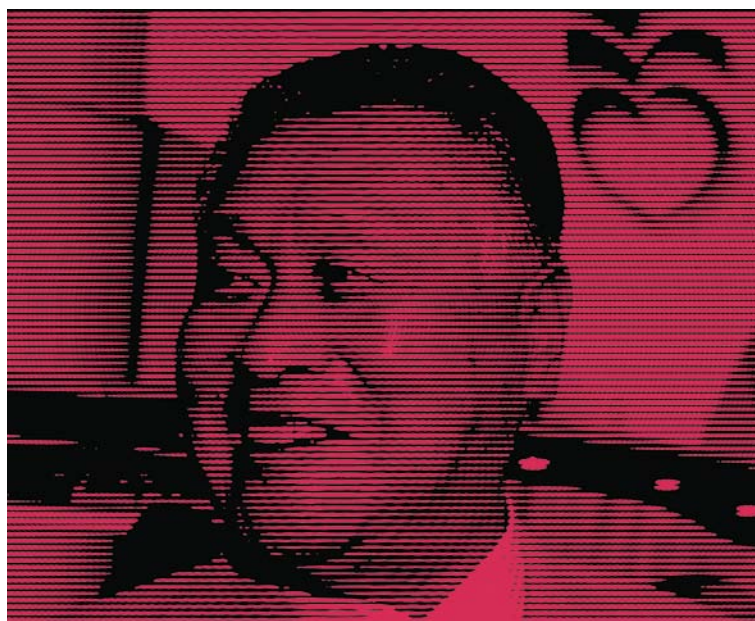
Поражение ЛДП на выборах 2009 г. заставило японскую элиту, с одной стороны, предпринять меры по улучшению имиджа этой партии среди населения, «повысить мораль» депутатского корпуса, а с другой — продемонстрировать, что только либерал-демократы способны вывести экономику страны из длительной стагнации и дефляции. В известной степени фортуна была на их стороне. Ибо произошедшая в период правления демократов фукусимская трагедия ещё более проявила неспособность ДПЯ эффективно управлять страной, тем более — в кризисных обстоятельствах.

Вернувшись к власти, Синдзо Абэ и его команда принялись всячески пропагандировать уязвимость Японии перед угрозой военного столкновения с КНДР или КНР. Уже через год после своего вступления в должность премьер-министра страны в 2013 г. Синдзо Абэ принял ряд базовых программных документов, а именно: «Стратегию национальной безопасности», «Основные направления программы национальной обороны» и «Среднесрочную программу развития оборонного потенциала», направленных на модернизацию и укрепление вооружённых сил Японии и создание «динамичной и интегрированной обороны», где делался особый акцент на то, что страна готова «защищать от китайского вторжения то, что они считают своими территориями». Под видом «борьбы со шпионажем» принимались законы, ущемляющие права и свободы граждан Японии.

Из года в год увеличиваются расходы на содержание и укрепление японских армии, военно-морского флота, ВВС, оснащение их новейшими видами ракетного и электронного вооружения. И эта встречающая поддержку японских «неоконов» и администрации США политическая линия будет продолжена. В лице Абэ японская элита увидела убеждённого и упорного продолжателя дела своего деда, премьер-министра Японии Нобусукэ Киси, бывшего одним из идеологов Японской империи. Что касается США, то Вашингтон, ранее сдерживавший подобные устремления японской элиты, ныне, теряя возможность осуществлять функции «мирового жандарма», не против получить на Дальнем Востоке и в Восточной Азии в целом в лице Японии и ряда других стран мощную военную структуру, наподобие НАТО в Европе.

В последние годы ранее приглушённые разговоры об обретении Японией ядерного оружия стали звучать настойчивее и громче. Это связано не только с амбициями власти имущих, которые в приобретении статуса ядерной державы усматривают повышение роли своей страны в мировой политике, но и с всё большей степенью обнаруживающимися опасениями японской элиты по поводу надёжности данных Вашингтоном гарантий безопасности Японии. А посему её представители заинтересованы в дальнейшем провоцировании соседних государств на ужесточение позиции в отношении Японии, для того чтобы использовать пусть надуманную, но угрозу с их стороны для обоснования необходимости ядерного вооружения страны. С этой задачей могут справиться в известной степени включённые в состав японской элиты консервативные СМИ Японии, обладающие мощным потенциалом и способные, как показывает послевоенный опыт, довольно быстро направлять общественное мнение в нужном правящим кругам направлении. На сегодняшний день позиция ЛДП и её правительства состоит в том, что Япония «имеет право на обладание ядерным оружием, если это потребуется для обеспечения минимально необходимой самообороны».

Однако стремление к большей независимости и самостоятельности японской элиты не означает ослабления тесных связей с США во всех областях — политической, экономической, военной, идеологической и других. Японские «неоконы», как и их заокеанские единомышленники, выступают за использование

экономической и военной мощи против своих противников, за свержение неугодных Токио режимов, например в КНДР. Не прочь японцы в союзе с американцами, по возможности, способствовать «демократизации» и Китая, и России, дабы новые власти этих стран «в большей степени» учитывали интересы Запада, к которому себя причисляет и японская элита.

Для протаскивания через парламент угодных японской элите законопроектов руководство ЛДП формирует состав кандидатов на выборах по пропорциональным спискам из малоопытных молодых японцев, стремящихся к быстрой карьере, а также представителей шоу-бизнеса (артисты, телеведущие и др.) и известных спортсменов. Эту схему опробовал возглавлявший кабинет министров в 2001–2006 гг. Дзюньитиро Коидзуми. Прошедшие в парламент с его поддержкой новоиспечённые депутаты получили в народе насмешливое название «дети Коидзуми». Штамповка этими депутатами законопроектов, инициированных боссом, позволила Коидзуми длительное время находиться у власти и провести серию непопулярных реформ. Опыт Коидзуми перенял нынешний премьер-министр Синдзо Абэ — «дети Абэ» во множестве заседают в нижней и верхней палатах японского парламента. Именно они в прямом смысле протащили, вопреки протестам народа, законопроект, позволяющий использовать японские вооружённые силы в совместных с американскими армией и флотом операциях в любых горячих точках мира.

Сегодня уже очевидно, что линия на восстановление Японии в качестве одной из крупнейших военных держав мира — стратегический выбор японской элиты. Ясно и то, что для мобилизации населения на поддержку этой линии будут активно внедряться в общественное сознание угодные власти имущим представления о военной политике Японии в прошлом, особенно — в годы Второй мировой войны. Целью этой пропагандистской работы является доказательство того, что Япония «не была плохой», что она якобы вынужденно была вовлечена в войны из-за коварной политики других стран. При этом уже давно правонационалистические силы Японии стремятся убедить свой народ в том, что их страна не была агрессором, а вела справедливые войны, изгоняя из Восточной Азии и региона Тихого океана «белый империализм», неся азиатским народам цивилизацию и прогресс в рамках «зоны процветания».

Нынешний гуру японских националистов Ясухиро Накасонэ в бытность свою премьер-

министром Японии восклицал: «Война принесла народам Азии независимость. Признание такой оценки — лишь вопрос времени. Она займёт своё место в истории... Ещё рано выносить окончательный приговор. В результате войны над Азией взошла светлая заря!» И хотя не так давно Накасонэ всё же признал, что его страна вела «ошибочные» войны, сторонников «перекраски» бывших агрессивных войн Японии в «освободительные» становится не меньше, а больше. Этому способствуют «новые» школьные учебники, обеляющие захватническую, колониальную политику японского милитаризма. Называя созданную в послевоенный период историю Японии в XX веке «мазохизмом», правые силы страны ведут непрекращающуюся борьбу против Всеяпонского профсоюза учителей Никкёсо, где сильны демократические антивоенные настроения.

На данном этапе деятельность политиков-националистов направлена на то, чтобы искоренить в народе, особенно в новом поколении японцев, непринятие политики прошлого, приверженность пацифизму и мирному развитию страны. Это необходимо для согласия большинства народа с пересмотром действующей конституции, снятия запретов и ограничений по наращиванию японских вооружённых сил, их участия в войнах и военных конфликтах, росту авторитета военных в стране. Следует признать, что подобные усилия дают свой эффект — по данным опросов общественного мнения, уже около половины японцев соглашались с изменением конституции, в том числе — её пацифистских положений. Правящей партией в лице её председателя и премьер-министра Синдзо Абэ уже определены временные рамки замены Основного закона государства — 2020 год.

По замыслам японской правонационалистической элиты пересмотр конституции позволит реализовать давно вынашиваемые планы если не восстановления в полном объёме, как в довоенной Японии, то повышения статуса императора, расширения его функций в управлении государством. Следует отметить, что при наличии, особенно в первые десятилетия после войны, в стране негативного отношения к институту императорской семьи, обвинений являвшегося главнокомандующим императорскими армией и флотом генералиссимуса Хирохито в развязывании войны в целом среди японцев сохраняется пиетет в отношении императора. Многие считают, что император Хирохито отказался от статуса бога-человека лишь по требованию оккупационной администрации,

а в действительности и по сей день являет собой верховного правителя богом избранной нации японцев. Такие представления и верования сильны на периферии, особенно в сельских районах. Они всячески поддерживаются властной элитой страны. В мире широко комментировали слова Ёсиро Мори, который в ранге премьер-министра сделал в мае 2000 г. заявление о том, что японцы — это «божественная нация, сплочённая вокруг императора». Зная Ёсиро Мори не только как политика, но и как человека, автор этих строк имеет основания полагать, что сказанное им — не пропагандистский выверт, а вполне искреннее убеждение или верование.

Конечно, было бы преувеличением считать, что, восстановив прежний статус императора, японская элита замышляет создать в стране ситуацию, похожую на 1940 г., когда были распущены все партии, а парламент превращен в «Тайсэй ёкусанкай» — «Ассоциацию помощи монарху, когда его именем «освящаются» бы все принимаемые элитой политические, экономические, военные и иные решения, витают в головах сторонников возвращения микадо его прежних прерогатив.

Однако многолетняя прививка японцев пацифизмом может проявиться в случае вовлечения их страны не в компьютерную видеоигру, а в настоящую войну, чреватую реальными жертвами. Об этом убедительно свидетельствовали недавние массовые протесты против

принятия закона о безопасности, разрешавшего направлять японские войска для ведения военных действий за рубежом. Тогда здание парламента одновременно окружали более 120 тысяч японских борцов за мир.

В течение длительного времени работая в Японии, ежегодно совершая поездки в эту страну, изучая политическую культуру японцев, имея возможность общаться не только с политиками и дипломатами, но и с представителями самых широких слоев народа, автору этих строк трудно избежать впечатления, что весь послевоенный период и элита, и основная часть населения во многом лишь мимикрируют под «американскую демократию», скрывая свои цели, надежды и чаяния, храня традиции, веря и ожидая возвращения Японии к национальным формам и устоям политического и государственного устройства. Рано или поздно японцы начнут выходить из подчинённого американцам состояния. Уже сейчас можно всё чаще слышать о несогласии с американским диктатом, позорящим честь гордых потомков самураев и камикадзе положением фактического протектората заокеанского сюзерена. От того, какой путь изберёт японский народ, включая элиту, после восстановления не формального, а подлинного суверенитета — путь новой конфронтации с соседями или использования гения японского народа на благо мирного сожительства и сотрудничества с ними, зависит будущее Страны восходящего солнца.

/ Шамиль СУЛТАНОВ /

Под звездой **и полумесяцем**

НЕТРИВИАЛЬНЫЕ ЗАГАДКИ ИСЛАМСКОГО МИРА

Исламский мир — это не территориальная совокупность стран и государств, например, входящих в Организацию исламского сотрудничества (57 стран). И это не арифметическая совокупность племён, сообществ, народов, наций, которых называют мусульманскими.

Поскольку главным компонентом в данном определении является религиозный, то Ислам-

ский мир, прежде всего, — это совокупность джамаатов (локальных мусульманских сообществ) во всём мире, которые:

- во-первых, самоидентифицируют себя как неотъемлемые части единой глобальной уммы;
- во-вторых, неукоснительно придерживаются разделяемых базовых принципов и норм ислама;
- в-третьих, обладают основными компонентами исламского мышления и сознания;
- в-четвёртых, исповедуют ислам как всеобъемлющий образ жизни.

Таким образом, Исламский мир — это в первую очередь особое религиозное, цивилизационное, историческое, хронологическое и культурное сообщество верующих, то есть то глобальное социально-культурное пространство, где доминирует ислам как живая вера, как живое исламское сознание. Поэтому отнюдь не все полтора миллиарда мусульман, проживающих на нашей планете, могут быть причислены к исламскому миру. И даже не большинство.

Почему?

Общества практически всех стран и государств, которые привычно относят к мусульманским, расколоты и фрагментированы. Основная линия конфронтации проходит между собственно религиозным и секуляристским компонентами социума. Но эта картина на самом деле гораздо сложнее и запутаннее, включая в себя группы людей с формально мусульманским бэкграундом, но которые открыто признаются в своём агрессивном секуляризме, и заканчивая фанатичными такфиристами, которые вопреки шариату и сунне пророка Мухаммада присваивают себе право убивать тех, кого они сами же объявляют еретиками.

Поэтому и всё мусульманское население нашей планеты представляет собой глубоко двойственный феномен. С одной стороны, мусульмане признают Коран, шариат, пророка Мухаммада, основные столпы ислама. С другой стороны, вся глобальная мусульманская умма объективно и сложным образом расколота. На образ жизни, образ мышления и сознания мусульман, их каждодневное поведение воздействуют социально-экономические, классовые и политические факторы, национально-этнические традиции и обычаи, родовые и племенные связи, включённость в иные культурно-цивилизационные ойкумены, различный уровень интеграции в глобальное или региональное медийное пространство и т.д.

На политической поверхности после 2010 года особое внимание уделяется конфессионально-сектантской фрагментации: между шиитами и суннитами, между умеренными и экстремистскими суннитскими группировками и т.д. Однако почему-то практически не задаётся вопрос: а почему именно в последние годы эта конфронтация приобрела такой размах и такие масштабы с десятками и сотнями тысяч зверских убийств? Почему внутриисламское противостояние не проявлялось так остро, например, еще двадцать или тридцать лет назад?

Резко обострившееся кровавое конфессионально-сектантское противостояние стало следствием и проявлением множества более глубоких геополитических, классовых, экономических, идеологических, клановых противоречий, которые постепенно вызревали на протяжении последних десятилетий.

Например, курды — один из наиболее многочисленных мусульманских народов. Свыше 90% курдов — формальные сунниты. Но говорить о каком-либо, даже относительном единстве курдского народа, в принципе, нельзя. Глубокие социально-классовые изменения внутри курдского населения в Сирии, Турции, Ираке, Иране приводят к тому, что значительная часть курдской буржуазии придерживается всё более секуляристского образа жизни. В то же время значительная часть обездоленной курдской молодёжи в той же Турции выбирает иной путь, присоединяясь к «Исламскому государству».

Важной предпосылкой обострения глубокого духовного раскола в глобальном исламском сообществе становятся обостряющиеся идеологические противоречия. Практически все мировоззренческие доктрины, которые в течение последних шести или семи десятилетий так или иначе определяли идеологическую панораму

в Исламском мире: панарабизм, «евроислам», баасизм, арабский социализм, национальный корпоративизм и т.д., — к первому десятилетию нового века в той или иной мере исчерпали себя или окончательно одряхлели.

Всё более заметный идеологический вакуум, с одной стороны, стал заполняться традиционными племенными, родовыми и клановыми представлениями, традициями и «картинами мира», а с другой стороны, привёл к подъёму политического ислама, выходу на авансцену исламского политического проекта, постепенной политической радикализации многих мусульманских движений и организаций.

Определить численность сообществ, движений, джамаатов и т.д., так или иначе относящихся собственно к Исламскому миру, — весьма непростая задача. Например, в Кувейте это, по некоторым оценкам, свыше 45–50% всего населения; в Египте — около 35–40%. В Великобритании, по некоторым оценкам, таких мусульман от 15 до 20%. В России из примерно 25-миллионного мусульманского сообщества строго к Исламскому миру можно отнести в лучшем случае порядка 5–7%, то есть приблизительно 1,3–1,5 миллиона мусульман. Остальные — это весьма широкий спектр квазимусульманских групп и сообществ.

В целом же к собственно Исламскому миру можно отнести не более 300–350 миллионов из полутора миллиардов человек, относящихся себя к мусульманам. Но именно эти три сотни с лишним миллионов мусульман представляют собой наиболее активную, динамичную часть глобальной уммы.

Далее, уже внутри этого пассионарного компонента глобальной уммы, в мусульманском сообществе планеты можно выделить три основных протоэлитных образования.

Во-первых, национально-государственные правящие классы, претендующие на роль элит Исламского мира, но которые фактически таковыми не являются. Для них, безусловно, приоритетным является защита именно «национальных интересов», под которыми в том числе понимаются личные интересы вождей, их непосредственного окружения, альянса политико-экономических и кланово-территориальных политических групп, которые в данный момент поддерживают данную власть. Хотя такого рода «квази-элиты» включают в себя представителей и секуляризированной, и собственно религиозной части общества, тем не менее определяющими здесь являются не религиозные, а корпоративные интересы воспроизводства политической и экономической власти в данной стране.

Во-вторых, это племенные, родовые, клановые элитные группы, которые традиционно занимали и занимают важное место в социуме всех мусульманских стран. Но их значение стало заметно возрастать на фоне тех масштабных событий, которые начались осенью 2010 года.

В-третьих, новые протоэлитные группы собственно Исламского мира, которые проходят в настоящее время процесс формирования и становления.

Потенциал для нынешней радикализации арабской революции весьма значителен — по крайней мере по двум причинам.

Во-первых, главной идеологической движущей силой данной арабской революции является ислам, теологическая и социальная доктрина которого по своей природе метафизически бескомпромиссна. Потому-то ислам и считается наиболее революционной религией в человеческой истории. Не случайно, что политический ислам в идеологической сфере в значительной степени уже взял вверх над своими оппонентами из числа арабских националистов и социалистов, баасистов и коммунистов, либералов и прозападных исламо-демократов.

В то же время существует важное противоречие, которое будет объективно радикализировать политический ислам как главную движущую силу арабской революционной волны в ближайшее десятилетие.

Значительная, а может, и большая часть арабского социума, интегрированная в мировой рынок, является по своему характеру мелкобуржуазной или буржуазной, полусветской или светской. И в этом контексте дальнейшее острейшее идеологическое столкновение между исламским и секуляристским трендами, по мере обострения региональной ситуации, практически неизбежно. В палестинском движении, например, борьба между ХАМАС и ФАТХ — это, по сути, антагонистическая идеологическая и политическая конфронтация.

«Турецкая модель» Эрдогана, в основе которой лежит модель постепенного переговорного согласования важнейших интересов между этими исламским и секуляристским направлениями, достаточно специфична и не везде в Исламском мире может стать образцом для эффективного подражания.

Во-вторых, основная идеологическая конкуренция в ходе дальнейшего революционного процесса постепенно будет еще больше смещаться в сторону прямой политической конфронтации между умеренными фундаменталистами («Братья-мусульмане»), умеренные салафитские

течения и т.д.) и радикальными исламскими группами и течениями (джихадисты, такфиристы и т.д.). И это в полной мере проявилось в 2014–2015 гг., когда на региональную политическую арену Большого Ближнего Востока выдвинулось ультрарадикальное «Исламское государство».

Начавшийся в арабском мире революционный процесс уже вызвал существенный рост глобальной неопределённости. В обозримой перспективе региональный баланс сил на Большом Ближнем Востоке изменится настолько существенно, как не менялся на протяжении предшествующих ста лет. Соответственно принципиально новым станет здесь региональный политический пейзаж с его новыми неожиданными игроками.

Продолжающийся глобальный экономический кризис, безусловно, приведёт к усилению радикального потенциала арабской революции. Почему Эрдоган, например, предельно осторожен в своей политике по отношению к феномену «Исламского государства»? Турецкий президент должен учитывать, что в стране быстро растёт количество сторонников политической радикализации, в том числе и внутри правящей Партии справедливости и развития.

Почему бывший саудовский король Абдалла так резко изменил своё отношение к «Братьям-

мусульманам» после начала арабской революции? Ведь до того Эр-Рияд рассматривал ихванов как мощную интеллектуальную и социальную силу в регионе, которая объективно являлась противовесом набиравшим силу секуляристским тенденциям не только в странах Залива, но и во всём арабском регионе. Однако на волне общеарабской революции высший истеблишмент Саудии увидел в ихванах прямых конкурентов и подрывную, революционную силу, направленную против арабских монархий.

БАЗОВЫЙ ПРОТОЭЛИТНЫЙ «БУЛЬОН» ИСЛАМСКОГО МИРА

Почему, несмотря на всю активность и все разнообразные попытки прозападных группировок в Исламском мире, ослабление секуляристской тенденции на Большом Ближнем Востоке продолжится, а влияние элитных групп, выступающих за реализацию нового общеисламского политического проекта, станет ещё сильнее? Прежде всего потому, что начавшаяся радикализация Исламского мира — объективный исторический процесс, который неизбежно продолжится.

Какие выводы отсюда следуют?

Во-первых, системный кризис Большого Ближнего Востока даже в среднесрочной перспективе вряд ли будет разрешён. Причин для этого много, но главная заключается в том, что банальными, тривиальными технологиями и методами невозможно разрешить накопившийся огромный комплекс социальных, геополитических, экономических, религиозных, политических, идеологических, культурных противоречий на ББВ.

Во-вторых, общеарабская революция фактически уже похоронила региональную систему Сайкса—Пико. Поэтому исходить надо из того, что целый ряд искусственных государств вряд ли возродится в своём прежнем облики.

А соответственно, и это **в-третьих**, начавшаяся в 90-е годы прошлого века форсированная объективная деградация секуляристских и ква-

зирелигиозных режимов продемонстрировала принципиальную невозможность противостоять росту регионального системного кризиса.

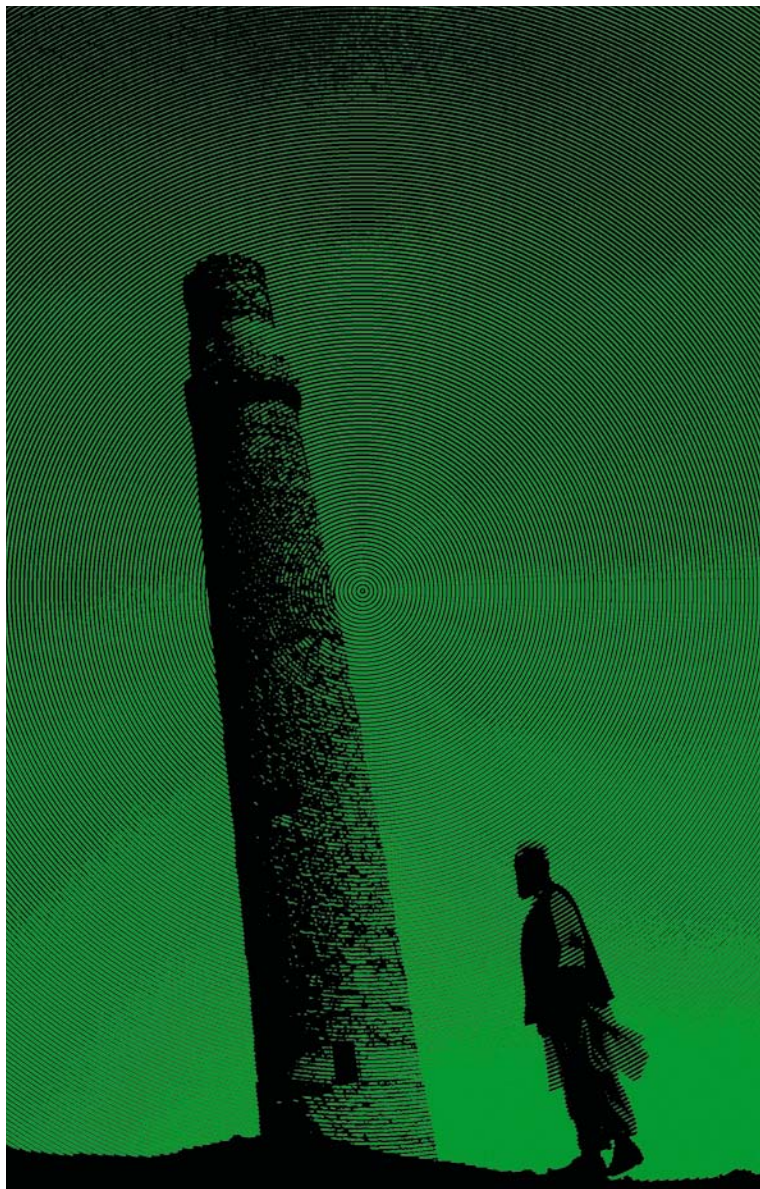
В-четвёртых, религиозный, духовный кризис на ББВ до поры до времени скрывался под флёром националистических эмоций, антиизраильских настроений и т.д. Но на фоне резкого роста стратегической неопределённости этот духовный кризис, суть которого может быть выражена простой фразой: «В чём смысл моей личной жизни: в условиях резких перемен, которые от меня не зависят?» — стал усиливаться даже в самых секуляризованных сегментах социума Исламского мира.

Действительно, единой исламской элиты как системного феномена на сегодняшний день де-факто не существует. В лучшем случае можно говорить о возможной будущей консолидированной элите Исламского мира, которая способна сформироваться на основе взаимодействия различных протозелитных и элитных групп, возникающих в нынешнем «квантовом революционном бульоне».

Вместе с тем есть действительно важный, уникальный фактор, который может сыграть решающую роль в конструировании единой исламской элиты уже в ближайшие 15–20 лет. Дело в том, что в цивилизационной памяти Исламского мира вот уже почти 1500 лет тщательно сохраняется воспоминание об идеале совершенной мусульманской элиты, которая действительно была и которая положила начало распространению религии ислама, формированию мусульманской цивилизации, развитию мировой уммы. Речь идёт о пророке Мухаммаде и нескольких сотнях его асхабов (непосредственных сподвижников).

Эта первоначальная, необычайно эффективная элита по-прежнему воспринимается сотнями миллионов мусульман в мире как сонм величайших героев, поведение, мышление, необычайные поступки которых по-прежнему оказывают огромное воздействие на всю умму. Многие мусульманские интеллектуалы сегодня убеждены, что деградация исламской цивилизации, которая на протяжении столетий находилась в авангарде мирового развития, происходила именно тогда, когда мусульманские правители и их окружение переставали следовать примеру этой первоначальной героической элиты.

Таким образом, та элита, которую сформировал пророк Мухаммад с 610 по 632 год, остаётся в течение почти полутора тысяч лет идеалом, эффективной моделью и практическим примером для подражания в истории уммы. Такова эта особая уникальность Исламского мира, поскольку

в истории ни одной другой цивилизационной системы нет такого вдохновляющего примера исторически живой элиты.

Второй особый момент заключается в том, что в исламской истории акцент при анализе элитарного феномена делался не на том, *кто* сделал, а *что* именно было сделано как пример для подражания в пространстве и во времени. Ибо «что именно» есть проявление воли Аллаха, и по сравнению с этим конкретные имена имеют второстепенное и третьестепенное значение.

Приведу один реальный исторический пример. В XI веке Бухара находилась под контролем некоего тюркского хана. Одним из влиятельных кланов в этом городе были рыночные торговцы мясом. Цены на мясо в халифате жёстко регулировались в интересах всех слоёв населения, в том числе и бедных. Так вот, торговцы решили преподнести «подарок» хану и попросить его поднять эти цены. Они собрали две тысячи динаров и пришли на приём к правителю. Заявив, что хотели бы внести вклад в благосостояние города, делегация передала деньги в казну и попросила разрешения повысить цены. Хан кивнул, но ничего не сказал.

Обрадованные торговцы следующим ранним утром быстро переписали цены (а дело происходило жарким летом). Но глашатаи совершенно неожиданно объявили указ хана, в котором он запрещал жителям Бухары вообще покупать мясо. Жара усиливалась, и на рынках появился запах гниющего мяса. Мясники всё поняли, тут же была сформирована новая делегация, которая поспешила к хану и нижайше попросила вернуться к старым ценам. А для этого попросила принять в казну четыре тысячи динаров. Правитель вновь ничего не сказал и только кивнул. Позднее этот хан сказал: «Они думали, что за две тысячи я продам свой народ, за который несу ответственность?»

Так вот, историческая исламская память хранит именно суть этой и сотен, тысяч других реальных эпизодов именно как проявление правителем, его визириями, его элитным окружением действительной веры, следование нормам, заповеданным Всевышним. Конкретное имя не имеет значения, если исходить из мусульманского теологического принципа, что только через достойного человека и проявляется воля Всемогущего.

Однажды знаменитый суфийский шейх Абу Саид Мейхенский пришёл по приглашению на какое-то торжество, которое устраивал местный правитель. Слуга его не узнал и спросил, как его представить. «Скажи, что пришел никто, и звать его никак». Таков был ответ мастера.

Говоря о возможном формировании консолидированной элиты Исламского мира, необходимо, прежде всего, акцентировать внимание на двух основных направлениях этого процесса — «умеренном» и «радикальном».

Большинство протоэлитных групп, которые стоят во главе тысяч и десятков тысяч умеренных исламских партий, движений и организаций по всему миру, так или иначе связаны с наиболее опытным в новой истории исламским движением — «Братья-мусульмане», представители которого избраны в парламенты 87 стран мира.

В целом среди таких умеренных исламских элитных групп можно выделить три основных типа.

Во-первых, структурированные суннитские исламские движения и партийные организации: «Братья-мусульмане» в Египте, правящая Партия справедливости и развития в Турции, политические организации, в той или иной степени находящиеся под идеологическим влиянием «Братьев-мусульман» в десятках стран Азии, Европы и Африки.

Во-вторых, умеренные шиитские политические структуры, режимы, организации: правящий режим в Иране, значительный спектр шиитских политических организаций в Ираке, прежде всего связанных с великим аятоллой Систани, умеренные организационные структуры в Пакистане, Индии, Омане, Йемене, Ливане, Афганистане, в Европе и Америке.

В-третьих, это огромное количество различных организационных структур социального, благотворительного, экономического, образовательного характера по всему миру, без явно выраженного политического облика, где также происходит своего рода «брожение» и формирование соответствующих протоэлитных групп.

Особенность большинства таких умеренных элитных групп Исламского мира заключается в том, что они стремятся сформировать и соединить достаточно аморфный общеисламский политический проект с кризисными реалиями сегодняшнего дня. Получается это по-разному, с различной степенью эффективности.

Наиболее успешной в этом отношении оказалась близкая идеологически к «Братьям-мусульманам» основная часть нынешней турецкой элиты во главе с Реджепом Эрдоганом, которая с 2002 года постепенно, но неуклонно продвигает свою политическую программу: не только внутри страны, но и на метарегиональном уровне.

С другой стороны, сами родоначальники умеренного исламского фундаментализма, египетские ихваны, оказались не готовы к реальным вызовам революционного процесса.

В результате военного переворота (2013) они оказались смещены, а более пяти тысяч сторонников «Братьев-мусульман» были убиты, десятки тысяч заключены в тюрьмы и концлагеря.

Ситуация в глобальном шиитском спектре в значительной степени иная. Шиитский политический проект прямо связан с одной из величайших революций XX века — революцией 1978–1979 годов в Иране и возникновением Исламской Республики Иран. Именно ИРИ является не только действительным промоутером глобального шиитского политического проекта, но также идеологическим и организационным руководителем большинства региональных и локальных шиитских структур различного типа.

Соответственно, одна из наиболее эффективных в настоящее время элит в Исламском мире (а может, и самая эффективная) — иранская. Именно для высшего эшелона иранской элиты, наряду с турецкой, характерно действительное стратегическое мышление. Крайне важно отметить, что в Исламской Республике Иран в рекордные сроки (по историческим меркам) была сформирована своя целостная, эффективная национальная элита, которая не только доказала свою способность к эффективной модернизации страны, но и разработала и приступила к реализации глобального исламского политического проекта, окрашенного в шиитские тона.

Ещё в начале нынешнего столетия многие аналитики и эксперты были убеждены, что глобальный исламский политический проект, во всяком случае суннитского спектра Исламского мира, связывался или ассоциировался с движением «Братьев-мусульман». Но действительность оказалась иной. Как явственно продемонстрировали революционные события на арабском Востоке, начавшиеся осенью 2010 года, фактически «Братья-мусульмане» не имели не только действительного, проработанного глобального политического проекта, но даже и регионального. Более того, жестокое, кровавое поражение ихванского движения в Египте превратилось в доказательство того, что, собственно, и эффективная внутринациональная политическая стратегия у «Братьев» отсутствовала.

Сам этот факт стал яркой демонстрацией реального «качества» высшей элитной группы, которая сложилась у ихванов к моменту начала революции.

Движение «Братьев-мусульман» зародилось в Египте ещё в 1928 году. Но, даже выполняя периодически некоторые политические функции, оно оставалось, прежде всего, структурой

массовой социальной взаимопомощи и территориальной социальной самоорганизации населения. Однако даже самая эффективная социальная организация в революционной ситуации не может стать действительным политическим авангардом.

Второе направление — радикальные протозелитные группы, которые во внешнем мире чаще всего рассматриваются как террористические и экстремистские. Резкое усиление их влияния совпало с поражением умеренных фундаменталистов в Египте в 2013 году и возникновением соответствующего политического вакуума в Исламском мире.

По своему внутреннему религиозному содержанию они известны как «крайние салафиты», «джихадисты», «такфиристы». Самый яркий пример здесь — набирающее силу «Исламское государство». Его главный конкурент в радикальном спектре — «Джабхат-ан-Нусра», связанная больше идеологически с «Аль-Каидой».

Главные религиозно-идеологические различия протозелитных групп ИГ, «Джабхат-ан-Нусра», других экстремистов от «ихванов» как умеренных исламистов заключается в трёх основных особенностях.

Во-первых, политический проект этих групп, и прежде всего ИГ, открыто выражен в идее возрождения халифата как единственно возможного государственного оформления глобальной уммы.

Во-вторых, «новый халифат» прямо противопоставляется всей западной цивилизации, включая арабские прозападные режимы.

В-третьих, борьба «нового халифата» с сугубо материалистической, богоборческой цивилизацией Запада символизирует наступление периода «Последних времён», или Апокалипсиса, о котором многократно предупреждали древние, в том числе исторические мусульманские тексты.

«Исламское государство» де-факто возникло в результате политико-идеологического слияния значительной части офицерского корпуса саддамовских спецслужб (мухабарат) с радикальными джихадистскими группировками. После поражения 2003 года в значительной части офицерского корпуса баасистского Ирака (которая являлась главной элитной группой режима) произошла своего рода религиозно-идеологическая революция. Катастрофа иракского баасизма, неожиданное возникновение духовного вакуума привело к тому, что многие бывшие баасисты буквально за несколько недель или месяцев превратились в радикальных мусульман (известный в истории пример превращения «Савла в Павла»).

А далее произошло как бы соединение специфического системного опыта иракских мухабрат (одних из наиболее эффективных на БВВ в 70-е и 80-е годы) с пассионарной энергетикой ультрарадикальных религиозных фундаменталистов. Собственно говоря, и военно-силовая тактика ИГ во многом несёт в себе отпечаток опыта действий спецподразделений развитой разведслужбы, а его пропагандистская стратегия весьма напоминает проведение продуманных «активных мероприятий».

Всё это заставляет вновь акцентировать внимание на тех особенностях ДАИШ (арабская аббревиатура ИГИЛ), которые выкристаллизировались в результате интеграции идеологии и практики радикального джихада со специфическим опытом саддамовских мухабрат.

Прежде всего, речь идёт о креативном использовании технологий сетцентричных войн. Дело в том, что в оргструктуре ИГ именно полевые командиры среднего звена составляют особую пассионарную протоэлитную группу, которая несёт ответственность не только за результативность боевых операций, но и за эффективность каждодневного управления на контролируемых территориях халифата.

Важное место в ныне культивируемой сетцентричной схеме ИГ занимает технология

создания, развёртывания и развития широко-масштабных и разноплановых сетей симпатизантов, агентов, сторонников, прежде всего на религиозно-идеологической основе. Речь идёт не только и не столько о дополнительных технологиях и методах формального социально-политического управления, сколько, во-первых, вовлечении широких сегментов населения в процессы принятия каждодневных решений и, во-вторых, формировании своего рода действительного кадрового резерва из уже проверенных в деле людей.

Итак, сначала постепенно формируется широкая сеть информаторов, которые только собирают информацию о настроениях людей, о представителях властных структур противника, прежде всего военных и служб безопасности, представителях кланов и племён, враждебно настроенных в отношении «Исламского государства», массовой вражеской агентуре и т.д. Такая систематизированная информация даёт возможность в ходе боевых действий практически сразу ликвидировать агентурную сеть врага, как это произошло весной этого года в ходе захвата Рамади и Пальмиры, и тем самым не допустить начала развёртывания диверсионно-подрывных действий на контролируемых территориях.

В условиях работы в глубоком подполье, как это происходит в настоящее время в ряде иракских и сирийских провинций, на территории Саудовской Аравии, Иордании, Египта, Турции, других стран, наличие развёрнутой масштабной сети информаторов даёт возможность приступить к формированию по «генетическому принципу» максимально автономных боевых ячеек и групп. Такие группы должны быть способны не только к самым различным подрывным информационно-пропагандистским действиям (распространение слухов, целенаправленной деморализующей информации и т.д.), но и к самостоятельным диверсионно-террористическим операциям. Понятно, что эффективность такой сети, в конечном счете, решающим образом зависит от пассионарности и опыта локальных лидеров.

На последующих этапах такие автономные ячейки начинают сначала складываться на локальном уровне в сетевые фрагменты, которые постепенно формируют «снизу и сверху» субрегиональную, а затем и национальную сеть.

Другим ключевым компонентом стратегического профиля ДАИШ является разветвлён-

ная работа по обеспечению гарантированной лояльности и поддержки местного населения на контролируемых территориях. А это создаёт возможности ИГ не только обеспечивать социальную стабильность, но и выявлять местных «public opinion makers», потенциальных харизматических личностей, для включения в свои кадровые структуры.

Еще одним важнейшим компонентом работы «Исламского государства» с протоэлитными элементами является формирование особого, долгосрочного идеологического образа ДАИШ. Речь идёт именно о стратегическом и идеологическом образе, а не о пропагандистском имидже. Поэтому «Исламское государство», а не другие многочисленные джихадистские структуры, благодаря системному характеру своей наступательной идеологии, политической стратегии, своему особому механизму государственного строительства, стало наиболее популярным в арабском и в общемусульманском общественном мнении (во всяком случае в его суннитском сегменте). Например, майский опрос (2015 года) продемонстрировал, что более двух

третей зрителей телеканала «Аль-Джазира» симпатизируют и поддерживают цели ИГ.

Причём политику стимулирования социальной поддержки руководство ИГ проводит, используя различные методы и технологии — идеологические, религиозные, социальные, экономические, пропагандистские... Это и непосредственная адресная поддержка обездоленных слоёв населения, например, массовая раздача продовольствия и лекарств, предоставление медицинской помощи. Это и разветвлённая, широкомасштабная религиозно-идеологическая работа. Это и тщательный контроль за ценами на основные товары повседневного спроса. Это и воссоздание государственных механизмов жизнеобеспечения на местном уровне. Это и существенные меры по гарантированию социальной справедливости во всём социуме.

Пристальное внимание разнообразной работе с большими социальными группами населения позволяет прояснить скрытые аспекты долгосрочной военно-политической стратегии ДАИШ. Её можно условно назвать «Стимулирование всеобщей волновой исламской революции». В рамках этой линии ключевое значение отводится даже не захвату и удержанию территорий, а многообразному, многоаспектному системному стимулированию предреволюционных и революционных настроений в Исламском мире.

Такая военно-политическая стратегия ИГ включает в себя как минимум четыре основных компонента.

Во-первых, системная пропаганда образа «нового халифата», формируемого на принципах социальной справедливости, социальной солидарности и социальной ответственности.

Во-вторых, основной акцент в ходе военных придаётся тотальной долгосрочной деморализации противника — его вооружённых сил, его руководства, тех групп населения, которые его поддерживают.

В-третьих, широкомасштабное, многоаспектное пропагандистско-информационное обеспечение военных действий. Причём речь идёт не столько даже о сиюминутном пропагандистском эффекте, сколько о формировании долгосрочной «вторичной информационной волны» в виде направленных слухов, использования различных средств массовых коммуникаций и т.д.

В-четвёртых, гибкая, маневренная военно-дипломатическая коалиционная тактика. Например, военное командование ИГ сознательно не стало противодействовать захвату весной 2015 года «Джабхат-ан-Нусра», другими про-

саудовскими и протурецкими группировками стратегически важного сирийского города Идлиб. Хотя сам ДАИШ мог взять его под контроль, тем не менее значимость долгосрочных коалиционных интересов оказалась выше.

Такой военно-тактический маневр и временный альянс с просаудовскими группами салафитов позволил ИГ достичь трёх важных тактических целей.

Во-первых, отвлечь внимание Дамаска от Пальмиры, ключевой цели ДАИШ в тот период, так как ситуация в Идлибе потребовала от командования сирийской армии перебросить в этот район практически все свои элитные части.

Во-вторых, продемонстрировать на региональном и глобальном уровнях решающий вес «Исламского государства» на всём сирийском фронте.

В-третьих, усилить своё влияние на региональный баланс сил.

В историческом плане возникающие новые элиты предлагают свои особые формы консолидации с обществом. ИГ уже проявило себя как новая волевая идеологическая сила, переводя идеи «халифата» в практическую плоскость.

Ленинская теория эффективной политической идеологии предполагает развёртывание внутри революционного процесса согласованного со всем социумом проекта «общего дела». И как практически продемонстрировал Сталин, вопрос даже не столько в историческом, концептуальном и пропагандистском обосновании такого проекта для максимально широких слоёв населения — он требует прежде всего выдвижения и обоснования тех практических механизмов и технологий, при помощи которых сотни тысяч и миллионы людей оказываются способными непосредственно участвовать в реализации такого «общего дела».

Таков, например, идеологический смысл призыва элиты «Исламского государства» к мусульманам из других стран ехать в Ирак и Сирию, чтобы **совместно строить общее для всех государство**. При этом особо подчёркивается, что эмиграция в ИГ, по шариату, долг всех мусульман мира. К середине 2015 года в «Исламское государство» вполне осознанно переехали, в том числе и со своими семьями, десятки тысяч людей из более 90 стран мира.

По мнению элиты ИГ, халифат — это не национальное государство в западном смысле слова. Халифат является политическим оформлением мировой уммы. Поэтому, с одной стороны, такая идеология способна придать реальный смысл земной жизни для мусульманской лич-

ности. Концепция халифата, создающегося всеми мусульманами и объединяющая на практике сакральные, социальные и политические смыслы уммы, становится закономерным полюсом системного притяжения. Ведь принцип халифата традиционно значит очень многое для Исламского мира: именно в умме, которую консолидирует халифат, происходил и происходит таинственный, мистический процесс группового и личностного жизненного смыслообразования.

Провозглашение халифата — это и глубоко символическая акция ИГ против раздела арабского региона, который сто лет назад осуществил Запад. Для ДАИШ публичное, не только на словах, но и на деле, отвержение соглашения Сайкса—Пико крайне выгодно, так как это добавляет мотивации его бойцам, считающим себя и мстителями за историческую несправедливость, и законными наследниками халифата после разрушения Османского государства.

Форсированное преобразование ИГИЛ в «Исламское государство» на практике подразумевает объявление «джихада» всем светским элементам Запада в Исламском мире.

Почему миллионы и десятки миллионов людей, и не только в Исламском мире, поддерживают радикальные идеологические воззрения ДАИШ, несмотря на мощную контрпропагандистскую волну? Причём такое влияние проявляется не только на уровне «мусульманской улицы», но и на уровне властных групп. Многие влиятельные политические элитные группы и кланы арабских стран Залива не только финансово помогают ИГ, но и устанавливают с представителями его элиты конфиденциальные связи.

Причина в том, что «Исламское государство», осознанно или неосознанно, воспринимается в Исламском мире (в его суннитском компоненте) как единственная жизнеспособная альтернатива всё более усиливающемуся региональному хаосу, распространяющейся политической энтропии, как религиозная модель соединения воли и всеобщего справедливого порядка, как консолидация различных временных компонентов исторического исламского сознания.

Поэтому влиятельные представители военно-разведывательной элиты США — например генералы Майкл Нагата и Джон Аллен — подчёркивают, что именно идеология ИГ должна восприниматься как особо опасная, долгосрочная стратегическая угроза для американских жизненно важных интересов.

Почему военно-разведывательная элита США на первое место среди долгосрочных глобальных угроз для Соединённых Штатов ставит именно

«Исламское государство», а Россию — только на третье место? Почему ДАИШ оказывается большей угрозой даже по сравнению с ядерными силами России? И почему для Вашингтона так важно непосредственно столкнуть ИГ и Россию на Ближнем Востоке?

Во-первых, ИГ воспринимается высшей американской элитой как долгосрочная цивилизационная и религиозно-идеологическая угроза, с которой невозможно, в принципе, найти компромисса.

Протоэлитные группы ДАИШ не только открыто декларируют превосходство исламской цивилизации по сравнению с западной, но и понятным образом демонстрируют такое превосходство. Причём особо подчёркивается, что лидером этой богоотступнической цивилизации являются именно США.

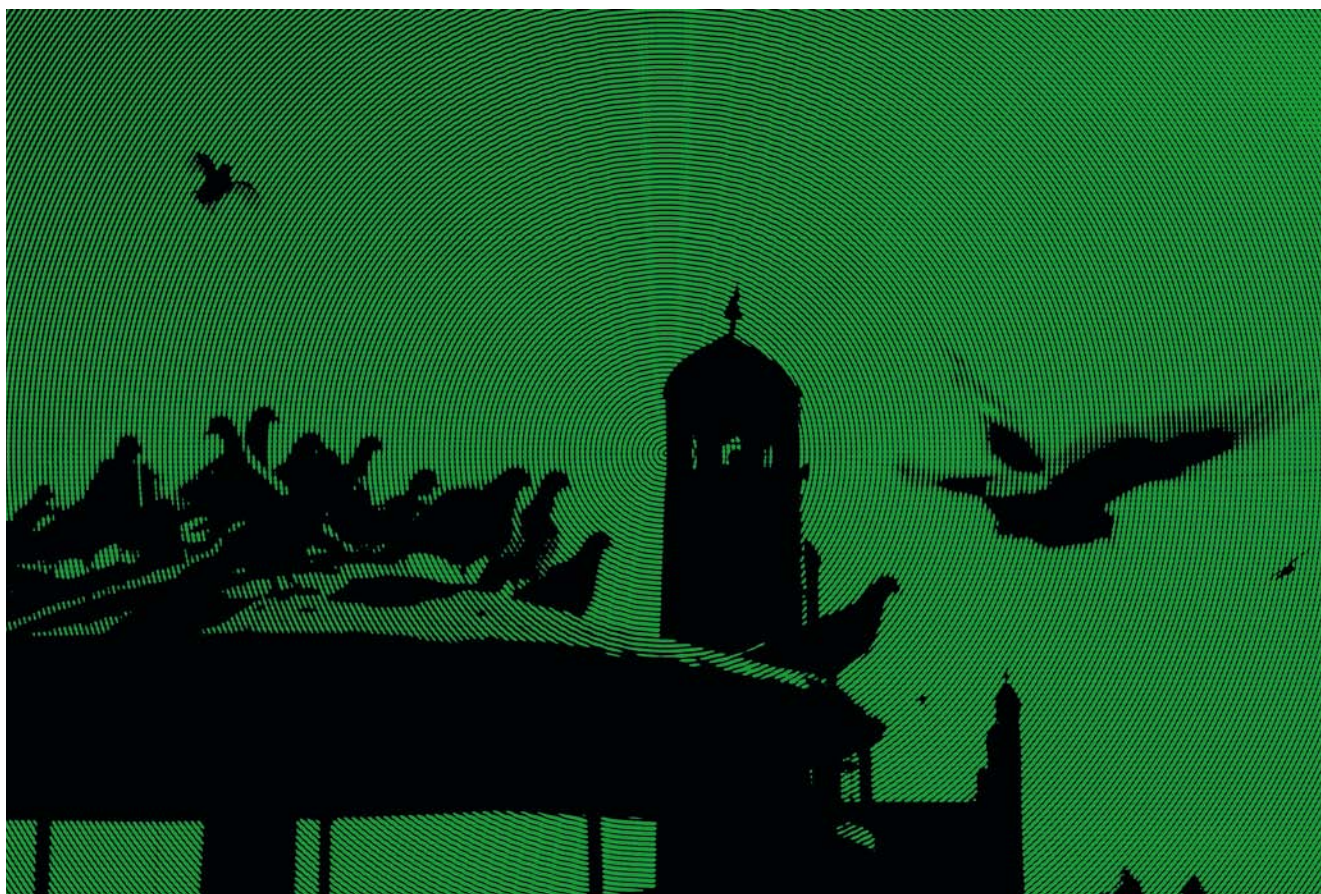
Во-вторых, потенциально ИГ имеет массовую социальную поддержку своих стратегических целей и своей идеологии не только в Исламском мире, но и внутри самого западного социума, где антиамериканские настроения остаются на высоком уровне.

В-третьих, «Исламское государство» обладает долгосрочным глобальным политическим проектом, привлекательным и понятным для сотен миллионов человек — во всяком случае в Исламском мире.

Москва своим альтернативным глобальным цивилизационным проектом, который мог бы поддержать другие народы и общества, не обладает. Китай пытается сформулировать свой подобный проект. Но даже внутри высшего китайского руководства и китайской элиты продолжают острые дискуссии по поводу соотношения национально-китайского и общечеловеческого в таком проекте.

В-четвёртых, Соединённые Штаты, при всей своей политической и военной мощи, проигрывают информационно-идеологическую войну с «Исламским государством». Одна из главных и парадоксальных причин этого заключается в том, что вся американская и, шире, западная культура пропитана стремлением (любой ценой) к власти, влиянию, насилию. А именно на силу, власть, солидарность делает акцент пропаганда «Исламского государства». То есть ИГ фактически имеет дело с аудиториями, которые фактически уже подготовлены для восприятия соответствующих образов и идей.

В-пятых, по мнению официального Вашингтона, именно ДАИШ является главной силой, которая стремится подорвать существующий западный мировой порядок. И в этом отношении

«Исламское государство» гораздо более опасно, чем Россия и Китай, прежде всего в силу своей стратегической непредсказуемости. Приведу только один пример.

После 11 сентября 2001 года США потратили почти триллион долларов на создание разведывательной и правоохранительной инфраструктуры, а также на военные операции, направленные против «Аль-Каиды» и её союзников. Было создано или реорганизовано 263 государственные организации, включая департамент внутренней безопасности, Национальный центр по противодействию терроризму и Управление безопасностью транспортных перевозок. Американское разведсообщество ежегодно готовит 50 тысяч докладов по терроризму. В стране насчитывается 51 организация и военные командования, которые отслеживают движение денежных средств вокруг террористических сетей. Но оказалось, что вся эта структура не способна к эффективному противостоянию с «Исламским государством».

В-шестых, в России и в Китае, которые в настоящее время пытаются противодействовать Соединённым Штатам, американцы имеют свою разветвлённую информационную сеть, своих

высокопоставленных «агентов влияния», целые социальные группы, которые симпатизируют и стараются максимально подражать западному образу жизни. Ничего подобного в «Исламском государстве» нет, поэтому соответствующие политические козыри у Вашингтона отсутствуют.

Кроме того, потребительский характер российского и китайского обществ существенно сближает их с западной цивилизацией, в отличие от аскетического образа жизни в ИГ.

В-седьмых, в структурах «Исламского государства» работают сотни, а может, и тысячи руководителей и сотрудников бывших саддамовских мухабрат, в том числе и высокопоставленные представители партийной разведки — элитного ядра всей системы спецслужб режима Саддама Хусейна. Все они по определению считают себя безусловными врагами Соединённых Штатов Америки.

В-восьмых, Вашингтон не готов к широкомасштабной военной конфронтации с ДАИШ с использованием своих сухопутных сил в силу целого ряда стратегических, политических, социальных, геополитических, идеологических и других причин. Прежде всего потому, что США не могут вновь пойти на прямую военно-силовую конфронтацию со всем суннитским миром.

Как признают американские генералы: «У Соединённых Штатов нет военных вариантов борьбы с ИГИЛ. Ни антитеррористические операции, ни стратегия противодействия повстанческим выступлениям, ни полномасштабные военные действия не позволят одержать решительную победу над этой группировкой». Поэтому, по их мнению, к концу августа 2015 года ДАИШ был более силён, чем за год до этого, несмотря на эти бомбардировки.

В-девятых, высший американский истеблишмент в принципе не знает, что делать с ИГ в долгосрочной перспективе. В этой связи Вашингтон пытается использовать против ДАИШ т.н. стратегию «наступательного сдерживания», которая носит оборонительный и временный характер: «По крайней мере ещё какое-то время наиболее действенной политикой, отвечающей нашим целям и средствам и имеющей самые высокие шансы защитить наши интересы, останется «наступательное сдерживание» — сочетание ограниченной военной кампании с серьёзными дипломатическими и экономическими усилиями для ослабления ИГИЛ и согласования интересов многих стран, которым угрожает наступление этой группировки». Поэтому Вашингтон пытается форсировать отношения с Барзани, идёт

на существенные уступки и Турции, и Ирану, чтобы сколотить эффективную региональную коалицию против ИГ.

С другой стороны, в нынешней ситуации важнейшей стратегической долгосрочной целью для высшей американской элиты является задача непосредственно столкнуть ИГ и Россию на Ближнем Востоке, и прежде всего — втянуть Вооружённые силы РФ в силовую конфронтацию с ДАИШ.

«...GET READY TO BE SURPRISED!»

Итак, в собственно Исламском мире происходит активный процесс образования многочисленных новых пассионарных элитных и контрэлитных групп, особенно после 2003 года. Иначе говоря, уже появился своего рода первичный революционный «квантовый бульон» для формирования консолидированной единой элиты Исламского мира. Но, безусловно, наличие даже объективных предпосылок отнюдь не гарантирует, что это обязательно произойдёт.

Если же предельно кратко говорить о стратегическом прогнозе, рассчитанном на 10–15 лет, то возможны три основных сценарных варианта формирования единой элиты Исламского мира.

Первый сценарий: формирование конфиденциальной ирано-турецкой оси на высшем уровне, вокруг которой постепенно и будет складываться единая элита всего Исламского мира на основе умеренного исламского фундаментализма. То есть фактически может произойти ревитализация одной из идей Наджметдина Эрбакана, бывшего премьер-министра Турции.

Определённые предпосылки для этого уже появились. За последние пять—семь лет сложились достаточно эшелонированные, в том числе и конфиденциальные, отношения между высшими национальными элитными группами двух наиболее мощных мусульманских стран. Достигнут достаточный уровень доверительности на высшем уровне. Экономические потенциалы Турции и ИРИ в принципе взаимодополняемы. В обоих странах у власти уже достаточно долго находятся умеренные исламистские режимы. И Турция, и Иран выступают против создания независимого курдского государства. Тегеран и Анкара имеют близкие позиции по палестинской проблеме.

Но при всём при том между Турцией и Ираном сохраняются и существенные противоречия. Турецкие и персидские элиты традиционно являлись и остаются историческими геополитическими конкурентами. Анкара и Тегеран и в настоящее время пытаются выстроить свои региональные зоны влияния. Национальные турецкие и иранские элиты остро конкурируют в Сирии, у них достаточно противоположные точки зрения по поводу будущего Ирака. Они кардинально расходятся в отношении будущего «Исламского государства» и по некоторым другим вопросам.

Второй сценарий: поглощение крайних протоэлитных суннитских групп основными элитами умеренного суннитского фундаментализма, прежде всего высшей турецкой элиты. В этом контексте новая элита Исламского мира станет явно более радикальной, но одновременно террористически-экстремистская тенденция фактически исчерпает себя. Появляется мощная предпосылка для начала нового суннитско-шиитского сближения.

Наконец, **третий сценарий** — в результате распространения общеарабской революционной волны значительная часть умеренных элитных групп суннитского толка может пойти на альянс с соответствующими радикальными группировками. Это будет означать поглощение умеренного суннитского фундаментализма радикальным джихадизмом. При таком варианте раскол между шиитами и суннитами будет только усиливаться.

При любом раскладе формирование целостной элиты Исламского мира в XXI веке станет возможным только в контексте практического учёта следующих требований.

Во-первых, необходим тщательный анализ позитивного и негативного опыта формирования и развития основных наднациональных элит в прошлом столетии.

Во-вторых, в условиях непрекращающегося роста глобальной стратегической неопределённости появление целостной, консолидированной элиты Исламского мира возможно только при наличии нетривиального и эффективного «интеллектуального капитала». Речь идёт, прежде всего, о выработке долгосрочной, как минимум до середины нынешнего века, рефлексивной «картине мира», вокруг которой могла бы начаться действительная консолидация значительной части протоэлитных групп.

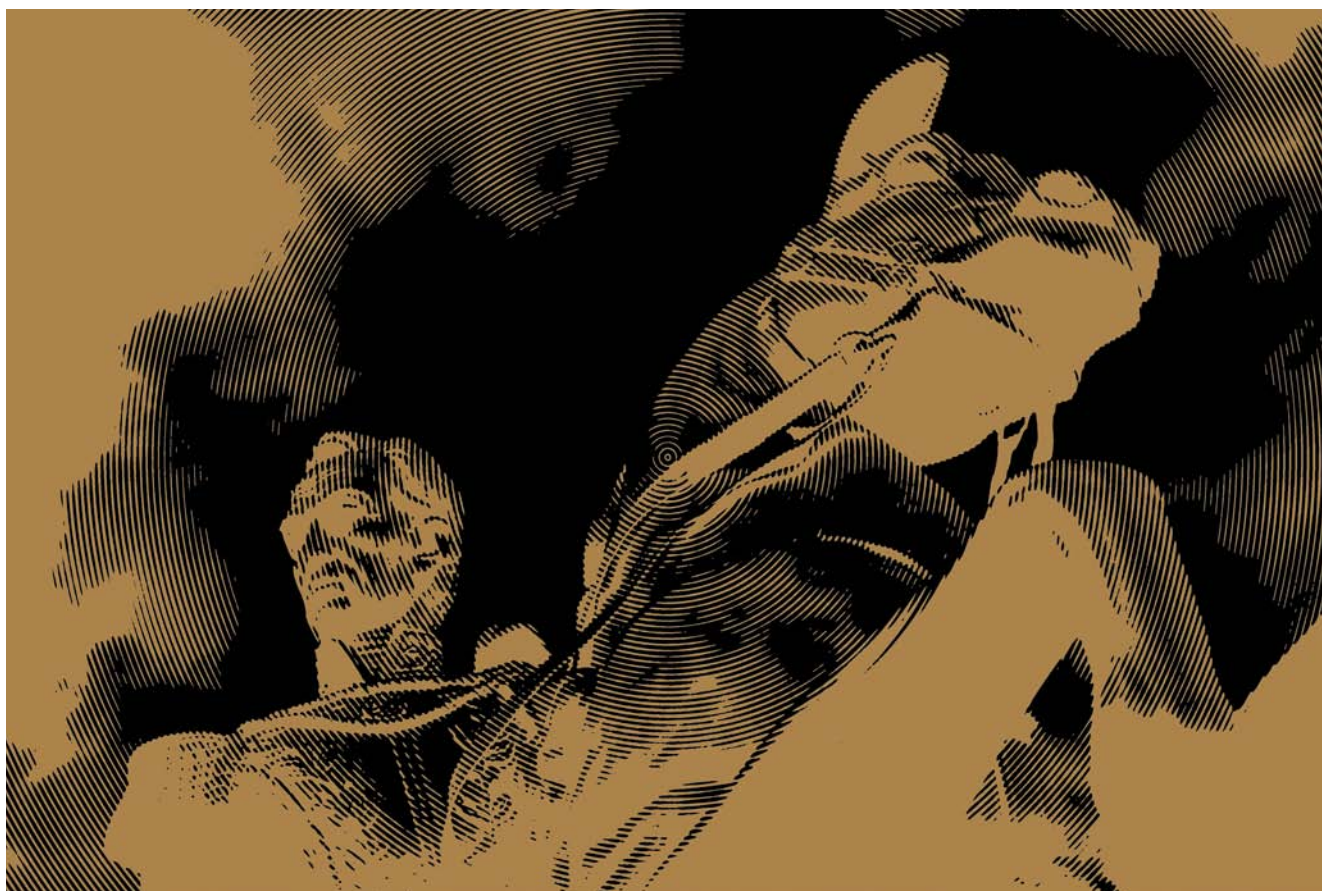
В-третьих, действительно эффективная функционирующая новая элита Исламского мира не возникнет без формирования наднациональной, стратегической, интеллектуальной сетевой структуры, соединяющей основные «мозговые центры» национальных элит.

Первая основная функция такой структуры заключается в разработке универсальных интеллектуальных продуктов, в которых объективно нуждается потенциальная элита уммы. В первую очередь речь идёт об эффективных моделях стратегического прогнозирования, практических механизмах выработки среднесрочных системных прогнозных сценариев, технологий долгосрочного рефлексивного планирования, эффективных систем принятия стратегических решений и т.д.

Вторая основная функция — организация и отработка особых коммуникационных связей между различными протоэлитными и национальными элитными группами для закрепления и воспроизводства системного доверия.

В-четвёртых, новая элита Исламского мира окажется нефункциональной без запуска принципиально нового механизма образования, ориентированного на максимальную оптимизацию воспроизводства человеческого капитала.

И, наконец, **в-пятых**, по мере кардинальной трансформации всего глобального человеческого сообщества новая элита Исламского мира объективно нуждается в новой, уникальной организационной культуре, включающей интеграцию новых форм иерархических и сетевых систем, различные методы и технологии организационного оружия и т.д.

К югу от США: Латинская Америка вчера, сегодня и завтра

*Беседа с учёными Института Латинской Америки
Российской академии наук*

Александр НАГОРНЫЙ, исполнительный секретарь Изборского клуба:

— Уважаемые коллеги! Институт, который вы представляете на страницах нашего журнала, — ведущее научно-исследовательское учреждение нашей страны, в его сферу компетенции входит весь комплекс проблем, связанных с данным метарегионом нашей планеты. Вплоть до конца

50-х — начала 60-х годов XX века он вполне обоснованно считался полуколонией Соединённых Штатов и европейских метрополий, где правят компрадорские олигархические кланы. Присутствовала и некая революционная составляющая: сначала в Мексике, затем на Кубе и в Никарагуа, но не она определяла лицо Латинской Америки. Однако за послед-

ние полвека ситуация существенно изменилась. В число 25 ведущих экономик мира вошли такие латиноамериканские государства, как Бразилия (7-е место по объёму ВВП в 2014 году), Мексика (11-е место) и Аргентина (24-е место). Колумбия, Венесуэла, Чили и Перу расположены в первой полусотне. Население 20 стран Латинской Америки (без Карибского региона) составляет около 600 миллионов человек, или примерно 8,5% населения Земли, их совокупный ВВП — около 8,9 трлн долл., что составляет больше половины экономики Евросоюза и 8,2% общемирового.

Этот экономический рост сопровождался значительными изменениями в социальной, политической, идейной и культурной сферах. Кубинскую революцию и связанный с ней Карибский кризис 1962 года вообще можно считать одними из ключевых моментов глобальной истории XX века. Насколько управляемыми и насколько стихийными, на ваш взгляд, были и остаются эти процессы, какие общественные силы их осуществляют, можно ли говорить о формировании самостоятельных национальных, межнациональных или даже наднациональных общелатиноамериканских элит, обладающих собственным «образом будущего»?

Владимир ДАВЫДОВ, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института Латинской Америки РАН:

— Должен сказать, что понятия «национальность» или «межнациональность» применительно к Латинской Америке, на мой взгляд, выглядят совсем по-другому, чем, например, в Европе.

Политическая независимость, которую бывшие испанские колонии Нового Света и Бразилия обрели в 20-е годы XIX века, не означала обретения экономической независимости: страны Латинской Америки стали объектом экспансии со стороны европейских держав, в первую очередь — Великобритании и Северо-Американских Соединённых Штатов. Границы между новыми государствами проходили, как правило, по границам бывших вице-королевств испанской метрополии и внутри них: Новая Испания (Мексика и государства Центральной Америки, за исключением Панамы), Новая Гранада (Колумбия, Венесуэла, Панама и Эквадор), Рио-де-ла-Плата (Аргентина, Парагвай, Уругвай и Боливия), Перу (Перу и Чили).

Основой экономики этих государств был вывоз различных видов сырья и продоволь-

ствия в обмен на промышленные товары, и контроль за этой торговлей сосредоточили в своих руках вполне определённые семейства и кланы, как правило, — креольского происхождения. Между латиноамериканскими странами, при всех их особенностях, противоречиях и конфликтах, гораздо больше общего, чем между европейскими.

Александр НАГОРНЫЙ:

— Это связано с многовековым влиянием испанской и португальской метрополий?

Збигнев ИВАНОВСКИЙ, доктор политических наук:

— Я бы сказал шире — с единой исторической судьбой всей Латинской Америки. Это касается и колониального периода, и периода освободительных войн, и дальнейшего полуколониального развития, и нынешней ситуации.

Да, практически во всех странах региона существуют старые элиты, которые можно назвать аристократическими, истоки которых восходят к колониальной эпохе и которые сыграли главную роль в освободительных войнах, а затем — в создании нынешних латиноамериканских государств. За это время они, несомненно, трансформировались, но до сих пор весьма сильны и влиятельны — особенно там, где сохраняется «традиционная» экономика, основанная на земельной собственности. Например, в Колумбии полтора века сохраняется разделение между консерваторами и либералами, «draconianos» и «golgotas», там говорили даже, что каждый колумбиец рождается на свет уже с партийным билетом, но почему его семья относится к той или иной партии, никто не знает. Некоторые аристократические семьи контролировали и контролируют «свои» территории настолько плотно, что воспринимаются в качестве неких аналогов традиционных индейских вождей, и это даже даёт повод сравнивать политические системы Латинской Америки с трайбалистскими государствами Африки.

Но это, так сказать, первый, коренной слой становления латиноамериканских элит. Вторым слоем можно считать выдвинутых периодом диктатур 10–70-х годов XX века, когда под влиянием США сформировались военные и компрадорские элиты, которые стали играть важнейшую политическую роль во многих странах Латинской Америки. Было три волны противодействия этим диктатурам, превращавшим свои страны в «банановые республики»: в 30-е годы, в 50-е и в 70-е.

В ходе этого процесса сформировалась третья составляющая современных латиноамериканских элит: левая и антиамериканская. Долгие годы она воспринималась в качестве контрэлиты, но в конце 70-х годов началась её инкорпорация и конвергенция в действующие политические системы, и этот процесс предопределил «левый поворот» или, на мой взгляд, вернее будет сказать, «левый дрейф» конца 90-х годов. Который выглядел совершенно невозможным во времена Кастро и Альенде.

Посмотрите, президент Бразилии Фернанду Энрики Кардозу, видный учёный-социолог: в политике — социал-демократ, в экономике скорее проявил себя как либерал-монетарист, правда, очень сдержанный и мягкий. Но среди предпринимательского класса он, когда уходил, имел рейтинг доверия выше 70%. Следующий президент, Игнасио де Лула, продолжая политику Кардозу, но придав ей социальный характер, перевёл в средний класс 40 миллионов бедных бразильцев. Это очень много.

Рафаэль Корреа, напротив, казалось бы, правый экономист, став президентом Эквадора, проводит левую политику.

«Наверху» появились люди из народа, из «низов»: те же Игнасио де Лула, Энрике Моралес, Уго Чавес и другие. Чрезвычайно велика в современной Латинской Америке роль женщин — Кристина Киршнер, Дилма Русефф, Виолетта Чаморра. Эквадор, Боливия, Венесуэла — половину депутатских мест в парламентах этих стран должны занимать женщины, такая «гендерная квота» закреплена законодательно.

Но теперь на смену «левому дрейфу» идёт новое усиление правых, проамериканских сил. Это как песочные часы — Латинской Америке приходится их время от времени переворачивать, постоянно маневрируя между экономической эффективностью и социальной справедливостью.

Владимир ДАВЫДОВ:

— Мы говорим: «олигархическое государство», «компрадорская буржуазия». Но в Латинской Америке она если и компрадорская, то сегодня гораздо серьёзнее и профессиональнее, чем была до конца 80-х — начала 90-х годов XX века. В 90-е годы наверх вышли те фракции правящего класса, которые органически связаны с транснациональными корпорациями и банками, которые были готовы производить расчётку своего собственного экономического и политического пространства. Центр мировой

экономики в ходе глобализации сместился именно в сторону ТНК и крупного финансового капитала.

С одной стороны — колоссальные экономические, социальные и политические издержки, утрата суверенитета, но с другой стороны, — это новые технологии, которые дают колоссальный эффект. К началу XXI века латиноамериканские государства пришли с гораздо большим весом в мировой экономике и политике, чем это было до 1991 года. А когда социальные издержки неолиберализма стали избыточными, общественные настроения качнулись влево, к власти пришли фигуры наподобие Уго Чавеса в Венесуэле, Дилмы Русефф в Бразилии, четы Киршнеров в Аргентине, в Никарагуа Даниэль Ортега снова стал президентом. Это стало возможным потому, что сдвиги начались не только в массах, но и в элитах. Через политику внедрились в элиту новые фракции, которые не обладали капиталом. Но их стала разъедать коррупция. В этом плане левые оказались не на высоте. Противоядия против коррупции не было ни в одной латиноамериканской стране — может быть, за исключением Чили и отчасти Уругвая.

Александр НАГОРНЫЙ:

— А Куба — это латиноамериканская страна?

Владимир ДАВЫДОВ:

— Куба — отдельный случай, поскольку она оставалась испанской колонией до начала XX века и сразу же попала под столь же полный контроль со стороны США. Кстати, кубинская революция была в первую очередь антиколониальной революцией, а уже затем — социальной, поскольку выяснилось, что первое невозможно без второго.

Пётр ЯКОВЛЕВ, доктор экономических наук:

— Латинская Америка — единственный регион мира, где за последнюю четверть века разрыв между богатыми и бедными в целом не рос, а уменьшался.

В Бразилии, например, коэффициент Джини по сравнению с 1991 годом снизился с 59 до 53, в Аргентине — с 45 до 44, в Мексике — с 54 до 47, в Колумбии — с 59 до 54, в Венесуэле, как это ни странно, вырос с 44 до 47. Но не стоит забывать, что данные процессы шли на фоне огромного экономического роста. Тем не менее Латинская Америка остаётся во втором эшелоне развития, по многим направлениям отставая от передовых стран мира, — впрочем,

как и Россия. И это отставание сокращается очень медленно, если вообще сокращается.

Поэтому в целом нужно сказать, что элиты Латинской Америки ответственны за такую отсталость. Они за два века независимости не смогли обеспечить своим обществам выход на передовые рубежи развития, не смогли выработать модель стратегической модернизации и провести её в жизнь, не смогли создать работающие эффективные государственные и общественные институты. Взять ту же Венесуэлу: ушли консерваторы, пришёл Чавес — совсем другая страна. Чавес умер — пошли разброд и шатания, всё держится на каких-то отдельных лидерах.

Александр НАГОРНЫЙ:

— А зачем же Соединённым Штатам нужна сильная Латинская Америка? Разве они были заинтересованы в создании таких самостоятельных и эффективных институтов «к югу от Рио-Гранде»?

Пётр ЯКОВЛЕВ:

— Это другой вопрос. Тепличных условий, чтобы никто не мешал, нигде никогда не было. Латиноамериканские элиты в этом смысле оказались не на высоте.

Александр НАГОРНЫЙ:

— Но сейчас ситуация меняется?

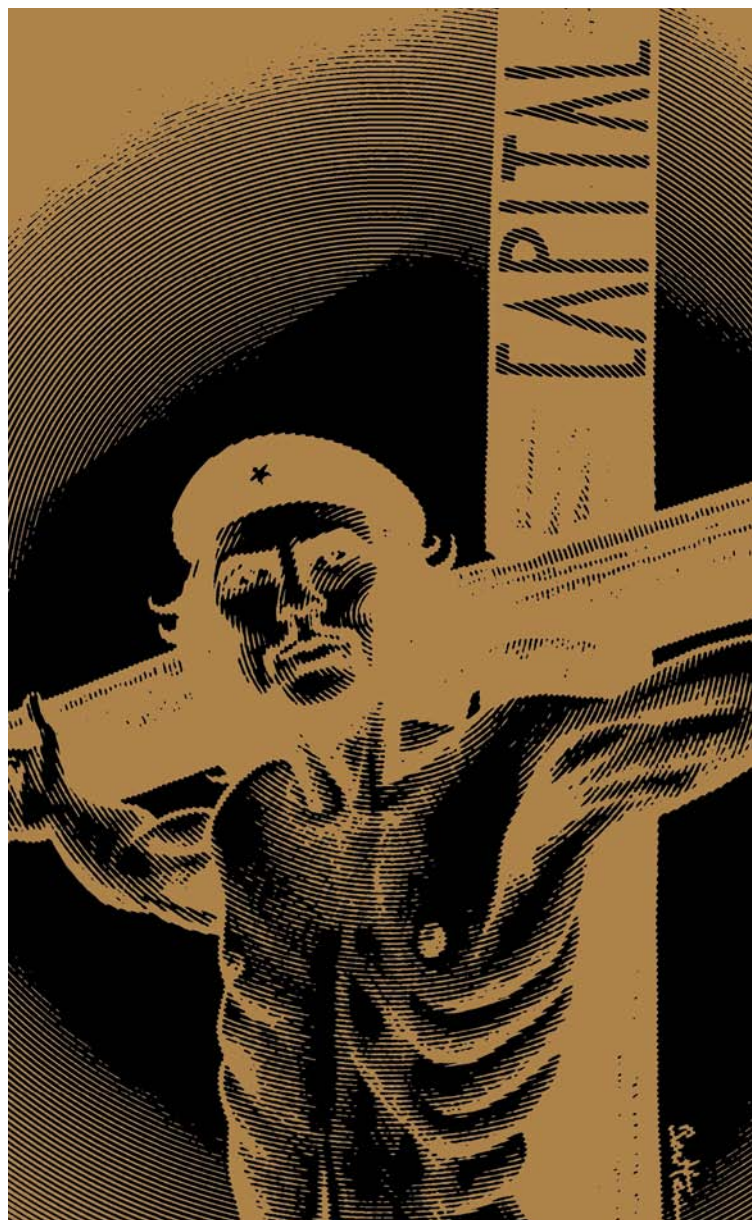
Пётр ЯКОВЛЕВ:

— Ситуация меняется во всём мире, и эти изменения неизбежно затрагивают Латинскую Америку. Но «драйвером» этих изменений она не является.

А ведь это — богатейшие страны, где есть абсолютно всё. И, например, там нет множества проблем, характерных для США или для России. В той же Аргентине, где я прожил 15 лет, никаких расовых или национальных проблем, низкий уровень преступности, это страна, в которой и сегодня можно, приехав туда с пустыми руками в 20–30 лет, стать преуспевающим человеком, как это сделал, например, в конце 20-х годов прошлого века отец президента Карлоса Менема, эмигрант из Сирии. Или через 20 лет — отец нынешнего президента Маурисио Макри, эмигрант из Италии. Это элита, которая формировалась интернационально. Дилма Русефф по происхождению болгарка, Нестор Киршнер — немецко-хорватская смесь, Альберто Фухимори — японец, и таких примеров можно привести множество. Идёт

размывание традиционных элит и проникновение новых людей. В Латинской Америке есть люди, которые сделали миллиардные состояния за последние 15–20 лет. Тот же Карлос Слим, один из богатейших людей современного мира, сын эмигранта-ливанца, миллионером стал самостоятельно, хотя и при финансовой поддержке своего отца.

Элиты Латинской Америки хорошо изучили политическую арифметику. Они создали систему выборов, партий и так далее. Но до политической высшей математики, когда создаются работающие государственные и общественные институты, они не доросли. И популистская политика новых элит, конечно, сильно ударила по старым элитам: пошли новые налоги, новые субсидии, ограничения на экспорт, ограни-

чения на импорт и так далее. Каркас начал разрушаться, и когда на улицы вышли новые люди с новыми требованиями, которые купили бытовую технику, автомобили, их дети получили университетское образование, а власть эти новые требования удовлетворить уже не может.

Александр НАГОРНЫЙ:

— В Латинской Америке идёт усиление ТНК или на первый план выходят национальные капиталы?

Владимир ДАВЫДОВ:

— Сейчас идёт включение национальных структур в мировой рынок, в глобальный бизнес. Одним из примеров этого процесса является усиление роли «мультилатинос», которыми как раз занимается Пётр Павлович, — это транснациональные корпорации, которые выросли из латиноамериканского капитала. Теперь их называют «транслатинос».

Пётр ЯКОВЛЕВ:

— Пройдёмся по Москве. Есть популярная сеть фастфуда Burger King. Многие считают, что это американская компания. А она с 2010 года принадлежит бразильскому капиталу. Крупнейшие цементные компании, крупнейшие экспортёры продовольствия — это всё те же бразильцы, мексиканцы и так далее. Для скупки активов в Европе они в качестве плацдарма используют Испанию и Португалию, крупнейшие активы вкладываются в Великобританию. В финансовой сфере Латинской Америки преобладают или государственные, или крупные частные банки с местным капиталом. А иностранные банки, которые исторически играли важную роль, оттесняются на второй план. Конечно, процесс многослойный, но в нём латиноамериканские капиталы не поглощаются и не используются пассивно. Однако в целом идёт объединение, «стягивание» региона при одновременном выходе на внешние рынки.

Например, ЛУКОЙЛ рвётся к мексиканской нефти, потому что они там выставили на торги огромное количество участков, ранее находившихся в собственности государства. РУСАЛ практически содержит элиты Гайаны, поскольку там залежи бокситов, сырьё для алюминиевой промышленности, наш бизнес там структурообразующий.

Александр НАГОРНЫЙ:

— Какова роль Католической церкви в Латинской Америке? Насколько сегодня популярны

идеи «теологии освобождения», к которой, как известно, имеет определённое отношение недавно избранный папой римским первый латиноамериканец и первый иезуит на престоле святого Петра, аргентинский кардинал Хорхе Марио Бергольо, взявший имя Франциск? Формирует ли Католическая церковь «образ будущего» для Латинской Америки через местные элиты?

Збигнев ИВАНОВСКИЙ:

— Латинская Америка — традиционно католический континент, католичество исповедуют около 70% его населения, однако сейчас там идёт активное наступление протестантизма. Недавно я даже прочёл такую фразу: «Католики обращаются к бедным, а бедные — к протестантам». Когда я лет пять назад был в Чили, в одном из беднейших, трущобных районов Сантьяго, первое, что я увидел, — протестантский храм. В разных странах ситуация складывается по-разному, но в целом влияние Католической церкви, конечно же, чрезвычайно велико. А папа Франциск — он же этнический итальянец, и в этом смысле не совсем чужой для римской курии человек.

Александр НАГОРНЫЙ:

— Насколько сильны позиции так называемой Боливарианской инициативы? Пользуется ли она поддержкой со стороны Китая и России?

Владимир ДАВЫДОВ:

— Я бы не стал преувеличивать значение этой межгосударственной структуры, которая носила не столько идейный, сколько конъюнктурный и даже не политический, а экономический характер. Там многое держалось на личности Уго Чавеса и на высокой цене нефти, которую Венесуэла поставляла на экспорт, в том числе — в другие страны Латинской Америки. Чавес умер, нефть подешевела — и не стало никакой Боливарианской инициативы, поскольку донорство со стороны Каракаса прекратилось, Венесуэла сейчас сама оказалась в очень сложном положении. И это, например, ещё одна из причин того, что кубинцы пошли на сближение со Штатами. Люди с острова Свободы широко представлены в силовых структурах нынешней Венесуэлы, Чавес их приглашал, и они прекрасно знают цену тем изменениям, которые сейчас идут при Мадуро, видят перспективу и предприняли шаги для того, чтобы нормализовать отношения с Вашингтоном. Пусть на время, но им это нужно, чтобы

не оказаться в положении рыбы, выброшенной на берег, а США тем самым несколько улучшили свой имидж во всей Латинской Америке.

Китай в латиноамериканских странах не работает с межгосударственными объединениями, предпочитая формат двусторонних отношений. Да и активность его заметно уступает тому, что китайцы делают в Африке. Россия играет в данном отношении куда более заметную и масштабную роль.

Збигнев ИВАНОВСКИЙ:

— Латинская Америка в каком-то смысле тоже была «мастерской» для США: например, в производстве текстиля, — и когда китайские товары вытесняют латиноамериканские не только с американского, но и с их собственного внутреннего рынка, это не способствует восприятию китайцев в качестве друзей и особенно — «старших братьев». Латиноамериканцы чрезвычайно чувствительны к этим моментам.

Пётр ЯКОВЛЕВ:

— Мексиканский экспорт, кстати, составляет свыше 400 млрд долл., 80% его идёт в США, и это в основном промышленные товары — в рамках NAFTA американским корпорациям выгодно выносить производство в Мексику,

где рабочая сила намного дешевле и её много — больше 120 миллионов населения. Однако роль Китая в регионе, конечно, растёт и укрепляется, есть масштабные инфраструктурные проекты, в частности — скоростных железных дорог, чрезвычайно нужных для развития латиноамериканской экономики.

Александр НАГОРНЫЙ:

— А Никарагуанский канал?

Владимир ДАВЫДОВ:

— Тема сегодня модная, но как она соотносится с реальностью? С одной стороны, американцы уже практически модернизировали полностью подконтрольный им Панамский канал, который, хотя и не справляется полностью с потоком грузов между Атлантическим и Тихим океанами, но другого в течение десяти ближайших лет точно построить не удастся. В мировой экономике — кризис, и то, что гонконгская фирма, которая официально взялась строить в Никарагуа дублер Панамского канала, заморозила данный проект, — уже факт. Возможно, китайцам проще и выгоднее взять под свой контроль крупнейшие порты во всём мире, чем вкладываться в новый трансокеанский канал, который они могут использовать в качестве отвлекающего фактора.

Александр НАГОРНЫЙ:

— США активно занимались военными элитами Латинской Америки, активно занимались бизнес-элитами, ориентируя их на себя. Но в плане культурном никакой ориентации на США у латиноамериканцев, кажется, нет, её не возникло. Культурные элиты обращены традиционно к Европе, причём в особенности к романским католическим странам: Испании, Франции, Италии. Так ли это и с чем это связано?

Владимир ДАВЫДОВ:

— Я бы сказал, что ни США, ни Европа для Латинской Америки в культурном плане — вовсе не ориентир. Напротив — люди там в значительной мере привязаны именно к своей земле, к тем традициям, которые существуют в их странах, хотя, конечно, и Мигель Сервантес, и Лопе де Вега, и вся классическая испанская, португальская, в целом европейская культура для них — тоже не чужая, своя. Но фольклорные мотивы всё же сильнее. Даже в Мексике — стране, наиболее сильно чувствующей на себе влияние американской массовой культуры, — народные песни, народные танцы остаются живой и важнейшей частью национального самосознания. В этом отношении мексиканцы, на мой взгляд, оказались куда устойчивее, например, наших соотечественников или же японцев с китайцами. Что уж говорить о тех латиноамериканских странах, которые расположены дальше от США, в Центральной и Южной Америке?!

Пётр ЯКОВЛЕВ:

— Когда я был в Колумбии, среди поразивших меня моментов был тот, что ни на одной молодёжной вечеринке не звучала западная музыка. И это типично для всех латиноамериканских стран. Их культурная матрица не разрушается и не поглощается североамериканской. Более того, скажем, мексиканское влияние, особенно в южных штатах США, очень сильное, и становится всё сильнее. Это касается и кухни, и всего жизненного уклада.

Александр НАГОРНЫЙ:

— Насколько велико влияние «наркофактора» в латиноамериканской культуре, экономике и политике?

Збигнев ИВАНОВСКИЙ:

— На мой взгляд, чрезвычайно велико. И активно используется США для влияния на страны Латинской Америки. Американское Управление

по борьбе с наркотическими веществами, DEA, имеет свои представительства везде, где у власти не стоят левые силы. А это подразделение Министерства юстиции США — со всеми вытекающими из данного факта последствиями — мощнейший инструмент воздействия на все сферы жизни Латинской Америки. Причём целью DEA является не столько искоренение производства и потребления наркотиков, сколько максимальный контроль за этими процессами. Причём речь идёт не только о кокаиновой индустрии, в становлении которой, например, многолетняя деятельность DEA по «искоренению» марихуаны сыграла решающую роль. Латинская Америка — это уникальное разнообразие экосистем, фауны и флоры, и количество растений с психотропным эффектом: от чая мате до той же коки, — чрезвычайно велико, их точно несколько тысяч.

Александр НАГОРНЫЙ:

— Насколько сказывается культурно-языковая особенность Бразилии в отношениях с испаноязычными странами Латинской Америки?

Владимир ДАВЫДОВ:

— Ну португальский язык не так далеко ушёл от испанского, особенно в его бразильском варианте. На юге Бразилии вообще все говорят на португальском — это смесь испанского и португальского языков. К тому же лет десять назад в школах Бразилии было введено обязательное преподавание испанского языка.

Пётр ЯКОВЛЕВ:

— При этом если в Португалии вы будете говорить с португальцем на испанском языке, в девяноста случаях из ста он сделает вид, что вас не понимает, — лучше общаться с ним на английском. А в Бразилии ничего подобного вы не найдете.

Александр НАГОРНЫЙ:

— Если Россия действительно хочет вернуть себе статус великой державы, как об этом официально и неоднократно заявлялось на самом высоком уровне, она должна работать со всем миром, а значит — и с элитами всех стран и континентов. Одним из обязательных условий успешности такой работы является как минимум взаимопонимание, а как максимум — взаимное доверие. Значит, нужно расширять контакты, подключая не только экономические и политические проекты, но также образовательные, исследовательские и культурные

программы. Как вы оцениваете современное состояние российско-латиноамериканских отношений по всем этим направлениям?

Владимир ДАВЫДОВ:

— Не надо, как говорится, агитировать нас за советскую власть. Отношения с Латинской Америкой не осознаются в качестве критически важных для современной России, да и не являются таковыми на фоне других проблем. Сейчас у нашей страны совсем другие приоритеты, это объективная реальность, и тут ничего не поделаешь. За время существования СССР высшее образование здесь получили десятки тысяч латиноамериканских студентов. Но сейчас в США обучается свыше ста тысяч граждан из государств Латинской Америки. А в России — всего лишь несколько десятков. Только в 2014 году по настоянию министра иностранных дел Сергея Викторовича Лаврова Россия начала компенсировать латиноамери-

канским студентам стоимость авиабилетов сюда и обратно. И этот маленький шаг сразу привел к значительному увеличению их числа в российских вузах. Но, конечно, таких шагов, если мы хотим взаимодействовать с Латинской Америкой на качественно новом, более высоком уровне, предстоит сделать ещё не один и не два. Надеюсь, что объективное совпадение интересов России с латиноамериканскими государствами рано или поздно приведёт к тому, что такие шаги будут сделаны. А мы видим свою задачу в том, чтобы всемерно содействовать этому непростому, но крайне нужному для нашей страны процессу.

Александр НАГОРНЫЙ:

— Коллеги, искренне благодарю вас за эту беседу и надеюсь, что она будет интересной для читателей нашего журнала и небесполезной для развития российско-латиноамериканских отношений.

/ Татьяна ШАУМЯН /

Бутон лотоса

Индия в современном мире

Конец 2015 года ознаменовался официальным визитом премьер-министра Индии Нарендры Моди и его переговорами в Кремле с президентом Российской Федерации Владимиром Путиным. Содержание и результаты этих переговоров, которые сопровождались встречами с представителями деловых кругов двух стран, пока остаются известными только

в общем виде, без детализации, однако ясно, что сотрудничество между Москвой и Дели выходит на новый, гораздо более высокий уровень, который стороны официально определили как «специальное привилегированное стратегическое партнёрство». Учитывая наличие у России «стратегического союза» с КНР, а также активно идущий процесс нормализации индийско-ки-

тайских отношений, можно сказать, что «тройной союз» между Индией, Китаем и Россией, о возможности которого впервые заявил Евгений Примаков после его знаменитого «разворота над Атлантикой» в 1999 году, — состоялся.

Надо сказать, что на тот момент идея Примакова выглядела утопичной — прежде всего, по причине несоответствия уровня индийско-китайских отношений ни уровню российско-китайских, ни уровню российско-индийских отношений. Однако все эти направления трёхстороннего сотрудничества за истекшие 15 лет получили мощную положительную динамику, и прежде всего это касается отношений между Пекином и Дели. Проблемные моменты никуда не исчезли, а их немало. Есть пограничный вопрос, взаимные территориальные претензии. Есть проблема далай-ламы и пребывания тибетских беженцев на территории Индии, хотя Индия безоговорочно признала китайский суверенитет над Тибетом. Наконец, есть проблема сотрудничества Пекина и Исламабада, для Индии чрезвычайно болезненная.

Но и правительство Манмохана Сингха, и нынешнее правительство Нарендры Моды, невзирая на их различную партийную принадлежность, курс на всестороннее развитие отношений с КНР проводили весьма последовательно и успешно.

Китай за эти годы стал крупнейшим внешнеторговым партнёром Индии, активно идёт политическое взаимодействие двух стран в рамках ШОС и БРИКС, и в этих условиях «слабой стороной» большого евроазиатского треугольника стали выглядеть уже российско-индийские отношения. Именно поэтому им был нужен новый импульс, которым и стали достигнутые на переговорах Путина и Моды соглашения.

Один лишь перечень направлений сотрудничества, озвученный российским президентом, выглядит весьма впечатляюще.

Здесь и атомная энергетика: «При содействии России возводится АЭС «Куданкулам»: первый энергоблок станции был введён в строй в июне 2014 года; считанные недели остаются до запуска второго энергоблока; намерены в ближайшее время приступить к сооружению третьего и четвёртого; идут переговоры по пятому и шестому энергоблокам. Достигнута договорённость о выделении индийской стороной ещё одной площадки под строительство энергоблоков... причём будут использоваться новейшие реакторы ВВЭР-1200 и поставки нефти для индийских нефтеперерабатывающих заводов: в объёме 10 миллионов тонн

ежегодно в течение 10 лет; и другие энергетические проекты: «Газпром» в текущем году экспортировал в Индию пять крупных партий сжиженного природного газа, реализуются крупные проекты в тепло- и гидроэнергетике. Компания «Силовые машины» завершила поставки и ввела в эксплуатацию оборудование для гидроэлектростанций «Тери» и «Балимела», ТЭС «Конасима». Ведётся строительство «под ключ» трёх блоков ТЭС «Сипат».

Специально было отмечено Путиным и такое специфическое направление, как добыча и обработка алмазов: «Россия — крупнейшая в мире алмазодобывающая страна, 27% мировой добычи, а Индия — лидер в области изготовления бриллиантов, 65% производства. Почти половина поставок российского сырья приходится как раз на Индию». В данной связи, наверное, стоит заметить, что в БРИКС помимо Индии и России входит также ЮАР, откуда ведёт свои корни бриллиантовая «империя» семейства Оппенгеймеров De Beers.

«Мы также условились запускать новые совместные проекты в таких высокотехнологичных сферах, как авиастроение, автомобилестроение, металлургия, фармацевтика, химическая промышленность. Обсудили перспективы участия российского бизнеса в реализации индийской программы импортозамещения, она так и называется — «Делай в Индии». Видим в этом дополнительную возможность для создания совместных предприятий, передачи технологий, производства продукции с высокой добавленной стоимостью», — отметил российский президент, отдельно указав на важность сотрудничества двух государств в военной и военно-технической сферах: «Эталонным образцом такого взаимодействия является совместное создание ракетных комплексов «БраМос». Начато уже крупносерийное производство противокорабельных ракет в интересах индийских военно-морских сил. Не менее перспективным считаем обсуждение проектов разработки многофункционального истребителя и многоцелевого транспортного самолёта». Также была отмечена важность регулярного проведения совместных сухопутных, военно-морских и военно-воздушных учений «Индра». Видимо, не исключается и взаимодействие в сфере космических технологий, где Индия обладает долгосрочной и весьма амбициозной программой развития, по вопросам информационной безопасности и т.д.

Особого внимания заслуживает заявление российского лидера о том, что Индия является

«одним из наиболее достойных кандидатов» на место еще одного постоянного члена Совета Безопасности ООН. То, что Владимир Путин заговорил о такой возможности впервые и применительно к Индии, означает лишь одно: реформа ООН уже стоит на повестке дня мировой политики, и она не за горами. Как известно, другими претендентами на аналогичный статус являются ФРГ и Япония — два финансово-экономических гиганта, потерпевших поражение во Второй мировой войне, чьи кандидатуры в Совет Безопасности поддерживают и продвигают — правда, очень осторожно — США, Великобритания и Франция. И публичное выдвижение президентом РФ «индийской альтернативы» является очень сильной политической инициативой.

Прежде всего, это станет признанием той роли, которую Индия как часть Британской империи играла во Второй мировой войне, выступая на стороне Объединённых Наций. Во-вторых, это в полной мере отражает экономический вес современной Индии, который значительно превосходит показатели ФРГ и Японии,

По итогам 2014 года, как следует из доклада Всемирного банка, Индия занимала третье место в мире по размеру своей экономики, рассчитанному исходя из паритета покупательной способности (7,4 трлн долл.), Япония — четвёртое (4,6 трлн долл.), а Германия — шестое (3,7 трлн долл.). Франция при этом была лишь девятой (2,57 трлн долл.), а Великобритания — десятой (2,56 трлн долл.). Для сравнения: Россия в списке Всемирного банка занимает пятое место с показателем 3,75 трлн долл. (при ВВП по обменному курсу 1,2 трлн долл.), а Китай вышел в лидеры с 18 трлн долл.

Индийский ВВП на душу населения увеличился почти в 4 раза, с 452 долл. в 1991 году до 1608 долл. в 2014 году, при этом характеризующий степень социального неравенства коэффициент Джини тоже вырос, но незначительно — примерно с 31 до 35. В России данный показатель, кстати, больше 42, а в Китае он еще выше — около 47.

Общий объём индийского экспорта в 2014 году составил 342,5 млрд долл., импорта — 508,1 млрд долл., при этом по итогам 2014 года лидером зарубежных поставок было топливо (19,6%), Индия является 5-м в мире экспортером нефтепродуктов. Следующие позиции занимают продукция лёгкой промышленности и сырьё для неё (13,9%), химические товары (13,1%), драгоценные металлы и камни (12,8%), продовольствие (10,4%), транспортные средства

(8,2%), металлопродукция (8,1%) и продукция общего и специального машиностроения (7,9%).

Внешний долг, государственный и корпоративный, достаточно быстро растёт и достиг 3,8 трлн долл., или 51,3% ВВП, общий государственный долг (включая и внутренний) — 3,9 трлн долл. Однако и эти показатели выглядят значительно лучше японских и немецких.

Экономика Индии в 2014 году выросла на 7,3%, в этом году ожидается рост на 6,8%, что значительно превосходит показатели США, ЕЭС и Японии и лишь немного уступает Китаю.

Сегодня Индия — это мощная ядерная (с 1975 года) и космическая (с 1980 года) держава, которая способна производить практически весь спектр товаров и услуг, необходимых для самодостаточной современной экономики.

Разумеется, этот взлёт Индии, пока находящейся «в тени» китайского взлёта, не мог состояться «сам по себе». Он во многом был определён высочайшим качеством индийских политических, экономических и культурных элит, которые сформировались в противоборстве и взаимодействии с британской метрополией. Инфраструктуру современной Индии: железные и автомобильные дороги, порты, электроэнергетику и т.д., — создавали англичане, университеты создавали англичане, подготовка конституции независимой Индии началась ещё в 30-е годы, когда стало ясно, что ни в статусе колонии, ни в статусе доминиона Индию Лондону удержать не удастся. Английский язык является одним из государственных языков на территории Индии, которая продолжает оставаться членом Содружества Наций под эгидой британской королевы. Более того, главой Секретариата Содружества с 2008 года является представитель Индии Камалеш Шарма. Изображения Елизаветы II до сих пор можно встретить на индийских почтовых марках, канадцы строят в Индии АЭС, финансовые операции крупного индийского бизнеса традиционно ведутся через Лондон, а интересы государств, входящих в Содружество Наций, взаимно представляют не послы, а «High Commissioners».

Но в декабре 1947 года, когда в результате реализации «плана Маунтбеттена», или «плана 3 июня», возникла современная Республика Индия, казалось, что это государственное образование является искусственным и в ближайшей перспективе может развалиться если не на 584 княжества, которые существовали на её территории до британского завоевания, то на 20–30 мелких и конфликтующих между собой государств. Однако этого не произошло.

Более того, с каждым годом внутрииндийское единство становится всё более прочным, чему способствуют не только перечисленные выше социально-экономические достижения страны. Важнейшую роль в индийском «нацбилдинге» играют радио, телевидение, интернет и кино. Например, феномен Болливуда вообще не имеет прецедента в современном мире, а по уровню развития информационных технологий Индия является единственной страной, сопоставимой с США.

Чрезвычайно важна также активная вовлечённость её жителей в политические процессы. Численность индийских избирателей превышает сегодня 600 миллионов человек, это больше всего населения Евросоюза. И явка на парламентских выборах 2014 года составила 66,4% — то есть за кандидатов более чем десяти партий проголосовало около 400 миллионов индийцев. Несмотря на национальную электронную систему голосования, никаких бумажных бюллетеней в Индии, которую

по праву именуют крупнейшей демократией современности, давно нет, — на избирательные участки выстраивались огромные очереди. Поскольку грамотны далеко не все, на мониторах, помимо названий партий, высвечивались и их символы. У Бхарата Джанатия Парти (БДП) это был лотос, у Партии Конгресса — ладонь, у коммунистов — серп и молот и так далее. И люди вполне осознанно голосовали за эти символы.

Конечно, после победы БДП весьма сильны были опасения того, что возникнут сложности с мусульманским меньшинством, составляющим около 13% населения Индии. Тем более что с именем Нарендры Моды связываются не только очень активные и успешные экономические реформы в штате Гуджарат, главой правительства которого он был начиная с 2001 года, но и грандиозные столкновения на конфессиональной почве, произошедшие там в 2002 году, когда погибло около двух тысяч человек.

А Индия — это не только крупнейшая демократия мира, но и третья по численности живущих в нём мусульман государство мира, после Индонезии и Пакистана. В Индийском метарегионе, если считать только Индию, Пакистан и Бангладеш, проживает около 450 миллионов мусульман — почти треть мировой уммы. Так что игнорировать или приуменьшать значение «мусульманского фактора» для Индии категорически нельзя.

Но Моди, став премьер-министром, постоянно подчёркивает свою лояльность к мусульманам внутри страны и пытается нормализовать отношения с Пакистаном. Так, он пригласил на свою инаугурацию премьер-министра Пакистана Наваза Шарифа — и тот приехал в Дели наряду с другими лидерами Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК). Кстати, на обратном пути из Москвы индийский премьер сделал остановку не только запланированную — в Кабуле, но и неожиданную — заехав в Лахор к Навазу Шарифу.

Надо сказать, это свидетельствует о том, что индийские элиты в настоящее время значительно изменились: на смену прежним лидерам, как правило, получавшим образование в Великобритании и в целом исповедовавшим «британский стиль» в политике, приходит новое поколение, ярким представителем которого является как раз Нарендра Моди.

Конечно, Индия, в силу своего геополитического положения, активно наращивает свой оборонный потенциал, прежде всего —

военно-морской (6000 км береговой линии заставляют обезопасить себя прежде всего от угроз с моря, которые, как показал теракт 2008 года в Мумбаи (Бомбей), вполне реальны). Однако за последние годы Индия всё менее склонна «проецировать» именно военную силу за пределы своих национальных границ, предпочитая использование политических, дипломатических, финансово-экономических и других «мягких» факторов влияния. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на список военных конфликтов, в которых принимала участие Индия с момента провозглашения независимости.

1947–1949 годы — первая «пограничная» война с Пакистаном, раздел Кашмира.

1950 год — индийские войска временно введены в Непал.

1961 год — освобождение Гоа.

1962 год — пограничная война с Китаем.

1965 год — вторая война с Пакистаном.

1971 год — третья война с Пакистаном. Образование государства Бангладеш на территории Восточного Пакистана. Индийские войска временно введены на территорию Бангладеш и Шри-Ланки.

1983 год — начало боевых столкновений с Пакистаном на леднике Сиачим (Сячэнь).

1984 год — операция «Голубая звезда» (против сикхских сепаратистов).

1987–1990 годы — миротворческие силы Индии направлены в Шри-Ланку.

1988 год — ввод военного контингента на Мальдивские острова.

1999 год — «Каргильский» конфликт в штате Джамму и Кашмир.

Как можно видеть, нынешний «мирный» период в истории Индии стал уже более длительным, чем период 1971–1983 гг., «золотой эры» Индиры Ганди, в которую входит и первая победа Джаната Парти в 1977 году, прервавшая монопольное правление Индийского национального конгресса.

Впрочем, речь идёт прежде всего о смене методов достижения целей, но не о смене самих целей. Как гласил размещённый на официальном сайте посольства Индии в России материал: «географические территориальные границы и стратегические рубежи Индии не совпадают». К категории «стратегических рубежей», по мнению автора данного текста, следовало относить Афганистан, Пакистан, Бангладеш, Мьянму (Бирму), Тибет и Непал. «Даже если Южная Азия имеет те *(политические*. — **Т. Ш.**) очертания, которые сложились

сегодня,... её следует рассматривать как некое географически определённое и стратегическое единство». То есть эти государства рассматриваются не столько в качестве объектов для собственно индийской экспансии, сколько в качестве своеобразного «пояса безопасности», необходимого для эффективного нациестроительства, поскольку внутренние сепаратистские движения и социально-экономические проблемы представляют для Индии гораздо большую опасность, чем любая возможная внешняя агрессия.

Приход к власти Норендры Моды, выходца из бедной семьи и низкой касты, который считает своей главной задачей решить проблему бедности, изменить в лучшую сторону экономическое положение в стране, — это свидетельство того, что нынешние индийские элиты следуют «золотому правилу» политики, согласно которому внешняя политика любой

страны призвана обеспечивать прежде всего её внутреннее развитие.

Несомненно, Индия видит своё будущее в расширении своего «neighborhood», то есть «соседства». Возможно — через мирное объединение с Бангладеш и Пакистаном. Но это — весьма отдалённая, хотя и вполне вероятная перспектива. Пока же геополитическая энергия Индии почти на сто процентов направлена не вовне, а внутрь собственной территории. И «тройной союз» с Россией и Китаем полностью отвечает её национальным интересам, а потому является долгосрочной и стабильной внешнеполитической программой. Сегодня трудно сказать, сколько ещё может продлиться подобное состояние вещей: 15, 25 или 50 лет, но совершенно очевидно, что бесконечным оно не будет. И не исключено, что миру уже к середине XXI века придётся столкнуться с ещё одним глобальным «центром силы» в лице Индии.

Михаил ДЕЛЯГИН. Свечки тьмы. Физиология либерального клана: от Гайдара и Березовского до Собчак и Навального. — М.: Институт проблем глобализации, Книжный мир, 2016. — 800 с.

Объёмный том, 29 расширенных по сравнению с газетными и журнальными публикациями портретов самых ярких представителей отечественного либерализма работы Михаила Делягина с большим авторским предисловием и заключением — это, конечно, не энциклопедия данного феномена от «А» до «Я» и не прокурорское расследование.

«Я действительно был либералом до 1995 года. «Гуру» современного либерализма Евгений Григорьевич Ясин, у которого я работал с мая по декабрь 1994 года, вылечил меня от этого навсегда. Вылечил личным примером, очень качественно, за что я ему благодарен», — неоднократно признавался Михаил Геннадиевич. При этом сам Делягин никогда не «уходил в па-

триоты» и не отрекался от принципов свободы и демократии: он просто искренне не понимает, почему свобода и права одной группы людей должны стоять выше свободы и прав другой группы, почему «одни звери должны быть равнее, чем другие».

Своих «героев» он рассматривает с научной скрупулезностью и без всяких эмоций: во всяком случае, восклицательных знаков в его книге меньше, чем страниц, да и половина того, что есть, приходится на цитаты. И тем убедительнее выглядит результат этой сдержанной доброжелательности к своим бывшим единомышленникам: «рыночный фашизм» этих «свечечей тьмы» — одновременно и диагноз, и приговор...

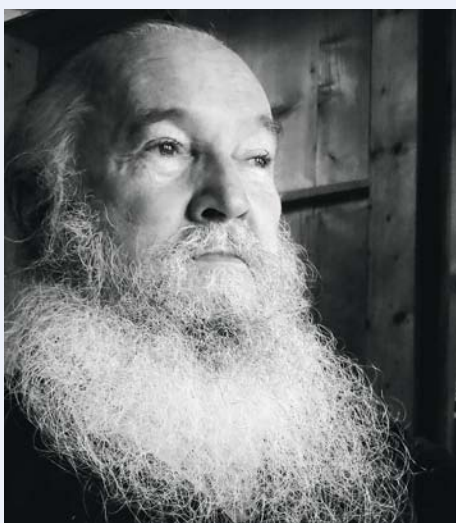

Сергей ГЛАЗЬЕВ. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. — М.: Книжный мир, 2016. — 512 с.

«Мир живёт... в состоянии войны... Столетие с начала Первой мировой западные державы отметили новой интервенцией против России, организовав государственный переворот в Киеве и фактически оккупировав Украину с передачей власти марионеточному неонацистскому правительству», — нетрудно убедиться в том, что те же самые оценки происходящих событий академик Сергей Глазьев высказывал и сразу после «победы Майдана». Не секрет, что именно эта его, уроженца Запорожья, последовательная и жесткая позиция стала причиной для настоящей травли Сергея Юрьевича со стороны всей российской «либеральной оппозиции» — травли, которая докатилась даже до академических кругов.

Главный тезис Глазьева — о том, что в мире закономерно происходят

смены глобальных технологических укладов (ГТУ) и, соответственно, меняются политические и экономические лидеры этих укладов, категорически неприемлем для прозападной в целом и проамериканской в частности «агентуры влияния», которая считает полутысячелетнее лидерство своего кумира, «западной цивилизации», несменяемым и бесконечным, а потому готова оправдывать или попросту «не замечать» любые творимые этим кумиром преступления, любую ложь и обман. Глазьев разрушает данную парадигму «права сильного» не только в качестве выдающегося теоретика-экономиста, не только в качестве практика-политика, немало потрудившегося на ниве евроазиатской интеграции, но теперь — и в качестве идеолога Русского мира.

/ Алексей ЯКОВЛЕВ-КОЗЫРЕВ /

«Я снова вышел на дуэль с судьбой»

* * *

Забыть ли мощь осеннего парада?!
Чеканит шаг кадетский батальон.
Заря на лицах. Алый зов погон.
Триумф у стен Кремля — моя Награда...

О, юных душ весенняя отрада!
Размах лазурных дней — чудесный сон.
Уносит письма ротный почтальон.
В моем — ликует жизнь — поет Гранада...

Улыбки звёзд. Полёт ночного бала.
Какая встреча в сердце просияла
Под арфы грез — на море — у костра!..

Сквозь смерчи лет, тайфуны дум безмерных
Провижу взлёт штыков, хоругви верных.
Ровняют строй герои-юнкера...

* * *

Свершён побег из адского полона.
Врачует душу сладкий плен дорог.
Отринув морок всех земных тревог,
Парю сквозь синий купол небосклона...

Один, под шепот лунного сонета,
Спешу на зов в горнило ярых сеч.
В туманной мгле кумулятивный меч
Прожёг, как пух, титан бронжилета...

Но я храню надмирной Благодатью.
Разъяв свинцовых дум стальные сети,
Вступаю в рубку с ваххабитской ратью.
И мой клинок — как вихрь тысячелетий!..

Что нам ИГИЛ и рык Шестого флота?!
Заря надежды рвёт оковы лет.
Вступает в бой крылатая пехота.
Штык-нож.

Тельняшка.

Голубой берет.

Закатный диск, багряно догорая,
Идёт со мной на штурм крутых времен.
Десант встречает Днепр, Луганск, Дарайя
Под сенью наших золотых знамён!..

БИОГРАФИЯ

Алексей Алексеевич ЯКОВЛЕВ-КОЗЫРЕВ

Родился в Москве, в 1952 году, его родители познакомились в Германии в ГСВГ (группа советских войск в Германии), отец был кадровый офицер.

Пойдя по стопам отца, он тоже стал военным.

Учился в высших и средних военных учебных заведениях, в Московском суворовском военном училище (1968–1971), а затем в ВИИЯ (военный институт иностранных языков) (1971–1976), в 1976 получил первое офицерское звание

«лейтенант» и диплом переводчика-референта английского и испанского языков.

Далее служба в элитном подразделении Вооруженных сил СССР.

После увольнения из ВС СССР много путешествовал, по стране и за рубежом, был в научных экспедициях, православный писатель и поэт, состоит в Союзе писателей России с 2002 года.

Автор ряда статей и книг, в том числе нескольких книг о святой горе Афон, где многократно бывал как православный паломник.

Под румбу звёзд в прорыв уходим мы.
Ты помнишь тот фугас в горах Дарваза?
Смелее, друг...

Орду крошечной тьмы
Сметут бригады русского спецназа!..

* * *

Ночь оглушает ракетный верлибр.
Небо над Каспием взрезали громы.
Полчища мрака сжигает «Калибр».
Кормчие звёзды, как встарь, невесомы...

В щели забила ползучая мгла.
Утро Пальмиры — лазурная сказка.
Лихо армада глобального зла
Села на рифы в предместьях Дамаска...

Ало пылает закатный пожар.
Эхо победы разносят витии.
Грянул, как молния, наш контрудар.
Вижу царя в православной России!..

Всё ближе войны смертоносный оскал.
Зияют воронки от «Града».
Мы грянем из Крыма, как огненный шквал.
Прорвемся к редутам Царьграда!

Закат надел бордовое манто
На плечи нежных, бледно-алых гор.
Прибой весны унес бытийный сор.
Тайфун грозы поднялся на плато.

Мерцают ДОТы звёздных блокпостов.
Корвет луны уходит вновь в затвор.
Над ратью скорбных лет парит Фавор.
И наш отряд идет в тиски хребтов...

Блеснёт дамаской сталью меч приказа.
Заря побед омоет лик Кавказа.
Оттуда — смерчем — двинем на Царьград...

В полночный бархат впился нож кометы.
Рванул сигнал — пурпурный взлёт ракеты.
И грянул штурм плазменный заряд!..

* * *

Земное — сон во сне больного иноверца.
Земное — тщетный бег в миражно-бренный край.
Мой путь к иным мирам — сквозная рана сердца.
Но миг в иных мирах — необратимый рай...

Влюблённость, боль разлук — начало восхождения.
Оскалы злых измен — разрывы бытия.
Идёт крутой подъём на пик освобождения.
К бессмертным небесам моё стремится «я»...

Разъяв греховный смог, от мглы, из зева морга —
В обетованный Свет — к сиянию Креста.
Провижу пир души на острие восторга
И в море славы — Лик грядущего Христа!..

Копьё луны, пробив армады туч,
Попало в шлем серебряной вершины.
Залиты светом вешние долины.
Средь чудных гор висит алмазный луч...

Неясный гул в тумене дальних круч.
А здесь — под нами — дивные картины.
Нисходят с неба звездные лавины.
Плывет Дарваз — огромен, дик, могуч...

Нетленный пир весны в садах Хорога.
По Пянджу — грёзой — лунная пирога.
Вдали неслышно ахнул карабин...

И ты плывешь сквозь лабиринт ущелий,
Под сенью кормчих звезд, к заветной цели,
За грань, в безмерность внутренних глубин...

* * *

Афон накрыла россыпь белых роз.
В лазурной неге гаснет айсберг сонный.
Эскадры туч — лиловых снов колонны —
Плывут сквозь время в край полночных гроз...

Восторг души изгнал, разъял наркоз.
Громады волн таранят пирс бетонный.
За гранью мира, из глубин бездонных,
Струится горный гимн... Апофеоз...

Примечания:

Тумен — соединение в 10 000 воинов в средневековом татаро-монгольском войске;

Дарваз — Дарвазский хребет вблизи Афганистана — бриллиант в короне Западного Памира;

Хорог — столица Горно-Бадахшанской области, на высоте 2200 метров, близ впадения реки Гунт в многоводный Пяндж;

Пяндж — река и одноименное ущелье на высоте примерно 2000 метров; посередине Пянджа проходит огромный отрезок таджикско-афганской границы.

Умылась пеной вздыбленная шхуна.
Рванула мина яркого тайфуна.
Врачует дух могучий рокот грома...

Все ближе к нам сияет Лик Нетленный.
Пронизан светом образ незабвенный.
Под шепот вешних грез звучит «Палома»...

* * *

Я снова вышел на дуэль с судьбой.
И залпы «Града» гулко тишь порвали.
Надели траур пасмурные дали.
Но как красив цветущих крон прибой!..

В когтях войны живу одной тобой.
Крушу молитвой мрачный склеп печали.
В лагунах утра горы просияли.
Сулит победу купол голубой...

Сквозь кратер лунной ночи льется время.
Моя Любовь — бессмертной жизни семя —
Под сенью кормчих звёзд сметает страх...

Истаял дольний мир — юдоль агоний.
Звучат аккорды неземных симфоний.
Надмирный Град блистает в Небесах...

* * *

Снеговая кольчуга хребтов — неподвижное время —
Неотмирно застыв, излучает безмерный покой.
Созерцатели вечности — горы — счастливое племя,
Вы расставлены здесь по постам всемогущей рукой.

Белоснежные кудри окутали бурые склоны.
Камнепад, нападая на тишь, совершает разбой.
Величаво ступают по мраморным снам фараоны —
Силуэты суровых вершин — и влекут за собой...

Очистительный синтез в борьбе обретенных мгновений
Эманирует свет, сокрушая обители зла.
Письмена окружающих гор — манускрипт откровений.
Исчезает, как призрак самума, бытийная мгла...

Серенады ликующих звёзд многомерно интимны.
Восхищенный Гиссар засыпает под вешний мажор.
Лунногриявая ночь распевает беззвучные гимны.
Неотмирный сюрприз преподнес неземной дирижер...

Надо мной распахнули врата золотые просторы.
Караваны минувших эпох устремляются вспять.
Сквозь буруны времён провожу боевые линкоры.
В лабиринты бессмертной весны погружаюсь опять...

О, как сладостно заново плыть в незабвенную юность!
Жадно пить, будто кьянти, восторги чарующих лет.
Пусть грядущие штормы грозят огнезrachным тайфуном —
Изумительный мир отверзает прозревший поэт...

Я вбиваю столетия в миг ослепительной тайны.
Уношу в Запредельность минуты сияющих встреч.
Неподкупная память рисует тот вечер венчальный.
Неподкупное время подымлет карающий меч...

Знаменосец любви, под хитомом зари пламенея,
В светоносном броске прорывает невидимый фронт.
Из мальчишеских грёз возвращается чудная фея.
Но за рифами жизни блистает иной горизонт...

Ностальгический смерч утопает в прибое сирени.
Тарантелла рассвета пронзает завесу судьбы.
Дерзновенно ныряю в безмерность иных измерений.
И уходят в последний дозор вековые дубы...

Перламутровый луч упорхнул в голубое пространство:
От рубиновых прерий — к редутам хрустальной мечты.
Ты когда-нибудь видела в небе такое убранство?..
Так летим же скорее на царственный пир красоты!..

* * *

Близятся сроки решающих сеч.
Грозная осень играет в рулетку.
Годы подымлют блистающий меч.
Вновь вспоминаю родную кадетку...

Время снимает седую вуаль.
Празднуют Пасху безлунные ночи.
Ум улетает в безмерную даль.
Сердце великую битву порочит...

Жажду прочувствовать каждый момент,
Светлой молитвой разять временное.
Жизнь на земле — эфемерный фрагмент.
Но за мгновением — вечно иное...

Примечания:

Бересклет — кустарник с маленькими красными ягодами, похожими на кизил;

Сангвор — кишлак на Западном Памире, у пересечения рек Обихингоу и Обимазор.

Тога зари — несравненный рубин.
Утро Победы — как блеск эполета.
Сгнули фурии черных глубин
В сладостном море Нетварного света...

Моя судьба — подъем на пик экстрима.
В блаженной неге тает хор цикад.
Играет эхо звёздных серенад.
И снова Русь сильна, необорима...

Возьми на память посох пилигрима.
Твоя любовь — как горный светопад.
Вокруг тебя ликует майский сад.
И ты сама мила, неотразима...

В алмазной бездне тайна тайн мерцает.
Скупое время плавно исчезает.
Глухая ночь пришпорила коня...

В афонской келье бдит аскет согбенный.
За гранью лет блистает день нетленный.
Душа полна небесного огня...

* * *

Густые капли времени текут
По нежным прядям среброкудрых далей.
Жемчужный свет мерцающих скрижалей
Разъял стальную вязь незримых пут...

Надмирным бытием сердца живут.
Застыла ночь в сияющем овале.
Под гимны звезд, на снежном перевале,
Мы входим в наш незыблемый приют...

Закончен скорбный путь земных исканий.
В мирах иных, по руслу созерцаний,
Душа струится в трепетную новь...

Бессмертных лет нетленные узоры.
В прозрачной дымке лунно тают горы.
В чертогах духа — вечная любовь...

* * *

Чудный накат неотмирных минут...
День ускользает к неведомой Грани.
Волны раздумий на приступ идут.
Время — тайфун в мировом океане —
Вдруг на меня...
И, отброшенный вспять,
Вновь возвращаюсь в чеканном сонете.
Рву, как бумагу, глубинные сети.
Движусь по руслу грядущих столетий...
Жажду нетленное духом объять,
Двинуть на тьму лучезарную Рать,
Встретить тебя в немерцающем свете...

ПЕСНЯ РАЗВЕДЧИКА

И приказ нас уводит опять
В глубину раскалённых пустынь.
Я бы смог и полжизни отдать,
Чтоб услышать твой голос. Аминь!..

Под Дамаском секиры ракет
Разрубают ревущую высь.
Встретит танки московский кадет.
Милый друг, обо мне помолись...

У Дарайи, в смертельном бою
Вышибают мой гранатомет.
И, быть может, надежду свою
Отправляю в прощальный полёт...

Но внезапно являешься ты,
Открывая бессмертную новь.
И у самой последней черты
Меня вновь воскрешает любовь...

Дева Пречистая мне помогла.
Пройдены гордого сердца торосы.
Смрадная сырость, промозглая мгла
Вдруг превращаются в вешние росы...

Адская темень сгорела дотла.
Вспыхнула ширь неземного простора.
Гарпии мрака, тарантулы зла
Смыты блистающим светом Фавора...

Шёпот магнолий в тиши вековой.
Дивных созвездий несметные рати.
Все естество — лучезарный покой.
В недрах души — полнота благодати...

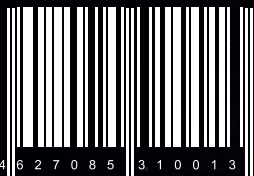
Покинув на время афонский затвор,
Плыву за полночной зарницей.
Сквозь звёздные бризы могучий линкор
Парит огнедышащей птицей...

На Западном фронте алеет Восток
Меж ключев седого тумана.
В теснине шумит изумрудный поток.
Вздымаются кручи Афгана...

Вскипает глобальная сеча элит.
Ревут евразийские вихри.
Россия ломают «турецкий гамбит».
И...замер грядущий Антихрист...

Отчизна в горниле смертельных боёв.
Закаты надмирно кровавы.
Но грянет заря. И сметут вороньё
Орлы святорусской державы!.

4 6 2 7 0 8 5 3 1 0 0 1 3